

сочинений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> приятного чтения!

Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Стихи об Америке, 1925–1926

Испания*

Ты – я думал –
райский сад.

Ложь
подпивших бардов.

Нет –
живьем я вижу
склад

«ЛЕОПОЛЬДО ПАРДО».

Из прилипших к скалам сёл
опустясь с опаской,
чистокровнейший осёл
шпарит по-испански.
Всё плебейство выбив вон,
в шляпы влезла по нос.

Стал

простецкий

«телефон»

гордым

«телефонос».

Чернь волос
в цветах горит.

Щеки в шаль орамив,

сотня с лишним

сеньорит

машет веерами.

От медуз

воде синё.

Глуби –

вёрсты мера.

Из товарищей

«сеньор»

стал

и «кабальеро».

Кастаньеты гонят сонь.

Визги...

пеньё...

страсти!

А на что мне это все?

Как собаке – здрасите!

[1925]

6 монахинь*

Воздев

печенье

картошки личек,

черней,

чем негр,

не выдавший бань,

шестеро благочестивейших католичек

влезло

на борт

парохода «Эспань».

И сзади

и спереди

ровней, чем веревка.

Шали,

как с гвоздика,

с плеч висят,

а лица

обвила

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
белейшая гофрировка,
как в пасху
гофрируют
ножки поросят.
Пусть заполнится годами
жизни квота –
стоит
только
вспомнить это диво,
раздирает
рот
зевота
шире Мексиканского залива.
Трезвые,
чистые,
как раствор борной,
вместе,
□□□эскадронам, садятся есть.
Пообедав, сообща
скрываются в уборной.
Одна зевнула –
зевают шесть.
Вместо известных
симметричных мест,
где у женщин выпуклость, –
у ЭТИХ выем:
в одной выемке –
серебряный крест,
в другой – медали
со Львом
и с Пиетом.
Продрав глазенки
раньше, чем можно, –
в раю
(ужо!)
отоспятся лишек, –
оркестром без дирижера
шесть дорожных
вынимают
евангелишек.
Придешь ночью –
сидят и бормочут.
Рассвет в розы –
бормочут, стервозы!
И днем,
и ночью, и в утра, и в полдни
сидят
и бормочут,
дуры господни.
Если ж
день
чуть-чуть
помрачнеет с виду,
сойдут в кабину,
12 галош
наденут вместе
и снова выйдут,
и снова
идет
елейный скулёж.
Мне б
язык испанский!
Я б спросил, взъяренный:
– Ангелицы,
попросту
ответ поэту дайте –
если
люди вы,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

то кто ж
тогда
вороны?
А если
вы вороны,
почему вы не летаете?
Агитпропщики!
не лезьте вон из кожи.
Весь земной
обревизуйте шар.
Самый
замечательный безбожник
не придумает
кощунственнее шарж!
Радуйся, распятый Иисусе,
не слезай
с гвоздей своей доски,
а вторично явишься –
сюда
не суйся –
всё равно:
повесишься с тоски!
[1925]

Атлантический океан*
Испанский камень
слепящ и бел,
а стены –
зубьями пил.
Пароход
до двенадцати
уголь ел
и пресную воду пил.
Повел
пароход
окованным носом
и в час,
сопя,
вобрал якоря
и понесся.
Европа
скрылась, мельчась.
Бегут
по бортам
водяные глыбы,
огромные,
как годá,
Надо мною птицы,
подо мною рыбы,
а кругом –
вода.
Недели
□□□грудью своей атлетической –
то работяга,
то в стельку пьян –
вздыхает
и гремит
Атлантический
океан.
«Мне бы, братцы,
к Сахаре подобраться...
Развернись и плюнь –
пароход внизу.
Хочу топлю,
хочу везу.
Выходи сухой –
сварю ухой.
Людей не надо нам –

малы к обеду.
Не трону...
ладно...
пускай едут...»
Волны
будоражить мастера:
детство выплеснут;
другому –
голос милой.
Ну, а мне б
опять
знамена простирать!
Вон –
пошло,
затарактело,
загромило!
И снова
вода
присмирела сквозная,
и нет
никаких сомнений ни в ком.
И вдруг,
откуда-то –
черт его знает! –
встает
из глубин
водный Ревком.
И гвардия капель –
воды партизаны –
взбираются
ввысь
с океанского рва,
до неба метнутся
и падают заново,
порфиру пены в клочки изодрав.
И снова
спаялись воды в одно,
волне
повелев
разбурлиться вождем.
И прет волница
с под тучи
на дно –
приказы
и лозунги
сыплет дождем.
И волны
клянутся
всеобщему Цику
оружие бурь
до победы не класть.
И вот победили –
экватору в циркуль
Советов-капель бескрайняя власть.
Последних волн небольшие митинги
шумят
о чем-то
в возвышенном стиле.
И вот
океан
улыбнулся умытенький
и замер
на время
в покое и в штиле.
Смотрю за перила.
Старайтесь, приятели!
Под трапом,
нависшим

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

ажурным мостком,
при океанском предприятии
потеет
над чем-то
волновий местком.
И под водой
деловито и тихо
дворцом
растет
кораллов плетенка,
чтоб легче жилось
трудовой китихе
с рабочим китом
и дошкольным китенком.
Уже
и луну
положили дорожкой.
Хоть прямо
на пузе,
как по сушу, лазь.
Но враг не сунется –
в небо
сторожко
глядит,
не сморгнув,
Атлантический глаз.
То стынешь
в блеске лунного лака,
то стонешь,
облитый пеною ран.
Смотрю,
смотрю –
и всегда одинаков,
любим,
близок мне океан.
Вовек
твой грохот
удержит ухо.
В глаза
тебя
опрокинуть рад.
По шири,
по делу,
по крови,
по духу –
моей революции
старший брат.
[1925]

Мелкая философия на глубоких местах*
Превращусь
не в Толстого, так в толстого, –
ем,
пишу,
от жары балда.
Кто над морем не философствовал?
Вода.
Вчера
океан был злой,
как черт,
сегодня
смирней
голубицы на яйцах.
Какая разница!
Все течет...
Все меняется.
Есть
у воды

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

своя пора:
часы прилива,
часы отлива.
А у Стеклова
вода
не сходила с пера.
Несправедливо.
Дохлая рыбка
плывет одна.
Висят
плавнички,
как подбитые крылышки.
Плывет недели,
и нет ей –
ни дна,
ни покрышки.
Навстречу
медленней, чем тело тюленья,
пароход из Мексики,
а мы –
туда.
Иначе и нельзя.
Разделение
труда.
Это кит – говорят.
Возможно и так.
Вроде рыбьего Бедного –
обхвата в три.
Только у Демьяна усы наружу,
а у кита
внутри.
Годы – чайки.
Вылетят в ряд –
и в воду –
брюшко рыбешкой пичкать.
Скрылись чайки.
□□□В сущности говоря,
где птички?
Я родился,
рос,
кормили соскою, –
жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.
З/VII – Атлантический океан.

[1925]

Блек энд уайт*
Если
Гавану
окинуть мигом –
рай-страна,
страна что надо.
Под пальмой
на ножке
стоят фламинго.
Цветет
коларио
по всей Ведадо.
В Гаване
все
разграничено четко:
у белых доллары,
у черных – нет.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Поэтому
Вилли
стоит со щеткой
у «Энри Клей энд Бок, лимитед».
Много
за жизнь
повымел Вилли –
одних пылинок
целый лес, –
поэтому
волос у Вилли
вылез,
поэтому
живот у Вилли
влез.
Мал его радостей тусклый спектр:
шесть часов поспать на боку,
да разве что
вор,
портовой инспектор,
кинет
негру
цент на бегу.
От этой грязи скроешься разве?
Разве что
стали б
ходить на голове.
И то
намели бы
больше грязи:
волосьев тыщи,
а ног –
две.
Рядом
шла
нарядная Прадо.
То звякнет,
то вспыхнет
трехверстный джаз.
Дурню покажется,
что и взаправду
бывший рай
в Гаване как раз.
В мозгу у Вилли
мало извилин,
мало всходов,
мало посева.
Одно
единственное
вызубрил Вилли
тверже,
чем камень
памятника Масео:
«Белый
ест
ананас спелый,
черный –
гнилью моченый.
Белую работу
делает белый,
черную работу –
черный».
Мало вопросов Вилли сверлили.
Но один был
закорюка из закорюк.
И когда
вопрос этот
влезал в Вилли,

щетка
падала
из Виллиных рук.
И надо же случиться,
чтоб как раз тогда
к королю сигарному
Энри Клей
пришел,
белей, чем облаков стада,
величественнейший из сахарных королей.
Негр
подходит
к туше дебелой:
«Ай бэг ёр пáрдон, мистер Брэгг!
Почему и сахар,
белый–белый,
должен делать
черный негр?
Черная сигара
не идет в усах вам –
она для негра
с черными усами.
А если вы
любите
кофий с сахаром,
то сахар
извольте
делать сами».
Такой вопрос
не проходит даром.
Король
из белого
становится желт.
Вывернулся
король
сообразно с ударом,
выбросил обе перчатки
и ушел.
Цвели
кругом
чудеса ботаники.
Бананы
сплетали
сплошной кров.
Вытер
негр
о белые подштанники
руку,
с носа утершую кровь.
Негр
посопел подбитым носом,
поднял щетку,
держась за скулу.
Откуда знать ему,
что с таким вопросом
надо обращаться
□□□ в Коминтерн,
в Москву?
5/VII – Гавана.

[1925]

Сифилис*
Пароход подошел,
завыл,
погудел –
и скован,
как каторжник беглый.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

На палубе
700 человек людей,
остальные –
негры.
Подплыл
катерок
с одного бочка.
Вбежав
по лесенке хромой,
осматривал
врач в роговых очках:
«Которые с трахомой?»
Припудрив прыщи
□□□и наружность вымыв,
с кокетством себя волоча,
первый класс
дефилировал
мимо
улыбавшегося врача.
Дым
голубой
из дустволки ноздрей
колечком
□□□единым
свив,
первым
шел
в алмазной заре
свиной король –
Свифт.
Трубка
воняет,
в метр длиной.
Попробуй к такому –
полезь!
Под шелком кальсон,
под батистом-лино
поди,
разбери болезнь.
«Остров,
дай
воздержанья зарок!
Остановить велите!»
Но взял
капитан
под козырек,
и спущен Свифт –
сифилитик.
За первым классом
шел второй.
Исследуя
этот класс,
врач
удивлялся,
что ноздри с дырой, –
лез
□□□□□и в ухо
и в глаз.
Врач смотрел,
губу своротив,
нос
□□□□□под очками
взморща.
Врач
троих
послал в карантин
из
□□□второклассного сборища.

За вторым
надвигался
третий класс,
черный от негритья.
Врач посмотрел:
четвертый час,
время коктейлей
питья.
– Гоните обратно
трюму в щель!
Больные –
видно и так.
Грязный вид...
И вообще –
оспа не привита. –
У негра
виски
ревмя ревут.
Валяется
в трюме
Том.
Назавтра
Тому
оспу привьют –
и Том
возвратится в дом.
На берегу
□□□у Тома
жена.
Волоса
густые, как нефть.
И кожа ее
□□□черна и жирна,
как вакса
«Черный лев».
Пока
по работам
Том болтается,
– у Кубы
губа не дура –
жену его
прогнали с плантаций
за неотработку
натурой.
Луна
в океан
накидала монет,
хоть сбросся,
вбежав на насыпь!
Недели
ни хлеба,
ни мяса нет.
Недели –
одни ананасы.
Опять
пароход
привинтило винтом.
Следующий –
через недели!
Как дожидаться
с голодным ртом?
– Забыл,
разлюбил,
забросил Том!
С белой
рогожу
делит! –
Не заработать ей

и не скрасть.
Везде
полисмены под зонтиком.
А мистеру Свифту
последнюю страсть
раздула
эта экзотика.
Потело
тело
под бельецом
от черненького мясца.
Он тыкал
доллары
в руку, в лицо,
в голодные месяца.
Схватились –
желудок,
пустой давно,
и верности тяжеловес.
Она
решила отчетливо:
«No!»[1], –
и глухо сказала:
«Jes!»[2].
Уже
на дверь
плечом напирал
подгнивший мистер Свифт.
Его
□□□□□□и ее
наверх
в номера
взвинтил
услужливый лифт.
Явился
Том
через два денька.
Неделю
спал без просыпа.
И рад был,
что есть
и хлеб,
и деньга
и что не будет оспы.
Но день пришел,
□□□и у кож
в темноте
узор непонятный впеппен.
И дети
у матери в животе*
онемевали
и слепли.
Суставы ломая
день ото дня,
года календарные вылистаны,
и кто-то
у тел
половину отнял
и вытянул руки
для милостыни.
Внимание
к негру
стало особое.
Когда
собиралась паства,
морали
□□□наглядное это пособие
показывал

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

постный пастор:
«Карает бог
и его
и ее
за то, что
водила гостей!»
И слазило
черного мяса гнилье
с гнилых
негритянских костей. –
В политику
этим
не думал ввязаться я.
А так –
срисовал для видика.
Одни говорят –
«цивилизация»,
другие –
«колониальная политика».
[1926]

Христофор Колумб*
Христофор Колумб был Христофор Колумб – испанский еврей.

Из журналов
1
Вижу, как сейчас,
объедки да бутылки...
В портишке,
известном
лишь кабачком,
Колумб Христофор
и другие забулдыги
сидят,
нахлобучив
шляпы бочком.
Христофора злят,
пристают к Христофору:
«Что вы за нация?
Один Сион!
Любой португалишка
даст тебе фору!»
Вконец извели Христофора –
и он
покрыл
дисканточком
щелканье пробок
(задели
в еврее
большую струну):
«Что вы лезете:
Европа да Европа!
Возьму
и открою другую
страну».
Дивятся приятели:
«Что с Колумбом?
Вина не пьет,
не ходит гулять.
Надо смотреть –
не вывихнул ум бы.
Всю ночь сидит,
раздвигает циркуля».

2
Мертвая хватка в молодом еврее;
думает,
не ест,
не досыпает ночей.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Лакеев
оттягивает
за фалды ливреи,
лезет
аж в спальни
королей и богачей.
«Кораллами торгуете?!
Дешевле редиски.
Сам
наловит
каждый мальчуган.
То ли дело
материк индийский:
не барахло –
бирюза,
жемчуга!
Дело верное:
вот вам карта.
Это океан,
а это –
мы.
Пунктиром путь –
и бриллиантов караты
на каждый полтинник,
данный взаймы».
Тесно торгашам.
Томятся непоседы.
По суху
и в год
не обернется караван.
И закапали
флорины и пезеты
Христофору
в продырявленный карман.
3
Идут,
посвистывая,
отчаянные из отчаянных.
Сзади тюрьма.
Впереди –
ни рубля.
Арабы,
□□□ французы,
испанцы
и датчане
лезли
по трапам
Коломбова корабля.
«Кто здесь Колумб?
До Индии?
В ночку!
(Чего не откроешь,
если в пузе орган!)
Выкатывай на палубу
белого бочку,
а там
вези
хоть к черту на рога!»
Прощанье – что надо.
Не отъезд – а помпа:
день
не просыхали
капли на усах.
Время
меряли,
впярясь в компас.
Спьяна
путали штаны и паруса.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Чуть не сшибли
маяк зажженный.
Палубные
не держатся на полу,
и вот,
быть может, отсюда,
с Жижона
на всех парусах
рванулся Колумб.

4

Единая мысль мне сегодня люба,
что эти вот волны
Колумба лапили,
что в эту же воду
с Колумбова лба
стекали
пота
усталые капли.
Что это небо
землей обмеля,
на это вот облако,
вставшее с юга, –
– «На мачты, братва!
глядите –
земля!» –
орал
рассудок теряющий юнга.
И вновь
океан
с простора раскосого
вбивал
□□□ в небеса
громыхающий клин,
а после
бртался
с волной сарагоссовой,
и вместе
пучки травы волокли.
Он

□□□□Этой же бури слушал лады.
Когда ж
затихает бури задор,
мерещатся
в водах
Колумба следы,
ведущие
на Сан-Сальвадор.

5

Вырастают дни
в бородатые месяцы.
Луны
мрут
у мачты на колу.
Надоело океану,
Атлантический бесится.
Взбешен Христофор,
извелся Колумб.
С тысячной волны трехпарусник
съехал.
На тысячу первую взбираться
надо.
Видели Атлантический?
Тут не до смеха!
Команда ярится –
устала команда.
Шепчутся:
«Черту ввязались в попутчики.
Дома плохо?»

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п

И стол и кровать.
Знаем мы
ЭТИ
жидовские штучки –
разные
Америки
закрывать и открывать!»
За капитаном ходят по пятам.
«Вернись! – говорят,
играют мушкой. –
Какой ты ни есть
капитан-раскапитан,
а мы тебе тоже
не фунт с осьмушкой».
Лазит Колумб
□□□на брэмсель с фòка,
глаза аж навывкате,
исхудал лицом;
пустился во-всю:
□□□придумал фокус
со знаменитым
Колумбовым яйцом.
Что яйцо? –
игрушка на день.
И день
не оттянешь
у жизни-воровки.
Галдит команда,
на Колумба глядя:
«Крепка
петля
из гонуэзской веревки.
Кончай,
Христофор,
собачий век!..»
И кортики
воздух
во тьме секут.
– «Земля!» –
Горизонт в туманной
кайме.
Как я вот
в растущую Мексику
и в розовый
этот
песок на заре,
вглазелись.
Не смеют надеяться:
с кольцом экватора
в медной ноздре
вставал
материк индейцев.
6
Года прошли.
В старика
шипуну
смельчал Атлантический,
гордый смолоду.
С бортов «Мажестіков»
любая шпана
плюет
в твою
седоусую морду.
Колумб!
твое пропало наследство!
В вонючих трюмах
твои потомки
с машинным адом

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

в горящем соседстве
лежат,
под щеку
подложивши котомки.
А сверху,
в цветах первоклассных розеток,
катаясь пузом
от танцев
до пьянки,
в уюте читален,
кино
□□□и клозетов
катаются донны,
сеньоры
и янки.
Ты балда, Колумб, –
скажу по чести.
Что касается меня,
то я бы
лично –
я б Америку закрыл,
слегка почистил,
а потом
опять открыл –
вторично.
[1925]

Тропики*
(Дорога Вера-Круц – Мехико-Сити)
Смотрю:
вот это –
тропики.
Всю жизнь
вдыхаю наново я.
А поезд
прет торопкий
сквозь пальмы,
сквозь банановые.
Их силуэты-веники
встают рисунком тошненьким:
не то они – священники,
не то они – художники.
Аж сам
не веришь факту:
из всей бузы и вара
встает
растенье – кактус
трубой от самовара.
А птички в этой печке
красивей всякой меры.
По смыслу –
□□□воробейчики,
а видом –
шантеклеры.
Но прежде чем
осмыслил лес
и бред,
и жар,
и день я –
и день
и лес исчез
без вечера
и без
предупрежденья.
Где горизонта борозда?!
Все линии
потеряны.
Скажи,

которая звезда
и где
глаза пантерины?
Не счел бы
лучший казначей
звезды
тропических ночей,
настолько
ночи августа
звездой набиты
нагусто.
Смотрю:
ни зги, ни тропки.
Всю жизнь
вдыхаю наново я.
А поезд прет
сквозь тропики,
сквозь запахи
банановые.
[1926]

Мексика*
О, как эта жизнь читалась врасос!
Идешь.
Наступаешь на ноги.
В руках
превращается
ранец в лассо,
а клячи пролеток –
мустанги.
Взаправду
игрушечный
рос магазин,
ревел
пароходный гудок.
Сейчас же
сбегу
в страну мокассин –
лишь сбондю
рубль и бульдог.
А сегодня –
это не умора.
Сколько миль воды
винтом нарыто, –
и встает
живьем
страна Фениамора
Купера
и Майн-Рида.
Рев сирен,
кончается вода.
Мы прикручены
к земле
о локоть локоть.
И берет
набитый «Лефом»
чемодан
Монтигомо
Ястребиный коготь.
Глаз торопится слезой налиться.
Как? чему я рад? –
– Ястребиный коготь!
Я ж
твой «Бледнолицый
Брат».
Где товарищи?
чего таишься?
Помнишь,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

из-за клумбы
стрелами
отравленными
в Кутаисе
били
мы
по кораблям Колумба? –
Цедит
злобно
Коготь Ястребиный,
медленно,
как треснувшая крынка:
– Нету краснокожих – истребили
гачупины с гринго.
Ну, а тех из нас,
которых
пульки
пощадили,
просвистевши мимо,
кабаками
кактусовый «пульке»
добивает
по 12-ти сантимов.
Заменила
чемоданов куча
стрелы,
от которых
никуда не деться... –
Огрызнулся
и пошел,
сомбреро нахлобуча
вместо радуги
из перьев
птицы Кётцаль,
Года и столетья!
Как ни косите
склоненные головы дней, –
корявые камни
Мехико-сити
прошедшее вышепчут мне.
Это
было
так давно,
как будто не было.
Бабушки столетних попугаев
не запомнят.
Здесь
из зыби озера
вставал Пуэбло,
дом-коммуна
в десять тысяч комнат.
И золото
между озерных зыбей
лежало,
аж рыть не надо вам.
Чего еще,
живи,
бронзовой,
вторая сестра Элладова!
Но очень надо
за морем
белым,
чего индейцу не надо.
Жадна
у белого
Изабелла,
жена
короля Фердинанда.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Тяжек испанских пушек груз.

Сквозь пальмы,
сквозь кактусы лез
по этой дороге
из Вера-Круц
генерал

Эрнандо Кортés.
Пришел.

Вода студеная
хочет
вскипеть кипятком
от огня.

Дерутся
72 ночи
и 72 дня.

Хранят
краснокожих
двумордые идолы.

От пушек
не видно вреда.
Как мышь на сало,
прельстясь на титулы,
своих

Моктецума предал.

Напрасно,
разбитых
в отряды спаяв,
Гватéмок
в озерной воде
мок.

Что

против пушек
стреленка твоя!..

Под пытками
умер Гватéмок.

И вот стоим,
индеец да я,
товарищ
далекого детства.

Он умер,
чтоб в бронзе
веками стоять
наискосок от полпредства.

Внизу
громыкает
столетий орда,
и горько стоять индейцу.

Что братьям его,
рабам,
чехарда

всех этих Хуэрт
и Диэцов?..

Прошла
годов трезначная сумма.

Героика
нынче не тема.

Пивною маркой стал Моктецума,
пивной маркой –
Гватéмок.

Буржуи
всё

под одно стригут.

Вконец обесцветили мир мы.

Теперь

в утешенье земле-старика
лишь две

конкурентки фирмы.

Ни лиц пожелтелых,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
ни солнца одёж.
В какую
огромную лупу,
в какой трущобе
теперь
найдешь
сарape и Гваделупу?
Что Рига, что Мехико –
родственный жанр.
Латвия
тропического леса.
Вся разница:
зонтик в руке у рижан,
а у мексиканцев
«СМИТ и Вёссон».
Две Латвии
с двух земных боков –
различные собой они
лишь тем,
□□□что в Мексике
режут быков
в театре,
а в Риге –
на бойне.
И совсем как в Риге,
около пяти,
проклиная
мамову опеку,
фордом
разжигая
жениховский аппетит,
кружат дочки
по Чапультапеку.
А то,
что тут урожай фуража,
что в пальмы земля разодела,
так это от солнца, –
□□□сиди
и рожай
бананы и президентов.
Наверху министры
в бриллиантовом огне.
Под –
народ.
Гoleyший зад виднеется.
Без штанов,
во-первых, потому, что нет,
во-вторых, –
не полагается:
индейцы.
Обнищало
моктецумье племя,
и стоит оно
там,
где город
выбег
на окраины прощаться
перед вывеской
муниципальной:
«Без штанов
в Мехико-СИТИ
вход воспрещается».
Пятьсот
по Мексике
нищих племен,
а сытый
с одним языком:
одной рукой выжимает в лимон,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
одним запирает замком.
Нельзя
борьбе
в племена рассекаться.
Нищий с нищими
рядом!
Несись
по земле
из страны мексиканцев,
роднящий крик:
«Камарада»!
Голод
мастер людей равнять.
Каждый индеец,
□□□кто гол.
В грядущем огне
родня-головня
ацтек,
метис
и креол.
Мильон не угробят богатых лопаты.
Страна!
Поди,
покори ее!
Встают
взамен одного Запаты
Гальваны,
Морено,
Карио.
Сметай
с горбов
толстопузых обузу,
ацтек,
креол
и метис!
Скорей
над мексиканским арбузом,
багровое знамя, взметись!
Мехико-сити

20/VII 1925 г.

Богомольное*
Большевики
надругались над верой православной.
В храмах-клубах –
словесные бои.
Колокола без языков –
немые словно.
По божьим престолом
похабничают воробьи.
Без веры
и нравственность ищем напрасно.
Чтоб нравственным быть –
кадилами вей.
Вот Мексика, например,
потому и нравственна,
что прут
богомолки
□□□к вратам церквей.
Кафедраль –
богомольнейший из монашых
□□□институтцев.
Брат «Notre Dame'a» [3]
на площади, –
а около,
запружена народом,
«Площадь Конституции»,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

в простонародии –
«Площадь Сокола».
Блестящий
двенадцатицилиндровый
Пакард
остановил шофер,
простоватый хлопец.
– Стой, – говорит, –
помолюсь пока... –
донна Эсперанца Хуан-де-Лопец.
Нету донны
ни час, ни полтора.
Видно, замолилась.
Веровать так веровать.
И снится шоферу –
донна у алтаря.
Парит
голубочком
душа шоферова.
А в кафедрале
безлюдно и тихо:
не занято
в соборе
ни единого стульца.
С другой стороны
у собора –
выход
сразу
на четыре гудящие улицы.
Донна Эсперанца
выйдет как только,
к донне
дон распаленный кинется.
За угол!
Улица «Изабелла Католика»,
а в этой улице –
гостиница на гостинице.
□□□А дома –
растет до ужина
□□□свирепость мужа.
□□□У донна Лопеца
□□□терпенье лопається.
□□□То крик,
то стон
□□□испускает дон.
Гремит
по квартире
тигровый соло:
– На восемь частей разрежу ее! –
И, выдрав из уса
в два метра волос,
он пробует
сабли своей остриё.
– Скажу ей:
«Иначе, сеньора, лягте-ка!
Вот этот
кольт
ваш сожитель до гроба!» –
И в пумовой ярости
– все-таки практика! –
сбивает
с бутылок
дюжину пробок.
□□□□□Гудок в два тона –
□□□□□приехала донна.
Еще
и рев
не успел уйти

за кактусы
ближнего поля,
а у шоферских
виска и груди
нависли
клинок и пистоля.
– Ответ или смерть!
Не вертеть вола!
Чтоб донна
□□□не могла
запираться,
ответь немедленно,
где была
жена моя
Эспанца? –
– О дон-Хуан!
В вас дьяволы злбятся.
Не гневайте
божью милость.
Донна Эспанца
Хуан-де-Лопец
сегодня
усердно
молилась.
[1925]

Мексика – Нью-Йорк*
Бежала
Мексика
от буферов
горящим,
сияющим бредом.
И вот
под мостом
река или ров,
делящая
два Ларедо.
Там доблести –
скачут,
коня загоня,
в пятак
попадают
из кольта,
и скачет конь,
и брюхо коня
о колкий кактус исколото.
А здесь
□□□железо –
не расшатать!
Ни воли,
ни жизни,
ни нерва вам!
И сразу
рябит
тюрьма решета
вам
для знакомства
для первого.
По рельсам
поезд сыпет,
под рельсой
шпалы сыпятся.
И гладью
Миссисипи
под нами миссисипится.
По бокам
поезда
не устанут сновать:

или хвост мелькнет,
или нос.
На боках поездных
страновеют слова:
«Сан Луис»,
«Мичиган»,
«Иллинойс»!
Дальше, поезд
огнями расцвеченный!
лез,
обгоняет,
храпит.
В Нью-Йорк несется
«Твенти сэнчери
экспресс».
Курьерский!
Рapid!
Кругом дома,
в этажи затеряв
путей
и проволок множь.
Теряй шапчонку,
глаза задеря,
все равно –
ничего не поймешь!
[1926]

Бродвей*
Асфальт – стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки –
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока –
□□□стриты.
А между –
(куда их строитель завез!) –
дома
невозможной длины.
Одни дома
длиною до звезд,
другие –
длиной до луны.
Янки
подошвами шлепать
ленив:
простой
и курьерский лифт.
В 7 часов
человечий прилив,
в 17 часов –
отлив.
Скрежещет механика,
звон и гам,
а люди
немые в звоне.
И лишь замедляют
жевать чуингам,
чтоб бросить:
«Мек мóней?»
Мамаша
грудь
ребенку дала.
Ребенок,
с каплями из носу,
сосет

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

как будто
не грудь, а доллар –
занят
серьезным
бизнесом.
Работа окончена.
Тело обвей
в сплошной
□□□электрический ветер.
Хочешь под землю –
бери собвей,
на небо –
бери элевейтер.
Вагоны
едут
и дымам под рост,
и в пятках
домовьих
трутся,
и вынесут
хвост
на Бруклинский мост,
и спрячут
в норы
под Гудзон.
Тебя ослепило,
ты
осовел.
Но,
□□□□□как барабанная дробь,
из тьмы
по темени:
«Кофе Максвел
гуд
ту да ласт дроп».
А лампы
как станут
ночь копать,
ну, я доложу вам –
пламечко!
Налево посмотришь –
мамочка мать!
Направо –
мать моя мамочка!
Есть что поглядеть московской братве.
И за день
в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк.
Это Бродвей.
Гау ду ю ду!
Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
□□□□□кепчонку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.
6 августа – Нью-Йорк.

[1925]

Свидетельствую*
вид индейцев таков:
пернат,
□□□смешон
и нездешен.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Они
приезжают
из первых веков
сквозь лязг
«Пенсильвэния Стэйшен».
Им
Күлиджи
пару пальцев суют.
Снимают
□□□их
голливудцы.
На крыши ведут
в ресторанный уют.
Под ними,
гульбу разгудевши свою,
ньюйоркские улицы льются.
Кто их радует?
чем их злят?
О чем их дума?
куда их взгляд?
Индейцы думают:
«Ишь –
капитал!
Ну и домá застроил.
Всё отберем
ни за пятак
при
социалистическом строе.
Сначала
будут
бои клокотать.
А там
ни вражды,
ни начальства!
Тишь
да гладь
да божья благодать –
сплошное луначарство.
Иными
□□□рейсами
вспенятся воды;
пойдут
□□□пароходы зажаривать,
сюда
из Москвы
возить переводы
произведений Жарова.
И радио –
только – мгла легла –
правду-матку вызвенит.
Придет
и расскажет
на весь вигвам,
в чем
красота
жизни.
И к правде
пойдет
индейская рать,
вздымаясь
знаменной уймою...»
Впрочем,
зачем
про индейцев врать?
Индейцы
про это
□□□не думают.
Индеец думает:

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

«Там,
где чёрно
воде
у моста в оскале,
плескался
□□□недавно
юркий челнок
деда,
искателя скальпов.
А там,
где взвиг
этажей коробо́к
и жгут
миллион киловатт, –
стоял
индейский
□□□военный бог,
брюхат
и головат.
И всё,
что теперь
вокруг течет,
всё,
что отсюда видимо, –
всё это
вытворил белый черт,
заморская
белая ведьма.
Их
□□□□всех бы
в лес прогнать
в один,
и мы чтоб
с копьем гонялись...»
Поди
под такую мысль
подведи
классовый анализ.
Мысль человечья
много сложнее,
чем знают
у нас
о ней.
Тряхнув
оперенья нарядную рядь
над пастью
облошаделой,
сошли
и – пока!
пошли вымирать.
А что им
□□□больше
делать?
Подумай
о новом агит-винте.
Винти,
чтоб задор не гас его.
Ждут.
Переводи, Коминтерн,
расовый гнев
на классовый.
[1926]

Барышня и Вульворт*
Бродвей сдурел.
Бегня и гулево.
Дома
с небес обрываются

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п

и висят.
Но даже меж ними
□□□ заметишь Вульворт.
Корсетная коробка
этажей под шестьдесят.
Сверху
разведывают
звезд взводы,
в средних
тайпистки
стрекочут бешено.
А в самом нижнем –
«Дрогс со́да,
грет энд фэймус кóмпани-нэйшенал».
А в окошке мисс
□□□ семнадцати лет
сидит для рекламы
и точит ножи.
Ржавые лезвия
фирмы «Жиллет»
кладет в патентованный
железный зажим
и гладит
и водит
кожей ремня.
Хотя
усов
и не полагается ей,
но водит
по губке,
усы возомня, –
дескать –
готово,
наточил и брей.
Наточит один
до сияния лучика
и новый ржавый
берет для возни.
Наточит,
вынет
и сделает ручкой.
Дескать –
зайди,
купи,
возьми.
Буржуем не сделаешься с бритвенной точки.
Бегут без бород
и без выражений на лице.
Богатств буржуйских особые источники:
работай на доллар,
а выдадут цент.
У меня ни усов,
ни долларов,
ни шевелюр, –
и в горле
застревают
английского огрызки.
Но я подхожу
и губми шевелю –
как будто
через стекло
разговариваю по-английски.
«Сидишь,
□□□ глазами буржуев охлопана.
Чем обнадежена?
Дура из дур».
А девушке слышится:
«Опен,

опен ди дор».
«Что тебе заботиться
о чужих усах?
Вот...
посадили...
как дуру еловую».
А у девушки
фантазия раздувает паруса,
и слышится девушке:
«Ай лóв ю».
Я злею:
«Выйдь,
окно разломай, –
а бритвы раздай
для жирных горл».
Девушке мнится:
«Май,
май гóрл».
Выходит
фантазия из рамок и мерок –
и я
□□□□□□кажусь
красивый и толстый.
И чудится девушке –
влюбленный клерк
на ней
жениться
приходит с Вóлстрит.
И верит мисс,
от счастья дрожа,
что я –
долларовый воротила,
что ей
уже
в других этажах
готовы бесплатно
и стол
и квартира.
Как врезать ей
в голову
мысли-ножи,
что русским известно другое средство,
как влезть рабочим
во все этажи
без грез,
без свадеб,
без жданий наследства.
[1925]

Небоскреб в разрезе*
Возьми
разбольшущий
дом в Нью-Йорке,
взгляни
насквозь
на зданье на то.
Увидишь –
старейшие
норки да каморки –
совсем
дооктябрьский
Елец аль Конотоп.
Первый –
ювелиры,
караул бессменный,
замок
зацепился ставням о бровь.
В сером

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

герои кино,
полисмены,
лягут
собаками
за чужое добро.
Третий –
спят бюро–конторы.
Есть
промокашки
рабий пот.
Чтоб мир
не забыл,
хозяин который,
на вывесках
золотом
«Вильям Шпрот».
Пятый.
Подсчитав
приданные сорочки,
мисс
перезрелая
в мечте о женихах.
Вздымая грудью
ажурные строчки,
почесывает
пышных подмышек меха.
Седьмой.
Над очагом
домашним
высясь,
силы сберегши
спортом смолоду,
сэр
□□□□□ своей законной миссис,
узнав об измене,
кровавит морду.
Десятый.
Медовый.
Пара легла.
Счастливей,
□□□ чем Ева с Адамом были.
Читают
в «Таймсе»
отдел реклам:
«Продажа в рассрочку автомобилей».
Тридцатый.
Акционеры
сидят увлечены,
делят миллиарды,
жадны и озабочены.
Прибыль
треста
«изготовление ветчины
из лучшей
дохлой
чикагской собачины».
Сороковой.
У спальни
опереточной дивы.
В скважину
замочную,
сосредоточив прыть,
чтоб Кулидж дал развод,
детективы
мужа
должны
в кровати накрыть.
Свободный художник,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

рисующий задочки,
дремлет в девяностом,
думает одно:
как бы ухажнуть
за хозяйской дочкой –
да так,
чтоб хозяину
всучить полотно.
А с крыши стаял
скатертный снег.
Лишь ест
в ресторанной выси
большие крохи
уборщик негр,
а маленькие крошки –
крысы.
Я смотрю,
и злость меня берет
на укрывшихся
за каменный фасад.
Я стремился
за 7000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад.
[1925]

Порядочный гражданин*
Если глаз твой
врага не видит,
пыл твой выпили
нэп и торг,
если ты
отвык ненавидеть, –
приезжай
сюда,
в Нью-Йорк.
Чтобы, в мили улиц опутан,
в боли игл
фонарных ежей,
ты прошел бы
со мной
лилипупом
у подножия
их этажей.
Видишь –
вон
выгребают мусор –
на обедках
с детьми проняньчиться,
чтоб в авто,
обгоняя «бусы»,
ко дворцам
неслись бриллиантщицы.
Загляни
в окошки в эти –
здесь
наряд им вышили княжий.
Только
сталью глушит элевейтер
хрип
и кашель
чахотки портняжей.
А хозяин –
липкий студень –
с мордой,
вспухшей на радость чирю,
у работницы
щупает груди:

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

«Кто понравится –
удочерю!
Двести дам
(если сотни мало),
грусть
сгоню
навсегда с очей!
Будет
жизнь твоя –
Куни-Айланд,
луна-парк
в миллиард свечей».
Уведет –
а назавтра
звѣрья,
волчья банда
бесполох старух
проститутку –
в смолу и в перья,
и опять
в смолу и в пух.
А хозяин
в отеле Пláза,
через рюмку
и с богом сблизясь,
закатил
в поднебесье глазки:
«Сѣнк'ю
за хороший бизнес!»
Успокойтесь,
вне опасения
ваша трезвость,
нравственность,
дети,
барабаны
«армий спасения»
вашу
в мир
трубят добродетель.
БОГ
□□□□□□на вас
не разукоризнится:
с вас
и маме их –
на платок,
и ему
соберет для ризницы
божий мѣнаджер,
поп Платон.
Клоб полиций
на вас не свалится.
Чтобы ты
добрел, как кулич,
смотрит сквозь холеные пальцы
на тебя
демократ Кулидж.
И, елозя
по небьим сводам
стражем ханжества,
центов
и сала,
пялит
руку
ваша свобода
над тюрьюмою
Элис-Айланд.
[1925]

нений в тринадцать томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Вызов*

Горы злобы
аж ноги гнут.
Даже
шея вспухает зобом.
Лезет в рот,
в глаза и внутрь.
Оседая,
влезает злоба.
Весь в огне.
Стою на Риверсайде.
Сбоку
фордами
штурмуют мрака форт.
Небоскребы
локти скручивают сзади,
впереди
американский флот.
Я смеюсь
над их атакою тройною.
Ники Картеры
мою
не доглядели визу.
Я
полпред стиха –
и я
с моей страной
вашим штатишкам
бросаю вызов.
Если
кроха протухла,
плéснится,
выбрось
весь
прогнивший кус.
Сплюнул я,
не доев и месяца
вашу доблесть,
законы,
вкус.
Посылаю к чертям свинячим
все доллары
всех держав.
Мне бы
кончить жизнь
в штанах,
в которых начал,
ничего
за век свой
не стяжав.
Нам смешны
дозволенного зоны.
Взвод мужей,
остолбеней,
цинизмом поражен!
Мы целуем
– беззаконно! –
над Гудзоном
ваших
длинноногих жен.
День наш
шумен.
И вечер пышен.
Шлите
сыщиков
в щелки слушать.
Пьем,
плюя

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

на ваш прогибишен,
ежедневную
«Белую лошадь».
Вот и я
стихом побрататься
прикатил и вбиваю мысли,
не боящиеся депортаций:
ни сослать их нельзя
и не выселить.
Мысль
сменяют слова,
а слова –
дела,
и, глядишь,
с небоскребов города,
раскачав,
в мостовые
вбивают тела –
Вандерлипов,
Рокфеллеров,
Фордов.
Но пока
доллар
всех поэм родовой.
Обирая,
лапя,
хапая,
выступает,
порфирой надев Бродвей,
капитал –
его препохабие.
[1925]

100%*
Шеры...
облигации...
доллары...
центы...
В винницкой глуши тьмутараканьясь,
так я рисовал,
вот так мне представлялся
□□□стопроцентный
американец.
Родила сына одна из жен.
Отвернув
пеленочный край,
акушер демонстрирует:
Джон как Джон.
Ол райт!
Девять фунтов,
глаза –
пяточки.
Ощерив зубовный ряд,
отец
протер
роговые очки:
Ол райт!
Очень прост
воспитанья вопрос,
Ползает,
лапы марает.
Лоб расквасил –
ол райт!
нос –
ол райт!
Отец говорит:
«Бездельник Джон.
Ни цента не заработал,

а гуляет!»
Мальчишка
Джон
выходит вон.
Ол райт!
Техас,
Калифорния,
Массачузэт.
Ходит
из края в край.
Есть хлеб –
ол райт!
нет –
ол райт!
Подрос,
поплевывает слюну,
Трубчонка
горит, не сгорает.
«Джон,
на пари,
пойдешь на луну?»
Ол райт!
Одну полюбил,
назвал дорогой.
В азарте
играет в рай.
Она изменила,
ушел к другой.
Ол райт!
Наследство Джону.
Расходов –
рой.
Миллион
растаял от трат.
Подсчитал,
улыбнулся –
найдем второй.
Ол райт!
Работа.
Хозяин –
лапчатый гусь –
обкрадывает
и обирает.
Джон
намотал
на бритый ус.
Ол райт!
Хозяин выгнал.
Ну, что ж!
Джон
рассчитаться рад.
Хозяин за кольт,
а Джон за нож.
Ол райт!
Джон
хозяйской пулей сражен.
Шепчутся:
«Умирает».
Джон услышал,
усмехнулся Джон.
Ол райт!
Гроб.
Квадрат прокопали черный.
Земля –
как по крыше град.
Врыли.
Могильщик
вздыхнул облегченно.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Ол райт!
Этих Джонов
нету в Нью-Йорке.
Мистер Джон,
жена его
и кот
зажирели,
спят
в своей квартирной норке,
просыпаясь
изредка
от собственных икот.
Я разбезалаберный до крайности,
но судьбе
не любящий
учтиво кланяться,
я,
поэт,
и то американистей
самого что ни на есть
американца.
[1925]

Американские русские*
Петров
Капланом
за пуговицу пойман.
Штаны
заплатаны,
как балканская карта.
«Я вам,
сэр,
назначаю апойнтман.
Вы знаете,
кажется,
мой апартман?
Тудой пройдете четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стриткара набита,
около
можете взять
подземный трен.
Возьмите
с меняньем пересядки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на корнере
у дрогс ликет,
а мне уж
и пинту
принес бутлэггер.
Приходите ровно
в сэвен оклок, –
поговорим
про новости в городе
и проведем
по-московски вечерок, –
одни свои:
жена да бордер.
А с джабом завозитесь в течение дня
или
раздумаете вовсе –
тогда
обязательно
отзвоните меня.
Я буду

в офисе». «Гуд бай!» –
разнеслось окрест
и кануло
ветру в свист.
Мистер Петров
пошел на Вест,
а мистер Каплан –
на Ист.
Здесь, извольте видеть, «джаб»,
а дома
«цуп» да «цус».
С насыпи
язык
летит на полном пуске.
Скоро
только очень образованный
француз
будет
кое-что
соображать по-русски.
Горланит
по этой Америке самой
стоязыкий
народ-оголтец.
Уж если
Одесса – Одесса-мама,
то Нью-Йорк –
Одесса-отец.
[1925]

Бруклинский мост*
Издай, Кулидж,
радостный клич!
На хорошее
и мне не жалко слов.
От похвал
красней,
как флага нашего материйка,
хоть вы
и разъюнайтед стетс
оф
Америка.
Как в церковь
идет
помешавшийся верующий,
как в скит
удаляется,
строг и прост, –
так я
в вечерней
сереющей мерещи
вхожу,
смиранный, на Бруклинский мост.
Как в город
в сломанный
прет победитель
на пушках – жерлом
жирафу под рост –
так, пьяный славой,
так жить в аппетите,
влезая,
гордый,
на Бруклинский мост.
Как глупый художник
в мадонну музея
вонзает глаз свой,
влюблен и остр,

так я,
с поднебесья,
в звезды усеян,
смотрю
на Нью-Йорк
сквозь Бруклинский мост.
Нью-Йорк
до вечера тяжек
и душен,
забыл,
что тяжело ему
и высоко,
и только одни
домовьи души
встают
в прозрачном свечении окон.
Здесь
еле зудит
элевейтеров зуд.
И только
по этому
тихому зуду
поймешь –
поезда
с дребезжаньем ползут,
как будто
в буфет убирают посуду.
Когда ж,
казалось, с под речки начатой
развозит
с фабрики
сахар лавочник, –
то
□□□ под мостом проходящие мачты
размером
не больше размеров булавочных.
Я горд
вот этой
стальной милей,
живьем в ней
мои видения встали –
борьба
за конструкции
вместо стилей,
расчет суровый
гаек
и стали.
Если
придет
окончание света –
планету
хаос
разделает влоск,
и только
один останется
этот
над пылью гибели вздыбленный мост,
то,
□□□□ как из косточек,
тоньше иголок,
тучнеют
в музеях стоящие
ящеры,
так
с этим мостом
столетий геолог
сумел
воссоздать бы

дни настоящие.
Он скажет:
– Вот эта
стальная лапа
соединяла
моря и прерии,
отсюда
Европа
рвалась на Запад,
пустив
по ветру
индейские перья.
Напомнит
машину
ребро вот это –
сообразите,
хватит рук ли,
чтоб, став
стальной ногой
на Мангётен,
к себе
за губу
притягивать Бруклин?
По проводам
электрической пряди –
я знаю –
□□эпоха
после пара –
здесь
люди
уже
орали по радио,
здесь
люди
уже
взлетали по аэро.
Здесь
жизнь
была
одним – беззаботная,
другим –
голодный
протяжный вой.
Отсюда
безработные
в Гудзон
кидались
вниз головой.
И дальше
картина моя
без загвоздки
по струнам-канатам,
аж звездам к ногам.
Я вижу –
здесь
стоял Маяковский,
стоял
и стихи слагал по слогам. –
Смотрю,
как в поезд глядит эскимос,
впиваюсь,
как в ухо впивается клещ.
Бруклинский мост –
да...
Это вещь!
[1925]

Кемп «Нит гедайге»*

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Запретить совсем бы
ночи-негодяйке
выпускать
из пасти
столько звездных жал.
Я лежу, –
палатка
в кемпе «нит гедайге».
Не по мне все это.
Не к чему...
и жаль...
Взвоят
и замрут сирены над Гудзо́ном,
будто бы решают:
выть или не выть?
лучше бы не выли.
Пассажирам сонным
надо просыпаться,
думать,
есть,
любить...
Прямо
перед мордой
пролетает вечность –
бесконечночасый распустила хвост.
Были б все одеты,
и в бельё, конечно,
если б время
ткало
не часы,
а холст.
Впречь бы это
время
в приводной бы ремень, –
спустят
с холостого –
и чеши и сыпь!
Чтобы
не часы показывали время,
а чтоб время
честно
двигало часы.
Ну, американец...
тоже...
чем гордится.
Втер очки Нью-Йорком.
Видели его.
Сотня этажишек
в небо гордится.
Этажи и крыши –
только и всего.
Нами
через пропасть
прямо к коммунизму
перекинут мост,
длиною –
во сто лет.
Что ж,
с мостища с этого
глядим с презрением вниз мы?
Кверху нос задрали?
загордились?
Нет.
Мы
□□□□□ничьей башки
мостами не морочим.
Что такое мост?
Приспособленье для простуд.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п

То же...
без домов
не проживете очень
на одном
таком
возвышенном мосту.
В мире социальном
те же непорядки:
три доллара за день,
на –
□□□и отвяжись.
А у Форда сколько?
Что играть в прятки!
Ну, скажите, Кулидж, –
разве это жизнь?
Много ль
человеку
(даже Форду)
надо?
Форд –
в миллионах фордов,
сам же Форд –
□□□□в аршин.
Мистер Форд,
для вашего,
для высохшего зада
разве мало
двух
просторнейших машин?
Лишек –
в М. К. Х.
Повесим ваш портретик.
Монумент
и то бы
вылепили с вас.
Кланялись бы детки,
вас
случайно встретив.
Мистер Форд –
отдайте!
□□□даст он...
Черта с два!
За палаткой
мир
лежит угрюм и темен.
Вдруг
ракетой сон
звенит в унынье в это:
«Мы смело в бой пойдём
за власть советов...»
Ну, и сон приснит вам
полночь-негодяйка!
Только сон ли это?
Слишком громок сон.
Это
комсомольцы
Кемпа «Нит гедайге»
песней
заставляют
плыть в Москву Гудзон.
20/IX – Нью-Йорк.

[1925]

Домой! *
Уходите, мысли, во-свояси.
Обнимись,
души и моря глубь.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Тот,
кто постоянно ясен –
тот,
по-моему,
просто глуп.
Я в худшей каюте
из всех кают –
всю ночь надо мною
ногами куют.
Всю ночь,
покой потолка возмущив,
несется танец,
стонет мотив:
«Маркита,
Маркита,
Маркита моя,
зачем ты,
□□□Маркита,
не любишь меня...»
А зачем
□□□любить меня Марките?!
У меня
и франков даже нет.
А Маркиту
(толечко моргните!)
за сто франков
препроводят в кабинет.
Небольшие деньги –
поживи для шикю –
нет,
интеллигент,
взбивая грязь вихров,
будешь всучивать ей
швейную машинку,
по стежкам
строчащую
шелка стихов.
Пролетарии
приходят к коммунизму
низом –
низом шахт,
серпов
и вил, –
я ж
□□□□□с небес поэзии
бросаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви.
Все равно –
сослался сам я
или послан к маме –
слов ржавеет сталь,
чернеет баса медь.
Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,
□□□гнить мне
и ржаветь?
Вот лежу,
уехавший за воды,
ленью
еле двигаю
моей машины части.
Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.

Не хочу,
чтоб меня, как цветочек с полян,
рвали
после служебных тягот.
Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на год.
Я хочу,
чтоб над мыслью
времен комиссар
с приказанием нависал.
Я хочу,
чтоб сверхставками спéца
получало
любовищу сердце.
Я хочу
чтоб в конце работы
завком
запирал мои губы
замком.
Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.
«Так, мол,
и так...
И до самых верхов
прошли
из рабочих нор мы:
в Союзе
Республик
пониманье стихов
выше
довоенной нормы...»
[1925]

Стихотворения, 1926
Краснодар*
Северяне вам наврали
о свирепости февральей:
про метели,
про заносы,
про мороз розовоносый.
Солнце жжет Краснодар,
словно щек краснота.
Красота!
Вымыл все февраль
и вымел –
не февраль,
а прачка,
и гуляет
мостовыми
разная собачка.
Подпрыгивают фоксы –
показывают фокусы.
Кроме лапок,
вся, как вакса,
низко пузом стелется,
волочит
вразвалку
такса

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

длинненькое тельце.
Бегут,
трусят дворняжечки –
мохнатенькие ляжечки.
Лайка
лает,
взвивши нос,
на прохожих Ванечек;
пес такой
уже не пес,
это –
одуванчик.
Легаша,
сетера,
мопсики, этцетера.
Даже
если
пара луж,
в лужах
сотня солнц юлится.
Это ж
не собачья глушь,
а собачкина столица.
[1926]

Строго воспрещается*
Погода такая,
что маю впору.
Май –
ерунда.
Настоящее лето.
Радуешься всему:
носильщику,
контролеру
билетов.
Руку
само
подымает перо,
и сердце
вскипает
песенным даром.
В рай
готов
расписать перрон
Краснодара.
Тут бы
запеть
соловью-трелёру.
Настроение –
китайская чайница!
И вдруг
на стене:
– Задавать вопросы
контролеру
строго воспрещается! –
И сразу
сердце за удилá.
Соловьев
камнями с ветки.
А хочется спросить:
– Ну, как дела?
Как здоровьице?
Как детки? –
Прошел я,
глаза
к земле низя,
только подхихикнул,
ища покровительства.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
И хочется задать вопрос,
а нельзя –
еще обидятся:
правительство!
[1926]

Сергею Есенину*
Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом –
не смешок.
Вижу –
врезанной рукой помешкав,
собственных
костей
качаете мешок.
– Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме ли?
Дать,
чтоб щеки
□□□заливал
смертельный мел?!
Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел.
Почему?
Зачем?
Недоуменье смяло.
Критики бормочут:
– Этому вина
то...
да сё...
а главное,
что смычки мало,
в результате
много пива и вина. –
Дескать,
заменить бы вам
богему
классом,
класс влиял на вас,
и было б не до драк.
Ну, а класс-то
жажду
заливает квасом?
Класс – он тоже
выпить не дурак.
Дескать,
к вам приставить бы
кого из напостòв –
стали б
содержанием
премного одарённой.

Вы бы
в день
писали
строк по сто,
утомительно
и длинно,
как Доронин.
А по-моему,
осуществись
такая бредь,
на себя бы
раньше наложили руки.
Лучше уж
от водки умереть,
чем от скуки!
Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.
Может,
окажись
чернила в «Англетере»,
вены
резать
не было б причины.
Подражатели обрадовались:
бис!
Над собою
чуть не взвод
расправу учинил.
Почему же
увеличивать
число самоубийств?
Лучше
увеличь
изготовление чернил!
Навсегда
теперь
язык
в зубах затворится.
Тяжело
и неуместно
разводить мистерии.
У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забулдыга подмастерье.
И несут
стихов заупокойный лом,
с прошлых
с похорон
не переделавши почти.
В холм
тупые рифмы
загонять колом –
разве так
поэта
надо бы почтить?
Вам
и памятник еще не слит, –
где он,
бронзы звон
или гранита грань? –
а к решеткам памяти
уже
понанесли

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

посвящений
и воспоминаний дрянь.
Ваше имя
в платочки рассоплено,
ваше слово
слюнявит Собинов
и выводит
под березкой дохлой –
«Ни слова,
о дру-уг мой,
ни вздо-о-о-о-ха.»
Эх,
поговорить бы иначе
с этим самым
с Леонидом Лоэнгринычем!
Встать бы здесь
гремящим скандалистом:
– Не позволю
мямлить стих
и мять! –
Оглушить бы
их
трехпалым свистом
в бабушку
и в бога душу мать!
чтобы разнеслась
бездарнейшая погань,
раздувая
темь
пиджачных парусов,
чтобы
врассыпную
разбежался коган,
встреченных
увеча
пиками усов.
Дрянь
пока что
мало поредела.
Дела много –
только поспевать.
Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав –
можно воспевать.
Это время –
трудновато для пера,
но скажите
вы,
калеки и калекши,
где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легче?
Слово –
полководец
человечьей силы.
Марш!
чтоб время
сзади
ядрами рвалось.
К старым дням
чтоб ветром
относило
только

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

путаницу волос.
Для веселия
планета наша
мало оборудована.
Надо
вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.
[1926]

Марксизм – оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот!*

Штыками
двух столетий стык
закрепляет
рабочая рать.
А некоторые
употребляют штык,
чтоб им
в зубах ковырять.
Все хорошо:
поэт поет,
критик
занимается критикой.
У стихотворца –
□□□корытце свое,
у критика –
свое корытико.
Но есть
не имеющие ничего,
окромя
красивого почерка.
А лезут
в книгу,
хваля
и громя
из пушки
критического очерка.
А чтоб
имелось
научное лицо
у этого
вздора злопыханного –
всегда
на столе
покрытый пылью
неразрезанный том
Плеханова.
Зазубрит фразу
(ишь, ребятае!)
и ходит за ней,
как за няней.
Быть –
а у этого – еда и питье
определяет сознание.
Перелистывая
авторов
на букву «эл»,
фамилию
Лермонтова
встретя,
критик выясняет,
что он ел
на первое

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский и что – на третье.
– Шампанское пил?
Выпивал, допустим.
Налет буржуазный густ.
А его
любовь
к маринованной капусте
доказывает
помещичий вкус.
В Лермонтове, например,
чтоб далеко не идти,
смысла
не больше,
чем огурцов в акации.
Целые
хоры
небесных светил,
и ни слова
об электрификации.
Но,
очищая ядро
от фразерских корок,
бобы –
от шелухи лиризма,
признаю,
что Лермонтов
близок и дорог
как первый
обличитель либерализма.
Массам ясно,
как ни хитри,
что, милюковски юля,
светила
у Лермонтова
ходят без ветрил,
а некоторые –
и без руля*.
Но так ли
разрабатывать
важнейшую из тем?
Индивидуализмом пичкать?
Демоны в ад,
а духи –
в эдем?
А где, я вас спрашиваю, смычка?
Довольно
этих
божественных легенд!
Любою строчкой вырванной
Лермонтов
доказывает,
что он –
интеллигент,
к тому же
деклассированный!
То ли дело
наш Степа
– забыл,
к сожалению,
фамилию и отчество, –
у него
в стихах
Коминтерна топот...
Вот это –
настоящее творчество!
Степа –
кирпич
какого-то здания,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

не ему
разговаривать вкось и вкривь.
Степа
творит,
не затемняя сознания,
без волокиты аллитераций
и рифм.
У Степы
незнание
точек и запятых
заменяет
инстинктивный
массовый разум,
потому что
батрачка –
мамаша их,
а папаша –
рабочий и крестьянин сразу. –
В результате
вещь
ясней помидора
обволакивается
туманом сизым,
и эти
горы
нехитрого вздора
некоторые
называют марксизмом.
Не говорят
о веревке
в журнале повешенного
не изменить
шаблона прилежного.
Лежнев зарадуется –
«он про Вешнева».
Вешнев
– «он про Лежнева».
19/IV-26 г.

Первомайское поздравление*

Товарищ солнце, – не щерься и не ящерься! – Вели облакам своротить с пути! –
Сегодняшний праздник – праздник трудящихся, – и нечего саботажничать: взойди и
свети!

Тысячи лозунгов, знаменами избранных, – зовут к борьбе за счастье людей, – а
кругом пока – толпа беспризорных. – Что несправедливей, злей и лютей?!

Смотри: над нами красные шелка – словами бессеребряными затканы, – а у скольких
еще бока кошелька – оттопыриваются взятками?

Подняв надзнаменных звезд рогулины, – сегодня по праву стойте и ходите! – А мало
ли буден у нас про гулено? – Мало простоено? Сколько хотите!

Наводнение видели? В стены домьи – бьется льдина, мокра и остра. – Вот точно так
режим экономии – распирает у нас половодье растрат.

Товарищ солнце, скажем просто: – дыр и прорех у нас до черта. – Рядом с делами
огромного роста – целая коллекция прорв и недочетов.

Солнце, и в будни лезь из-за леса, – жги и не пяться на попятный! – Выжжем,
выжжем каленым железом – эти язвы и грязные пятна!

А что же о мае, поэтами опетом? – Разве п-е-р-в-о-г-о такими поздравлениями
бодрят? – А по-моему: во-первых, подумаем об этом, – если есть свободные три дня
подряд.

[1926]

Четырехэтажная халтура*

В центре мира
стоит Гиз –
оправдывает штаты служебный раж.
Чтоб книгу
народ
зубами грыз,
наворачивается

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
миллионный тираж.
Лицо
тысячеглазого треста
блестит
электричеством ровным.
Вшивают
в Маркса
Аверченковы листы,
выписывают гонорары Цицеронам.
Готово.
А зав
упрется назавтра
в заглавие,
как в забор дышлом.
Воедино
сброшировано
12 авторов!
– Как же это, родимые, вышло?? –
Темь
подвалов
тиражом беля,
залегает знание –
и лишь
бегает
по книжным штабелям
жирная провинциалка –
мышь.
А читатели
сидят
в своей уездной яме,
иностранным упиваются,
мозги щадя.
В Африки
вослед за Бенуями
улетают
на своих жилплощадях.
Званье
– «пролетарские» –
нося как эполеты,
без ошибок
с Пушкина
списав про вёсны,
выступают
пролетарские поэты,
развернув
рулоны строф повёрстных.
Чем вы – пролетарий,
уважаемый поэт?
Вы
с богемой слились
9 лет назад.
Ну, скажите,
уважаемый пролет, –
вы давно
динаму
видели в глаза?
– Извините
нас,
сермяжных,
за стишонок неудачненький.
Не хотите
под гармошку поплясать ли? –
Это,
в лапти нарядившись,
выступают дачники
под заглавием
– крестьянские писатели.
О, сколько нуди такой городимо,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
от которой
мухи падают замертво!
Чего только стоит
один Радимов
с греко-рязанским своим гекзаметром!
Разлунивши
лысины лачки,
убежденно
взявши
ручку в ручки,
бороденок
теребя пучки,
честно
пишут про Октябрь
попутчики.
Раньше
маленьким казался и Лесков –
рядышком с Толстым
почти не виден.
Ну, скажите мне,
в какой же телескоп
в те недели
был бы виден Лидин?!
– На Руси
одно веселье –
пити... –
А к питью
подай краюху
и кусочек сыру.
И орут писатели
до хрипоты
о быте,
увлекаясь
бытом
госиздатовских кассиров.
Варят чепуху
под клубы
трубочного дыма –
всякую уху
сожрет
читатель-фока.
А неписанная жизнь
проходит
мимо
улицею фыркающих окон.
А вокруг
скачут критики
в мыле и пене:
– Здорово пишут писатели, братцы!
– Гений-Казин,
Санников-гений...
Все замечательно!
Рады стараться! –
С молотка
литература пущена.
Где вы,
□□□сеятели правды
или звезд сиятели?
Лишь в четыре этажа халтурщина:
Гиза,
критика,
читаки
и писателя.
Нынче
стала
зелень веток в редкость,
гол
литературы ствол.

чтобы стать
поэту крепкой веткой –
выкрепите мастерство!
[1926]

Английскому рабочему*
Вокзал оцепенел,
онемеваает док.
Посты полиции,
заводчикам в угоду.
От каждой буквы
замиранья холодок,
как в первый день
семнадцатого года.
Радио
стальные шеи своротили.
Слушают.
Слушают,
что из-за Ламанша.
Сломают?
Сдадут?
Предадут?
Или
красным флагом нам замашут?
Слышу.
Слышу
грузовозов храп...
Лязг оружия...
Цоканье шпор...
Это в док
идут штрейкбрехера.
Море,
им в морду
выплесни шторм!
Слышу,
шлепает дворцовая челядь.
К Болдуину,
не вяжущему лык,
сэр Макдональд
пошел церетелить.
Молния,
прибей соглашательский язык!
Слышу –
плач промелькнул мельком.
Нечего есть.
И нечего хлебать.
Туман,
к забастовщикам
теки молоком!
Камни,
обратитесь в румяные хлеба!
Радио стало.
Забастовала высь.
Пусто, –
ни слова, –
тишь да гладь.
Земля,
не гони!
Земля, – остановись!
Дай удержаться,
дай устоять.
Чтоб выйти
вам
из соглашательской опеки,
чтоб вам
гореть,
а не мерцать –
вам наш привет

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

и наши копейки,
наши руки
и наши сердца.
Нам
чужды
политиков шарады, –
большевикам
не надо аллегорий.
Ваша радость –
наша радость,
боль –
это наша боль
и горе.
Мне бы
сейчас
да птичью должность.
Я бы в Лондон.
Целые пять,
пять миллионов
– простите за восторженность! –
взял бы,
обнял
и стал целовать.
[1926]

Разговор с фининспектором о поэзии*
Гражданин фининспектор!
Простите за беспокойство.
Спасибо...
не тревожьтесь...
□□□я постою...
У меня к вам
дело
деликатного свойства:
о месте
поэта
в рабочем строю.
В ряду
имеющих
лабазы и уголья
и я обложен
и должен караться.
Вы требуете
□□□с меня
пятьсот в полугодие
и двадцать пять
за неподачу деклараций.
Труд мой
любому
труду
родствен.
Взгляните –
сколько я потерял,
какие
издержки
в моем производстве
и сколько тратится
на материал.
Вам,
конечно, известно
явление «рифмы».
Скажем,
строчка
окончилась словом
«отца»,
и тогда
через строчку,
слога повторив, мы

ставим
какое-нибудь:
ламцадрица-ца.
Говоря по-вашему,
рифма –
вексель.
Учесь через строчку! –
вот распоряжение.
И ищешь
мелочишку суффиксов и флексий
в пустующей кассе
склонений
и спряжений.
Начнешь это
слово
в строчку всовывать,
а оно не лезет –
нажал и сломал.
Гражданин фининспектор,
честное слово,
поэту
в копеечку влетают слова.
Говоря по-нашему,
рифма –
бочка.
Бочка с динамитом.
Строчка –
фитиль.
Строка додымит,
взрывается строчка, –
и город
на воздух
строфой летит.
Где найдешь,
на какой тариф,
рифмы,
чтоб враз убивали, нацелясь?
Может,
пяток
небывалых рифм
только и остался
что в Венецуэле.
И тянет
меня
в холода и в зной.
Бросаюсь,
опутан в авансы и в займы я.
Гражданин,
учтите билет проездной!
– Поэзия
– вся! –
езда в незнаемое.
Поэзия –
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жжение
рядом
с тлением
слова-сырца.
Эти слова
приводят в движение

тысячи лет
миллионов сердца.
Конечно,
различны поэтов сорта.
У скольких поэтов
легкость руки!
Тянет,
как фокусник,
строчку изо рта
и у себя
и у других.
Что говорить
о лирических кастратах?!
Строчку
чужую
вставит – и рад.
Это
обычное
воровство и растрата
среди охвативших страну растрат.
Эти
сегодня
стихи и оды,
в аплодисментах
ревомя ревя,
войдут
в историю
как накладные расходы
на сделанное
нами –
двумя или тремя.
Пуд,
как говорится,
соли столовой
съешь
и сотней папирос клуби,
чтобы
добыть
драгоценное слово
из артезианских
людских глубин.
И сразу
ниже
налога рост.
Скиньте
с обложенья
нуля колесо!
Рубль девяносто
сотня папирос,
рубль шестьдесят
столовая соль.
В вашей анкете
вопросов масса:
– Были выезды?
Или выездов нет? –
А что,
если я
десяток пегасов
загнал
за последние
15 лет?!
У вас –
в мое положение войдите –
про слуг
и имущество
с этого угла.
А что,
если я

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

народа водитель
и одновременно –
народный слуга?
Класс
гласит
из слова из нашего,
а мы,
пролетарии,
двигатели пера.
Машину
души
с годами изнашиваешь.
Говорят:
– в архив,
исписался,
пора! –
Все меньше любитя,
все меньше дерзается,
и лоб мой
время
с разбега крушит.
Приходит
страшнейшая из амортизаций –
амортизация
сердца и души.
И когда
это солнце
разжиревшим боровом
взойдет
над грядущим
без нищих и калек, –
я
□□□□уже
сгнию,
умерший под забором,
рядом
с десятком
моих коллег.
Подведите
мой
посмертный баланс!
Я утверждаю
и – знаю – не налгу:
на фоне
сегодняшних
□□□дельцов и пролаз
я буду
– один! –
в непролазном долгу.
Долг наш –
реветь
медногорлой сиреной
в тумане мещанья,
у бурь в кипеньи.
Поэт
всегда
должник вселенной,
платящий
на горе
проценты
и пени,
я
в долгу
перед Бродвейской лампией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной Армией,
□□□перед вишнями Японии –

перед всем,
про что
не успел написать.
А зачем
вообще
эта шапка Сене?
Чтобы – целься рифмой
и ритмом ярись?
Слово поэта –
ваше воскресение,
ваше бессмертие,
гражданин канцелярист.
Через столетья
в бумажной раме
возьми строку
и время верни!
И встанет
день этот
с фининспекторами,
с блеском чудес
и с вонью чернил.
Сегодняшних дней убежденный житель,
выправьте
в энкапеэс
на бессмертье билет
и, высчитав
действие стихов,
разложите
зарботок мой
на триста лет!
Но сила поэта
не только в этом,
что, вас
вспоминая,
в грядущем икнут.
Нет!
И сегодня
рифма поэта –
ласка
и лозунг,
и штык,
и кнут.
Гражданин фининспектор,
я выплачу пять,
все
нули
у цифры скрестя!
Я
□□□□по праву
требую пядь
в ряду
беднейших
рабочих и крестьян.
А если
вам кажется,
что всего делов –
это пользоваться
чужими словесами,
то вот вам,
товарищи,
мое стилó,
и можете
писать
сами!
[1926]

Московский Китай*
Чжан Цзо-лин

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

да У Пей-фу
да Суй да Фуй –
разбирайся,
от усилий в мыле!
Натошак
попробуй
расшифруй
путаницу
раскитаенных фамилий!
* * *

Эта жизнь
отплыла сновиденьем,
здесь же –
только звезды
поутру утрут –
дым
уже
встает над заведением:
«Китайский труд».
Китаец не рыбка,
не воробей на воротах,
надо
«шибака»
ему работать.
Что несет их
к синькам
и крахмалам,
за 6 тысяч верст
сюда
кидает?
Там
земля плохая?
Рису, что ли, мало?
Или
грязи мало
для мытья
в Китае?
Длиннен всегда
день труда.
Утюг сюда,
утюг туда.
Тихо здесь,
коты
лежат и жмурятся.
И любой
рабочий
защищен.
А на родине
мукденцы
да маньчжурцы...
Снимут голову –
не отрастишь еще.
Тяжело везде,
да не надо домой,
лучше весь день
гладь
да мой!
У людей
единственная
фраза на губах,
все одно и то же,
явь ли,
или сон:
– В пятницу
к двенадцати
пять рубах! –
– В среду
к обеду

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

семь кальсон! –
Не лучший труд –
бумажные розы.
Мальчишки орут:
– У-у-у!
Китаёзы! –
Повернется,
взглядом подарив,
от которого
зажглось
лицо осеннее...

Я
□□□□хотя
совсем не мандарин,
а шарахаюсь
от их косения.
Знаю,
что – когда
в Китай
придут
октябрьские повторы
и сшибется
класс о класс –
он покажет им,
народ,
который
косоглаз.
[1926]

Передовая передового*
Довольно
сонной,
расслабленной праздности!
Довольно
козырянья
в тысячи рук!
Республика искусства
в смертельной опасности –
в опасности краска,
слово,
звук.
Громы
зажаты
у слова в кулаке, –
а слово
зовется
только с тем,
чтоб кланялось
событью
слово-лакей,
чтоб слово плелось
у статей в хвосте.
Брось дрожать
за шкуры скряжи!
Вперед забегайте,
не боясь суда!
Зовите рукой
с грядущих кряжей:
«Пролетарий,
сюда!»
Полезли
одиночки
из миллионной давки –
такого, мол,
□□□другого
не увидишь в жисть.
Каждый
рад

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
подставить бородавки
под увековечливую
ахровскую кисть.
Вновь
своя рубаха
ближе к телу?
А в нашей работе
то и ново,
что в громаде,
класс которую сделал,
не важно
сделанное
Петровым и Ивановым.
Разнообразны
души наши.
Для боя – гром,
для кровати –
шепот.
А у нас
для любви и для боя –
марши.
Извольте
под марш
к любимой шлепать!
Почему
теперь
про чужое поем,
изъясняем
ариями
Альфреда и Травиаты?
И любви
придумаем
слово свое,
из сердца сделанное,
а не из ваты.
В годы голода,
стужи-злюки
разве
филармонии играли окрест?
Нет,
свои,
баррикадные звуки
нашел
гудков
медногорлый оркестр.
Старью
революцией
поставлена точка.
Живите под охраной
музейных оград.
Но мы
не предадим
кустарям-одиночкам
ни лозунг,
ни сирену,
□□□ни киноаппарат.
Наша
в коммуны
не иссякнет вера.
Во имя коммуны
жмись и мнись.
Каждое
сегодняшнее дело
меряй,
как шаг
в электрический,
в машинный коммунизм.
Довольно домашней,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
кустарной праздности!
Довольно
изделий ловких рук!
Федерация муз
в смертельной опасности –
в опасности слово,
краска
и звук.
[1926]

Взяточники*

Дверь. На двери –
«Нельзя без доклада».
Под Марксом,
в кресло вкресленный,
с высоким окладом,
высок и гладок,
сидит
облеченный ответственный.
На нем
контрабандный подарок – жилет,
в кармане –
ручка на страже,
в другом
уголочком торчит билет
с длиннющим
подчищенным стажем.
Весь день –
сплошная работа уму.
На лбу –
непролазная дума:
кому
ему
устроить куму,
кому приспособить кума?
Он всюду
пристроил
мелкую сошку,
езде
у него
по лазутчику.
Он знает,
кому подставить ножку
и где
иметь заручку.
Каждый на месте:
невеста –
в тресте,
кум –
в Гум,
брат –
в наркомат.
Все шире периферия родных,
и
□□□ в ведомостичках узких
не вместишь
всех сортов наградных –
спецставки,
тантьемы,
нагрузки!
Он специалист,
но особого рода:
он
□□□□□ в слове
мистику стер.
Он понял буквально
«братство народов»
как счастье братьев,

тётъ
□□□и сестер.
Он думает:
как сократить ему штаты?
У Кэт
не глаза, а угли...
А, может быть,
место
оставить для Наты?
У Наты формы округлей.
А там
в приемной –
сдержанный гул,
и воздух от дыма спирается.
Ответственный жмет плечьями:
– Не могу!
Нормально...
Дела разбираются!
Зайдите еще
через день-другой... –
Но дней не дожидаться жданных.
Напрасно
проситель
согнулся дугой.
– Нельзя...
Не имеется данных! –
Пока поймет!
Обшаркав паркет,
порывшись в своих чемоданах,
проситель
кладет на суконце пакет
с листами
новейших данных.
Простился.
Ладонью пакет заслоня
– взрумянились щеки-пончики, –
со сладострастием,
пальцы слюня,
мерзавец
считает червончики.
А давший
по учрежденью орет,
от правильной гневности красен:
– Подать резолюцию! –
И в разворот
– во весь! –
на бумаге:
«Согласен»!
Ответственный
мчит
в какой-то подъезд.
Машину оставил
по праву.
Ответственный
ужин с любовницей ест,
ответственный
хлещет «Абрау».
Любовницу щиплет,
весел и хитр.
– Вот это
подарочки Сонечке:
Вот это, Сонечка,
вам на духи.
Вот это
вам на кальсончики... –
Такому
в краже рабочих тыщ
для ширмы октябрьское зарево.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Он к нам пришел,
чтоб советскую нищ
на кабаки разбазаривать.
Я

белому
руку, пожалуй, дам,
пожму, не побрезгав ею.
Я лишь усмехнусь:
– А здорово вам
наши
намылили шею! –
Укравшему хлеб
не потребуешь кар.
Возможно
простить и убийце.
Быть может, больной,
сумасшедший угар
в душе
у него
клубится.
Но если
скравший
этот вот рубль
ладонью
ладонь мою тронет,
я, руку помыв,
кирпичом ототру
поганую кожу с ладони.
Мы белым
едва обломали рога;
хромает
пока что
одна нога, –
для нас,
полусытых и латочных,
страшней
и гаже
любого врага
взяточник.
Железный лозунг
партией дан.
Он нам
недешево дался!
Долой присосавшихся
к нашим
рядам
и тех,
кто к грошам
присосался!
Нам строиться надо
в гигантский рост,
но эти
обсели кассы.
Каленым железом
выжжет нарост
партия
и рабочие массы.
[1926]

В повестку дня*
Ставка на вас,
комсомольцы товарищи, –
на вас,
грядущее творящих!
Петь
заставьте
быт тарабарящий!
Расчистьте

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

квартирный ящик!

За десять лет –

устанешь бороться, –

расшатаны

– многие! –

тряской.

Заплыло

тиной

быта болотце,

покрылось

будничной ряской.

Мы так же

сердца наши

ревностью жжем –

и суд наш

по-старому скорый:

мы

□□□□□ часто

наганом

и финским ножом

решаем –

любовные споры.

Нет, взвидя,

что есть

любовная ржа,

что каши вдвоем

не сваришь, –

ты зубы стиснь

и, руку пожав,

скажи:

– Прощевай, товарищ! –

У скольких

мечта:

«Квартирку б в наем!

Свои сундуки

да клетки!

И угол мой

и хозяйство мое –

и мой

на стене

портретик».

Не наше счастье –

счастье вдвоем!

С классом

спаяйся четко!

Коммуна:

все, что мое, –

твое,

кроме –

зубных щеток.

И мы

попрежнему,

если радостно,

попрежнему,

если горе нам –

мы

□□□□□ топим горе в сорокаградусной

и празднуем

радость

трехгорным.

Питье

на песни б выменять нам.

Такую

сделай, хоть тресни!

чтоб пенистой пива,

чтоб крепче вина

хватали

за душу

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
песни.

* * *

Гуляя,
работая,
к любимой льня, –
думай о коммуне,
быть или не быть ей?!
В порядок
этого
майского дня
поставьте
вопрос о быте.
[1926]

Протекция*

Обывателиада в 3-х частях

1

Обыватель Михин –
друг дворничихин.
Дворник Службин
с Фелицией в дружбе.
У тети Фелиции
лицо в милиции.
Квартхоз милиции
Федор Овечко
имеет
в совете
нужного человечка.
Чин лица
не упомнишь никак:
главшвейцар
или помистопника.
А этому чину
домами знакома
мамаша
машинистки секретаря райкома.
У дочки ее
большущие связи:
друг во ВЦИКе
(шофер в автобазе!),
а Петров, говорят,
развозит мужчину,
о котором
все говорят шепоточком, –
маленького роста,
огромного чина.
Словом –
он...
Не решаюсь...

Точка.

2

Тихий Михин
пойдет к дворничихе.
«Прошу покорненько,
попросите дворника».
Дворник стукнется
к тетке заступнице.
Тетка Фелиция
шушукнет в милиции.
Квартхоз Овечко
замолвит словечко.
А главшвейцар –
да-Винчи с лица,
весь в бороде,
как картина в раме, –
прямо
пойдет
к машинисткиной маме.

Просьбу
дочь
предает огласке:
глазки да ласки,
ласки да глазки...
Кого не ловили на такую аферу?
Куда ж удержаться простаку-шоферу!
Петров подождет,
покамест,
как солнце,
персонье лицо расперсонится:
– Простите, товарищ,
извинений тысячка... –
И просит
и молит, ласковой лани.
И чин снисходит:
– Вот вам записочка. –
А в записке –
исполнение всех желаний.

3

А попробуй –
полазий
без родственных связей!
Покроют дворники
словом черненьким.
Обложит белолица
тетя Фелиция.
Подвернется нога,
перервутся нервы
у взвидевших наган
и усы милиционеров.
В швейцарской судачат:
– И не лезь к совету:
все на даче,
никого нету. –
И мама сама
и дитя-машинистка,
невинность блюда,
не допустят близко.
А разных главных
неуловимо
шоферы
возят и возят мимо.
Не ухватишь –
скользкие, –
не люди, а налимь.
«Без доклада воспрещается».
Куда ни глянь,
«И пойдут они, солнцем палимы,
И застонут...»
Дело дрянь!
Кто бы ни были
семи виновниками
– сошка маленькая
или крупный кит, –
разорвем
сплетенную чиновниками
паутину кумовства,
протекций,
волокит.
[1926]

Любовь*
Мир
опять
цветами оброс,
у мира
весенний вид.

И вновь
встает
нерешенный вопрос –
о женщинах
и о любви.
Мы любим парад,
нарядную песню.
Говорим красиво,
выходя на митинг.
Но часто
под этим,
покрытый плесенью,
старенький-старенький бытик.
Поет на собрание:
«Вперед, товарищи...
А дома,
забыв об арии сольной,
орет на жену,
что щи не в наваре
и что
огурцы
плоховато просолены.
Живет с другой –
киоск в ширину,
бельем –
шантанная дива.
Но тонким чулком
попрекает жену:
– Компрометируешь
пред коллективом. –
То лезут к любой,
была бы с ногами.
Пять баб
переменит
в течение суток.
У нас, мол,
свобода,
а не моногамия.
Долой мещанство
и предрассудок!
С цветка на цветок
молодым стрекозлом
порхает,
летает
и мечется.
Одно ему
в мире
кажется злом –
это
алиментщица.
Он рад умереть,
экономя треть,
три года
судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще
кастрат.
А любят,
так будь
монашенкой верной –
тиранит
ревностью
всякий пустяк
и мерит
любовь
на калибр револьверный,
неверной

в затылок
пулю пуся.
Четвертый –
герой десятка сражений,
а так,
что любо-дорого,
бежит
в перепуге
от туфли жениной,
простой туфли Мосторга.
А другой
стрелу любви
иначе метит,
путает
– ребенок этакий –
уловенье
любимой
в романические сети
с повышеньем
подчиненной по тарифной сетке..
По женской линии
тоже вам не райские скинии.
Простенького паренька
подцепила
барынька.
Он работать,
а ее
не удержать никак –
бегают за клёшем
каждого бульварника.
Что ж,
сиди
□□□и в плаче
Нилом нилься.
Ишь! –
жених!
– Для кого ж я, милые, женился?
Для себя –
или для них? –
У родителей
и дети этакого сорта:
– Что родители?
И мы
не хуже, мол! –
Занимаются
любовью в виде спорта,
не успеv
вписаться в комсомол.
И дальше,
к деревне,
быт без движеньица –
живут, как и раньше,
из года в год.
Вот так же
замуж выходят
и женятся,
как покупают
рабочий скот.
Если будет
длиться так
за годом годик,
то,
скажу вам прямо,
не сумеет
разобрать
и брачный кодекс,
где отец и дочь,
который сын и мама.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п

Я не за семью.
В огне
и в дыме синем
выгори
и этого старья кусок,
где шипели
матери-гусыни
и детей
стерег
отец-гусак!
Нет.
Но мы живем коммуной
плотно,
в общежитиях
грязнеет кожа тел.
Надо
голос
поднимать за чистоплотность
отношений наших
и любовных дел.
Не отвиливай –
мол, я не венчан.
Нас
не поп скрепляет тарабарящий.
Надо
обвязать
и жизнь мужчин и женщин
словом,
нас объединяющим:
«Товарищи».
[1926]

Послание пролетарским поэтам*

Товарищи,
позвольте
без позы,
без маски –
как старший товарищ,
неглупый и чуткий,
поразговариваю с вами,
товарищ Безыменский,
товарищ Светлов,
товарищ Уткин.
Мы спорим,
аж глотки просят лужения,
мы
□□□□□□задыхаемся
от эстрадных побед,
а у меня к вам, товарищи,
деловое предложение:
давайте,
устроим
веселый обед!
Расстелим внизу
комплименты ковровые,
если зуб на кого –
отпилим зуб;
розданные
Луначарским
венки лавровые –
сложим
в общий
товарищеский суп.
Решим,
что все
по-своему правы.
Каждый поэт
по своему

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
голоску!
Разрежем
общую курицу славы
и каждому
выдадим
по равному куску.
Бросим
друг другу
шпильки подсовывать,
разведем
изысканный
словесный ажур.
А когда мне
товарищи
предоставят слово –
я это слово возьму
и скажу:
– Я кажусь вам
академиком
с большим задом,
один, мол, я
жрец
поэзий непролазных.
А мне
в действительности
единственное надо –
чтоб больше поэтов
хороших
и разных.
Многие
пользуются
напостовской тряской,
с тем
чтоб себя
обозвать получше.
– Мы, мол, единственные,
мы пролетарские... –
А я, по-вашему, что –
валютчик?
Я
□□□□по существу
мастеровой, братцы,
не люблю я
этой
философии нудовой.
Засучу рукавчики:
работать?
драться?
Сделай одолжение,
а ну, давай!
Есть
перед нами
огромная работа –
каждому человеку
нужное стихачество.
Давайте работать
до седьмого пота
над поднятием количества,
над улучшением качества.
Я меряю
по коммуне
стихов сорта,
в коммуны
душа
потому влюблена,
что коммуна,
по-моему,
огромная высота,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

что коммуна,
по-моему,
глубочайшая глубина.
А в поэзии
нет
ни друзей,
ни родных,
по протекции
не свяжешь
рифм лычки.
Оставим
распределение
орденов и наградных,
бросим, товарищи,
наклеивать ярлычки.
Не хочу
похвастать
мыслью новенькой,
но по-моему –
утверждаю без авторской спеси –
коммуна –
это место,
где исчезнут чиновники
и где будет
много
стихов и песен.
Стоит
изумиться
рифмочек парой нам –
мы
почитаем поэта гением.
Одного
называют
красным Байроном,
другого –
самым красным Гейнем.
Одного боюсь –
за вас и сам, –
чтоб не обмелели
наши души,
чтоб мы
не возвели
в коммунистический сан
плоскость раешников
и ерунду частушек.
Мы духом одно,
понимаете сами:
по линии сердца
нет раздела.
Если
вы не за нас,
а мы
не с вами,
то черта ль
нам
остается делать?
А если я
вас
когда-нибудь крою
и на вас
замахивается
перо-рука,
то я, как говорится,
добыл это кровью,
я
больше вашего
рифмы строгал.
Товарищи,

бросим
замашки торгашьи
– моя, мол, поэзия –
мой лабаз! –
всё, что я сделал,
все это ваше –
рифмы,
темы,
дикция,
бас!
что может быть
капризной славы
□□□и пепельней?
В гроб, что ли,
брать,
когда умру?
Наплевать мне, товарищи,
в высшей степени
на деньги,
на славу
и на прочую муру!
Чем нам
□□□делить
поэтическую власть,
сгрудим
нежность слов
и слова–бичи,
и давайте
без завистей
и без фамилий
□□□класть
в коммунову стройку
слова–кирпичи.
Давайте,
товарищи,
шагать в ногу.
Нам не надо
брюзжащего
лысого парика!
А ругаться захочется –
врагов много
по другую сторону
красных баррикад.
[1926]

фабрика бюрократов*
Его прислали
для проведения режима.
Средних способностей.
Средних лет.
В мыслях – планы.
В сердце – решимость.
В кармане – перо
и партбилет.
Ходит,
распоряжается энергичным жестом.
Видно –
занимается новая эра!
Сам совался в каждое место,
всех переглядел –
от зава до курьера.
Внимательный
к самым мельчайшим крохам,
вздывает
сердечный пыл...
Но бьются
слова,
как об стену горохом,

об –
канцелярские лбы.
А что канцелярии?
Внимает мошенница!
Горите
хоть солнца ярче, –
она
уложит
весь пыл в отношеньица,
в анкетку
и в циркулярчик.
Бумажку
встречать
с отвращением нужно.
А лишь
□□□увлечешься ею, –
то через день
голова заталмужена
в бумажную ахиною.
Перепишут всё
и, канителью исходящей нитью,
на доклады
с папками идут:
– Подпишитесь тут!
Да тут вот подмахнитесь!..
И вот тут, пожалуйста!..
И тут!..
И тут!.. –
Пыл
в чернила уплыл
без следа.
Пред
в бумагу
всосался, как клещ..
Среда –
это
паршивая вещь!!
Глядел,
лицом
белее мела,
сквозь канцелярский мрак.
Катился пот,
перо скрипело,
рука свелась
и вновь корпела, –
но без конца
громадой белой
росла
гора бумаг.
Что угодно
подписью подляпает,
и не разберясь:
куда,
зачем,
кого?
Сосбтвенную
тетушку
назначит римским папою.
Сам себе
подпишет
смертный приговор.
Совести
партийной
слабенькие писки
заглушает
с днями
исходящий груз.
Раскусил чиновник

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

пафос переписки,
облизнулся,
въелся
и – вошел во вкус.
Где решимость?
планы?
и молодчество?
Собирает канцелярию,
загривок мыля ей.
– Разузнать
немедля
имя-отчество!
Как
такому
посылать конверт
с одной фамилией??! –
И опять
несется
мелким лайцем:
– Это так-то службу мы несем?!
Написали просто
«прилагается»
и забыли написать
«при сем»! –
В течение дня
страну наводня
потопом
ненужной бумажности,
в машину
живот
уложит –
и вот
на дачу
стремится в важности.
Пользы от него,
что молока от черта,
что от пшенной каши –
золотой руды.
Лишь растут
подвалами
отчеты,
вознося
чернильные пуды.
Рой чиновников
с недели на день
аннулирует
октябрьский гром и лом,
и у многих
даже
проступают сзади
пуговицы
дофевральские
с орлом.
Поэт
всегда
и добр и галантен,
делиться выводом рад.
Во-первых:
из каждого
при известном таланте
может получиться
бюрократ.
Вывод второй
(из фельетонной водицы
вытекал не раз
и не сто):
коммунист не птица,
и незачем обзаводиться

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
ему
бумажным хвостом.
Третий:
поднять бы его за загривок
от бумажек,
разостланных низом,
чтоб бумажки,
подписанные
прямо и криво,
не заслоняли
ему
коммунизм.
[1926]

Товарищу Нетте пароходу и человеку*
Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.
В порт,
горящий,
как расплавленное лето,
разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».
Это – он.
Я узнаю его.
В блюдечках-очках спасательных кругов.
– Здравствуй, Нетте!
Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков.
Подойди сюда!
Тебе не мелко?
От Батума,
чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте, –
в бытность человеком
ты пивал чай
со мною в дип-купе?
Медлил ты.
Захрапывали сони.
Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи уча.
Засыпал к утру.
Курок
аж палец свел...
Суньтеса –
кому охота!
Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою –
с пароходом.
За кормой луница.
Ну и здорово!
Залегла,
просторы на-двое порвав.
Будто навеки
за собой
из битвы коридоровой
тянешь след героя,
светел и кровав.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п

В коммунизм из книжки
верят средне.
«Мало ли,
что можно
в книжке намолотить!»
А такое –
оживит внезапно «бредни»
и покажет
коммунизма
естество и плоть.
Мы живем,
зажатые
железной клятвой.
За нее –
на крест,
и пулю чешите:
это –
чтобы в мире
без России,
□□□ без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.
В наших жилах –
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
□□□ в строчки
и в другие долгие дела.
* * *

Мне бы жить и жить,
□□□ сквозь годы мчась.
Но в конце хочу –
других желаний нету –
встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Нетте.
15 июля, Ялта

[1926]

Ужасающая фамильярность*
Куда бы
ты
ни направил разбег,
и как ни ёрзай,
и где ногой ни ступи, –
есть Марксов проспект,
и улица Розы,
и Луначарского –
переулок или тупик.
Где я?
В Ялте или в Туле?
Я в Москве
или в Казани?
Разберешься?
– Черта в стуле!
Не езда, а – наказанье.
Каждый дюйм
бытия земного
профамилиен
и разыменован.
В голове

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

от имен
такая каша!
Как общий котел пехотного полка.
Даже пса дворняжку
вместо
«Полкаша»
зовут:
«Собака имени Полкан».
«Крем Коллонтай.
Молодит и холит».
«Гребенки Мейерхольд».
«Мочала
а-ля Качалов».
«Гигиенические подтяжки
имени Семашки».
После этого
гуди во все моторы,
наизобретай идей мешок,
все равно –
про Мейерхольда будут спрашивать:
– «Который?
Это тот, который гребешок?»
Я
к великим
не суюсь в почетнейшие лики.
Я солдат
в шеренге миллиардной.
Но и я
взываю к вам
от всех великих:
– Милые,
не обращайтесь с ними фамильярно! –
[1926]

Канцелярские привычки*

Я
два месяца
шатался по природе,
чтоб смотреть цветы
□□□и звезд огнишки.
Таковых не видел.
Вся природа вроде
телефонной книжки.
Везде –
у скал,
на массивном грузе
Кавказа
и Крыма скалоликого,
на стенах уборных,
на небе,
□□□на пузе
лошади Петра Великого,
от пыли дорожной
до гор,
где грёзы
гремят,
грома потрясав, –
везде
отрывки стихов и прозы,
фамилии
и адреса.
«Здесь были Соня и Ваня Хайлов.
Семейство ело и отдыхало».
«Коля и Зина
соединили души».
Стрела
и сердце
в виде груши.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Комсомолец Петр Парулайтис».
«Мусью Гога,
парикмахер из Таганрога»
На кипарисе,
стоящем века,
весь алфавит:
□□□абвгдежзк.
А у этого
от лазанья
талант иссяк.
Превыше орлиных зон
просто и мило:
«Исак
лебензон».
Особенно
людей
винить не будем.
Таким нельзя
без фамилий и дат!
Всю жизнь канцелярствовали,
привыкли люди.
Они
и на скалу
глядят, как на мандат.
Такому,
глядящему
за чаем
с балкона,
как солнце
садится в чаще,
ни восход,
ни закат,
а даже солнце –
входящее
и исходящее.
Эх!
Поставь меня
часок
на место Рыкова,
я б
к весне
декрет железный выковал:
«По фамилиям
на стволах и скáлах
узнать
подписавшихся малых.
Каждому
в лапки
дать по тряпке.
За спину ведра –
и марш бодро!
Подписавшимся
и Колям
и Зинам
собственные имена
стирать бензином.
А чтоб энергия
не пропадала даром,
кстати и Ай-Петри
почистить скипидаром.
А кто
до того
к подписям привык,
что снова
к скале полез, –
у этого
□□□навсегда

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
закрывается лик –
без».

Под декретом подпись
и росчерк броский –
Владимир Маяковский.
Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алупка.

[1926]

Беспризорщина*
Эта тема
еще не избранная.
Смотрите
котлам асфальтовым в зев!
Еще
копошится
грязь беспризорная –
хулиганья бесконечный резерв.
Сгнули мать
и отец
и брат его
в дни,
что волжский голод прорвал.
Бросили их
волгари с-под Саратова,
бросила их
с-под Уфы татарва.
Детей возить
стараемся в мягком.
Усадим их
на плюшевом пуфе.
А этим, усевшимся,
пользуясь мраком,
грудные клетки
ломают буфер.
Мы смотрим
своих детишек
в оба:
ласкаем,
моем,
чистим,
стрижем.
А сбоку
растут болезни и злоба,
и лезвие финки
от крови рыжé.
Школа –
кино америконище;
дав
контролерше
промежду глаз,
учится
убегать от милиции,
как от полиции
скачет Дуглас.
Таких
потом
не удержишь Мууром –
стоит,
как в море риф.
Сегодня
расти
деловито и хмуρο
столбцы
помогающих цифр!
Привыкшие
к щебету ангела-ротика,
слов

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

беспризорных
продумайте жуть:
«Отдайте сумку, гражданка-тетенька,
а то укушу,
а то заражу».
Меж дум,
приходящих,
страну наводня,
на лоб страны,
невзгодами взморщенный,
в порядок года,
месяца,
дня
поставьте лозунг:
– Борьба с беспризорщиной.
[1926]

«МЮД»*
Додвадцатилетний люд,
выше знамена вздень:
сегодня
праздник МЮД,
мира
юношей
день.
Нам
дорога
указана Лениным,
все другие –
кривы и грязны.
Будем
только годами зелёны,
а делами и жизнью
красны.
Не сломят
сердца и умы
тюремщики
в стенах плоских.
Мы знаем
застенки румын
и пули
жандармов польских.
Смотрите,
какая Москва,
французы,
немцы,
голландцы.
И нас чтоб
пускали к вам, –
но чтоб не просить
и не кланяться.
Жалуются –
Октябрь отгудел.
Нэповский день –
тих.
А нам
еще много дел –
и маленьких,
и средних,
и больших.
А с кем
такое случилось,
что в семнадцать
сидит пригорюнивши,
у такого –
собачья старость.
Он не будет
и не был юношей.

Старый мир
из жизни вырос,
развевайте мертвое в дым!
Коммунизм –
это молодость мира,
и его
возводить
молодым.
Плохо,
если
одна рука!
С заводскими парнями
в паре
выступай
сегодня
и сын батрака,
деревенский
вихрастый парень!
Додвадцатилетний люд,
красные знамена вздень!
Раструбим
по земле
МЮД,
малышей
и юношей день.
[1926]

Две Москвы*
Когда автобус,
пыль развеяв,
прет
меж часовен восковых,
я вижу ясно:
две их,
их две в Москве –
Москвы.
1
Одна –
это храп ломовий и скрип.
Китайской стены покосившийся гриб.
Вот так совсем
и в седые века
здесь
ширился мат ломовика.
Вокруг ломовых бубнят наобум,
что это
бумагу везут в Главбум.
А я убежден,
что, удар изловча,
добро везут,
разбив половчан.
Из подмосковных степей и лон
везут половчанок, взятых в полон.
А там,
где слово «Моссельпром»
под молотом
и под серпом,
стоит
и окна глазом ест
вотьяк,
приехавший на съезд,
не слышавший,
как печенег,
о монпансье и ветчине.
А вбок
гармошка с пляскою,
пивные двери лязгают.
Хулиганьё

по кабакам,
как встарь,
друг другу мнут бока.
А ночью тишь,
и в тишине
нет ни гудка,
ни шины нет...
Храпит Москва деревню,
и в небе
цвета крем
глухой старухой древню
суровый
старый Кремль.

2

Не надо быть пророком-провидцем,
всевидящим оком святейшей троицы,
чтоб видеть,
как новое в людях роится,
вторая Москва
вскипает и строится.
Великая стройка
уже начата.
И в небо
лесами идут
там
почтамт,
здесь
Ленинский институт.
Дыры
метровые
потом политы,
чтоб ветра быстрее
под землей полетел,
из-под покоев митрополитов
сюда чтоб
вылез
митрополитен.
Восторженно видеть
рядом и вместе
пыхтенье машин
и пыли пласты.
Как плотники
с небоскреба «Известий»
плюются
вниз
на Страстной монастырь.
А там,
вместо храпа коней от обузы
гремят грузовозы,
пыхтят автобусы.
И кажется:
центр-ядро прорвалò
Садовых кольцо
и Коровьих валòв.
Отсюда
слышится и мне
шипенье приводных ремней.
Как стих,
крепящий болтом
разболтанную прозу,
завод «Серпа и Молота»,
завод «Зари»
и «Розы».
Растет представленья
о новом городе,
который
деревню погонит на корде.
Качнется,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
встанет,
подтянется сонница,
придется и ей
трактореть и фордзониться.
Краснеет на шпиге флага тряпца,
бессонен Кремль,
и стены его
зовут работать
и торопиться,
бросая
со Спасской
гимн боевой.
[1926]

Хулиган («Республика наша в опасности...»)*
Республика наша в опасности.
В дверь
лезет
немыслимый зверь.
Морда матовым рыком гулка,
лапы –
в кулаках.
Безмозглый,
и две ноги для ляганий,
вот – портрет хулиганий.
Матроска в полоску,
словно лесá.
Из этих лесов
глядят телеса.
Чтоб замаскировать рыло мандрилье,
шерсть
аккуратно
сбрил на рыле.
Хлопья пудры
(«Лебяжьего пуха!»),
бабочка-галстук
от уха до уха.
Души не имеется.
(Выдумка бар!)
В груди –
пивной
и водочный пар.
Обутые лодочкой
качает ноги водочкой.
Что ни шаг –
враг.
– Вдрызг фонарь,
враги – фонари.
Мне темно,
так никто не гори.
Враг – дверь,
враг – дом,
враг –
всяк,
живущий трудом.
Враг – читальня.
Враг – клуб.
Глупейте все,
если я глуп! –
Ремень в ручище,
и на нем
повисла гиря кистенем.
Взмахнет,
и гиря вертится, –
а ну –
попробуй встретиться!
По переулочкам – луна.
Идет одна.

Она юна.
– Хорошенькая!
(За косу.)
Обкрутимся без загсу! –
Никто не услышит,
напрасно орет
вонючей ладонью зажатый рот.
– Не нас контрапупят –
не наше дело!
Бежим, ребята,
чтоб нам не влетело! –
Луна
в испуге
за тучу пятится
от рваной груди
мяса и платъица.
А в ближней пивной
веселье неистовое.
Парень
пиво глушит
и посвистывает.
Поймали парня.
Парня – в суд.
У защиты
словесный зуд:
– Конечно,
от парня
уйма вреда,
но кто виноват?
– Среда.
В нем
силу сдерживать
нет моготы.
Он – русский.
Он –
богатырь!
– Добрыня никитич!
Будьте добры,
не трогайте этих Добрынь! –
Бантиком
губки
сложил подсудимый.
Прислушивается
к речи зудимой.
Сидит
смирней и краше,
чем сахарный барашек.
И припаяет судья
(сердобольно)
«4 месяца».
Довольно!
Разве
зверю,
который взбесится,
дают
на поправку
4 месяца?
Деревню – на сход!
Собери
и при ней
словами прожги парней!
Гуди,
и чтоб каждый завод гудел
об этой
последней беде.
А кто
словам не умилится,
тому

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

агитатор –
шашка милиции.
Решимость
и дисциплина,
пружинь
тело рабочих дружин!
чтоб, если
возьмешь за воротник,
хулиган раскис и сник.
Когда
у больного
рука гниет –
не надо жалеть ее.
Пора
топором закона
отсечь
гнилые
дела и речь!
[1926]

Хулиган («Ливень докладов...»)*
Ливень докладов.
Преете?
Прей!
А под клубом,
гармошкой избранные,
в клубах табачных
шипит «Левенбрей»,
в белой пене
прибоем
тригорное..
Еле в стул вмещается парень.
Один кулак –
четыре кило.
Парень взвинчен.
Парень распарен.
Волос взъерошенный.
Нос лилов.
Мало парню такому доклада.
Парню –
слово душевное нужно.
Парню
силу выхлестнуть надо.
Парню надо..
– новую дюжину!
Парень выходит.
Как в бурю на катере.
Тесен фарватер.
Тело намокло.
Парнем разосланы
к чертовой матери
бабы,
деревья,
фонарные стекла.
Смотрит –
кому бы заехать в ухо?
что башка не придумает дурья?!
Бомба
из безобразий и ухарств,
дурости,
пива
и бескультурья.
Так, сквозь песни о будущем рае,
только солнце спрячется, канув,
тянутся
к центру огней
от окраин
драка,

муть
и ругня хулиганов.
Надо
в упор им –
рабочьи дружины,
надо,
чтоб их
судом обломало,
в спорт
перелить
мускуля пружины, –
надо и надо,
но этого мало...
Суд не скрутит –
набрать имен
и раструбить
в молве многогласой,
чтоб на лбу горело клеймо:
«Выродок рабочего класса».
А главное – помнить,
что наше тело
дышит
не только тем, что скушано;
надо –
рабочей культуры дело
делать так,
чтоб не было скушно.
[1926]

В мировом масштабе*
Пишу про хулиганов,
как будто нанятый, –
целую ночь и целый день.
Напишешь,
а люди
снова хулиганят,
все –
кому не лень.
* * *

Хулиган
обычный,
что домашний зверик,
ваша не померкнет слава ли
рядом с тем,
что учинил Зевéринг
над рабочей демонстрацией
в Бреславле?
Весть газетная,
труби погромче!
Ярче,
цифры
из расстрелянного списка!
Жмите руки,
полицейский президент
и хулиган-погромщик,
нападающий
на комсомол
в Новосибирске!
* * *

В Чемберлене
тоже
не заметно лени
(будем вежливы
при их
высоком сани),
но не встанет
разве
облик Чемберлений

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

над погромом,
раздраконенным в Вансяне?
Пушки загремели,
с канонерок грянув.

Пристань
трусами полна.
Рядом с этим
40

ленинградских хулиганов –
уголовная
бездарная шпана.

* * *

А на Маньчжурии,
за линией
идущей
сквозь Китай
дороги,
Сидит Чжан Цзо-лин
со своей Чжан Цзо-линией,
на стол положивши ноги.
Маршал!

А у маршалов
масштабы крупные,
и какой
ему, скажите,

риск...

Маршал
расшибает
двери клубные,
окна школьные
разносит вдрызг.

Здесьняя
окраинная
рвань и вонь,
на поклон к учителю идите,
пожимай же
чжанцзолинову ладонь,
мелкий
клубный
хулиган-вредитель!

* * *

Конечно,
должны войти и пань
в опись этой шпаны.
Десяток банд коренится
в лесах
на польской границе.

* * *

Не время ль
□□□кончать
с буржуями спор?
Не время ль
их причесать?

Поставьте
такие дела
на разбор
в 24 часа!

Пора
на очередь
поставить вопрос
о делах
мандаринства и панства.

Рабочие мира,
прекратите рост
международного хулиганства!
[1926]

Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная
Страница 88

Абхазия»*
Перья–облака,
закат расканарейте!
Опускайся,
южной ночи гнет!
Пара
пароходов
говорит на рейде:
то один моргнет,
а то
другой моргнет.
Что сигналият?
Напрягаю я
морщины лба.
Красный раз...
угаснет,
и зеленый...
Может быть,
любовная мольба.
Может быть,
ревнует разозленный.
Может, просит:
– «Красная Абхазия»!
Говорит
«Советский Дагестан».
Я устал,
один по морю лазая,
подойди сюда
и рядом стань. –
Но в ответ
коварная
она:
– Как-нибудь
один
живи и грейся.
Я
□□□теперь
по мачты влюблена
в серый «Коминтерн»,
трехтрубный крейсер. –
– Все вы,
бабы,
трясогузки и каналы...
Что ей крейсер,
дылда и пачкун? –
Поскулил
и снова засигналил:
– Кто-нибудь,
пришлите табачку!..
Скучно здесь,
нехорошо
и мокро.
Здесь
от скуки
отсыреет и броня... –
Дремлет мир,
на Черноморский округ
синь-слезищу
морем оброня.
[1926]

Лев Толстой и Ваня Дылдин*
Подмастерье
Ваня Дылдин
был
собою
очень виден.
Рост

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
(длинней моих стишков!) –

сажень
без пяти вершков.
Силища!
За ножку взяв,
поднял
раз
железный шкаф.
Только
зря у парня сила:
глупый парень
да бузила.
Выйдет,
выпив всю пивную, –
переулок
врассыпную!
Псы
и кошки
скачут прытки,
скачут люди за калитки.
Ходит
весел и вихраст,
что ни слово –
«в морду хряст».
Не сказать о нем двойко.
Общий толк один:
– Вояка!
* * *

Шла дорога милого
через Драгомилово.
На стене –
бумажный лист.
Огорчился скандалист.
Клок бумаги,
а на ней
велено:
– Призвать парней! –
«Меж штыков острых
Наш Союз –
остров.
Чтоб сломить
врагов окружие,
надобно
владеть оружием.
Каждому,
как клюква, ясно:
нечего баклуши бить,
надо в нашей,
надо в Красной,
надо в армии служить».
С огорченья –
парень скис.
Ноги врозь,
и морда вниз.
* * *

Парень думал:
– Как пойду, мол? –
Пил,
сопел
и снова думал,
подложив под щеку руку.
Наконец
удумал штуку.
С постной миной
резвой рысью
мчится
Дылдин
на комиссию.

Говорит,
учтиво стоя:
Убежденьями –
Толстой я.
Мне война –
что нож козлу.
Я –
непротивленец злу.
По слабости
по своей
я
□□□кровь
не в силах вынести.
Прошу
меня
от воинской
ОСВОБОДИТЬ повинности.
* * *

Этаким
непротивленцам
я б
под спину дал коленцем.
* * *

Жива,
как и раньше,
тревожная весть:
– Нет фронтов,
но опасность есть!
Там,
за китайской линией,
грозится Чжанцзолиния,
и пан Пилсудский в шпорах
просушивает порох.
А Лондон –
чемберленится,
кулак
вздымать
не ленится.
Лозунг наш
ряду годов:
– Рабочий,
крестьянин,
будь готов!
Будь горд,
будь рад
стать
красноармейцам в ряд.
[1926]

Мечта поэта*
Поэзия
любит
в мистику облекаться,
говорить
о вещах
едва касаемо.
Я ж
открыто
агитирую
за покупку облигаций
государственного
выигрышного займа.
Обсудим трезво,
выгодно ль это?
Предположим,
выиграл я:
во всех журналах –
мои портреты.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Я

□□□□и моя семья.
Это ж не шутки –
стать
знаменитостью
в какие-то сутки.
Широкая известность
на много лет.
За что?
Всего –
за четвертной билет.
Всей облигации
цена сторублевка,
но до чего ж
Наркомфин
придумал ловко!
Нету ста –
не скули
и не ной,
четверть облигации бери
за четвертной.
Четвертной не сбережете –
карманы жжет.
Кто
без облигации
□□□четвертной сбережет?
Приходится считать
восторженно и пылко,
что облигация
каждому –
лучшая копилка.
И так
в копилку
хитро положено,
что проиграть нельзя,
а выиграть –
можно.
Разве
сравнишь
с игрою с этакой
продувную железку
с бандитской рулеткой!
А не выиграю –
тоже не впаду в раж.
через 3 месяца –
новый тираж.
А выиграешь!
Не вычерпаешь –
хоть ведрами лей.
Больше
30 000 000 рублей!
Сто тысяч выиграю
(верю счастью!) –
и марш
в банк
за свою частью.
И мне
отслюнявливают
с правого кончика
две с половиной тысячи
червончиков.
Сейчас же,
почти не отходя от кассы,
вещей приобретаю
груды и массы!
Тут же покупается
(нужно или не нужно)
шуба

и меховых воротничков
дюжина.
Сапог понакуплю –
невиданный сон!
На любой размер
и любой фасон!
За покупками
по Москве по всей
разъезжусь,
весь день
не вылазя из таксей.
Оборудую
мастерскую
высокого качества
для производства
самого лучшего стихачества.
Жилплощадь куплю
и заживу на ней
один!
на все на двадцать сажений!
И вдруг
звонок:
приходит некто.
– Пожалте бриться,
я – фининспектор! –
А я
ему:
– Простите, гражданинчик,
прошу
со мной
выражаться иначе.
Уйдите,
свои портфели забрав,
выигрыш
облагать
не имеете прав! –
И выиграй
я
хотя с миллион,
от меня
фининспектор
уйдет посрамлен.
Выигрыш –
другим делам
не чета.
Вот это
поэты
и называют:
мечта!
Словом,
в мистику
нечего облекаться.
Это –
каждого
вплотную касаемо.
Пойдем
и просто
купим облигации
государственного
выигрышного займа.
[1926]

Праздник урожая*
Раньше
праздновался
разный Кирилл
да Мефодий.
Питье,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

фонарное освещение рыл
и прочее в этом роде.
И сейчас еще
село
самогоном весело.
На Союзе
великане
тень фигуры хулиганьей.
Но мы
по дням и по ночам
работаем,
тьме угрожая.
Одно
из наших больших начал –
«Праздник урожая».
Праздников много, –
но отродясь
ни в России,
ни около
не было,
чтоб люди
трубили, гордясь,
что рожь уродилась
и свекла.
Республика
многим бельмо в глазу,
и многим
□□□охота сломать ее.
Нас
штык
от врагов
защищает в грозу,
а в мирный день –
дипломатия.
Но нет у нас
довода
более веского,
чем амбар,
ломающийся от хлебных груд.
Нету
дела
почетней деревенского,
почетнее,
чем крестьянский труд.
Каждый корабль пшеничных зерен –
это
слеза у буржуев во взоре.
Каждый лишний вагон репы –
это
смычке новые скрепы.
Взрастишь кукурузу в засушливой зоне –
и можешь
□□□мечтать о новом фордзоне.
Чем больше будет хлебов ржаных,
тем больше ситцев у моей жены.
Еще завелась племенная свинья,
и в школу
□□□рубль покатился, звеня.
На литр увеличь молоко коров,
и новый ребенок в Союзе здоров.
Чем наливней
и полнее колос,
тем громче
будет
советский голос.
Крепись этот праздник
из года в год,
выставляй

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п

– похвалиться рад –
лучшую рожь,
лучший скот
и радужнейший виноград.
Лейся
по селам
из области в область
слов
горящая лава:
урожай – сила,
урожай – доблесть,
урожай увеличившим
слава!
[1926]

Искусственные люди*
ЭТИМИ –
и добрыми,
и кобры лютей –
Союз
до краев загрузён.
Кто делает
ЭТИХ
искусственных людей?
Какой нагружённый Гужон?
Чтоб долго
не размусоливать этой темы
(ни зол,
ни рад),
объективно
опишу человека –
системы
«бюрократ».
Сверху – лысина,
пятки – низом, –
организм, как организм.
Но внутри
вместо голоса –
□□□аппарат для рожений
некоторых выражений.
Разлад в предприятии –
грохочет адом,
буза и крик.
А этот, как сова,
два словца изрыгает:
– Надо
согласовать! –
Учрежденья объята ленью.
Заменяли дело канителью длинною,
А этот
отвечает
любому заявлению:
– Ничего,
выравниваем линию. –
Надо геройство,
надо умение,
чтоб выплыть
из канцелярщины вязкой,
а этот
жмет плечьми в недоумении:
– Неувязка! –
Из зава трестом
прямо в воры
лезет
пройдоха и выжига,
а этот
изрекает
со спокойствием рыб:

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

– Продвижка! –
Разлазится все,
аппарат – вразброд,
а этот,
кура и позевывая,
с достоинством
мямлит
во весь свой рот:
– Используем. –
Тут надо
видеть
вражьи войска,
надо
руководить прицелом, –
а этот
про все
твердит свысока:
– В общем и целом. –
* * *

Тут не приходится в кулак свистеть, –
как пишется
в стенгазетных листах:
«Уничтожим это, –
если не везде,
то во всех местах».
[1926]

Письмо писателя В. В. Маяковского писателю А. М. Горькому*

Алексей Максимович,
как помню,
между нами
что-то вышло
вроде драки
или ссоры.
Я ушел,
блестя
потертыми штанами;
взяли Вас
международные рессоры.
Нынче –
иначе.
Сед височный блеск,
и взоры озарённой.
Я не лезу
ни с моралью,
ни в спасатели,
без иронии,
как писатель
говорю с писателем.
Очень жалко мне, товарищ Горький,
что не видно
Вас
на стройке наших дней.
Думаете –
с Капри,
с горки
Вам видней?
Вы
□□□□□□и луначарский –
похвалы повальные,
добряки,
а пишущий
бесстыж –
тычет
целый день
свои
похвальные
листы.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Что годится,
чем гордиться?
Продают «Цемент»
со всех лотков.
Вы
□□□□□□ такую книгу, что ли, цените?
Нет нигде цемента,
а Гладков
написал
благодарственный молебен о цементе.
Затыкаешь ноздри,
нос наморщишь
и идешь
верстой болотца длиненького.
Кстати,
говорят,
что Вы открыли мощи
этого...
Калинникова.
Мало знать
чистописаниев ремёсла,
расписать закат
или цветенье редьки.
Вот
когда
к ребру душа примерзла,
ты
□□□□□□ ее попробуй отогреть-ка!
Жизнь стиха –
тоже тиха.
Что горенья?
Даже
нет и тленья
в их стихе
холодном
и лядащем.
Все
входящие
срифмуют впечатления
и печатают
в журнале
в исходящем.
А рядом
молотобойцев
анáпестам
учит
профессор Шенгэли.
Тут
не поймете просто-напросто,
в гимназии вы,
в шинке ли?
Алексей Максимович,
у вас
в Италии
Вы
□□□□□□ когда-нибудь
подобное
видали?
Приспособленность
и ласковость дворовой,
деятельность
блюдо-рубле- и тому подобных «лиз»
называют многие
– «здоровый
реализм». –
И мы реалисты,
но не на подножном
корму,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

не с мордой, упершейся вниз, –
мы в новом,
грядущем быту,
помноженном
на электричество
и коммунизм.
Одни мы,
как ни хвалите халтуры,
но, годы на спины грузя,
тащим
историю литературы –
лишь мы
и наши друзья.
Мы не ласкаем
ни глаза,
ни слуха.
Мы –
это леф,
без истерики –
□□□мы
по чертежам
деловито
и сухо
строим
завтрашний мир.
Друзья –
поэты рабочего класса.
Их знание
невелико,
но врезал
инстинкт
в оркестр разногласий
буквы
грядущих веков.
Горько
думать им
о Горьком-эмигранте.
Оправдайтесь,
гряньте!
Я знаю –
Вас ценит
□□□и власть
и партия,
Вам дали б всё –
от любви
до квартир.
Прозаики
сели
пред Вами
на парте б:
– Учи!
Верти! –
Или жить вам,
как живет Шаляпин,
раздушенными аплодисментами оляпан?
Вернись
теперь
такой артист
назад
на русские рублики –
я первый крикну:
– Обрато катись,
народный артист Республики! –
Алексей Максимыч,
из-за ваших стекол
виден
Вам
еще

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

парящий сокол?
Или
с Вами
начали дружить
по саду
ползущие ужи?
Говорили
(объясненья ходкие!),
будто
Вы
не едете из-за чахотки.
И Вы
в Европе,
где каждый из граждан
смердит покоем,
жратвой,
валютцей!
Не чище ль
наш воздух,
разреженный дважды
грозою
двух революций!
Бросить Республику
с думами,
с бунтами,
лысинку
южной зарей озарив, –
разве не лучше,
как Феликс Эдмундович,
сердце
отдать
временам на разрыв.
Здесь
дела по горло,
рукав по локти,
знамена неба
алы,
и соколы –
сталь в моторном клёкоте –
глядят,
чтоб не лезли орлы.
Делами,
кровью,
строкою вот эту,
нигде
не бывшею в найме, –
я славлю
взвитое красной ракетой
Октябрьское,
руганное
и пропетое,
пробитое пулями знамя!
[1926]

Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем!*

Смешно и нелепо
заботиться
поэту
о счастье нэпов.
Однако
приходится
дать совет:
граждане,
подымайтесь чуть свет!
Беги в банки,
пока не толпятся
и не наступают на ноги.
И, изогнувшись

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

в изящной грации,
говоришь кассиру:
– Подать облигации! –
Получишь
от кассира,
уваженьем объятого,
говоришь ему
голосом,
тверже, чем жезл:
– Так как
куплено
до 25-го,
гони
стурблевки
по 96.
А так как
□□□я
человек ловкий,
мозг рассчетлив,
и глаз мой
зорок,
купив до 20-го,
из каждой стурблевки
вношу
наличными
только сорок.
Пользуясь отсрочкой,
не кряхтя
и не ноя,
к 15-му ноября
внесу остальное. –
Купили
и – домой,
богатством нагружены, –
на радость родителей,
детей
и жены.
И сразу
в семье
порядок, что надо:
нет ни грязи,
ни ссор,
ни разлада.
Раньше
каждый
щетинился, как ёж,
а теперь –
дружба,
водой не разольешь.
Ни шума,
ни плача ребячьими ариями,
в семействе чудно:
тихо, как в аквариуме.
Все семейство,
от счастья дрожа,
ждет
с нетерпением
первого тиража.
Дождались,
сидят, уткнувши лица
в цифровые столбики
выигрышной таблицы.
И вдруг –
возглас,
как гром в доме:
– Папочка,
выиграл наш номер! –
Достали облигацию,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п

машут ею,
от радости
друг другу
бросаются на шею.
Надели шляпы,
ноги обули
и в банк –
быстрее
революционной пули.
Получили
и домой
бегут в припляске,
везя
червонцы
в детской коляске.
Жарь,
веселись,
зови гостей
под общее одобрение
всех властей.
А не выиграл –
опять-таки
спокойствие храни.
Спрячь облигации,
чтоб крепили они.
Облигации этой
удержу нет,
лежит
и дорожает
5 лет.
И перед последним тиражом
нигде не купишь,
хоть приставай с ножом.
Еще бы,
чуть не каждая
годна.
Из 19-ти облигаций
выигрывает одна.
Запомните
твердо,
как точное знание:
облигации надо
покупать заранее.
Каждый,
заботящийся
о счастье своем,
покупай
немедленно
выигрышный заем.
[1926]

Мои прогулки сквозь улицы и переулки*
На четвертых Лихоборах
непорядков –
целый ворох.
Что рабочий?!
Даже люди
очень крупного ума
меж домами,
в общей груди,
не найдут
свои дома.
Нету места странней:
тут и нечет
и чет
по одной стороне
в беспорядке течет.
Замечательный случай,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
единственный в мире:

№ 15,

а рядом –

4!

Почтальон,

хотя и смётлив,

верст по десять мечет петли.

Не встретишь больших комиков,

хоть год скитайся по миру.

Стоят

три разных домика,

и все –

под пятым номером...

Пришел почтальон,

принес перевод.

Каждый –

червонцы

лапкою рвет:

– Это я, мол,

пятый номер,

здесь

таких

и нету кроме. –

Но зато

должника

не разыщешь

никак.

Разносящему повестки

перемолвить слово не с кем,

лишь мычат,

тоской объята:

– Это

следующий – пятый!

Обойдите этажи –

нет

таких

под этот номер.

Если

здесь

такой и жил,

то теперь

помер. –

Почтальоны

сутки битые

летят.

Пот течет водой.

На работу

выйдут бритые,

а вернуться –

с бородой.

После этих

запутанных мест

прошу побывать

□□□ под вывеской

КРАСНЫЙ КРЕСТ

(Софийка, 5).

Из 30 сотрудников –

15 ответственные;

таким

не очень трудненько,

дела

не очень бедственные.

Без шума

и давки

получают

спецставки.

Что за ставочка!

В ей –

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
чуть не двадцать червей!
Однажды,
в связи
с режимом экономии,
у них
вытягиваются физиономии.
Недолго завыв морщатся,
зовут
к себе
уборщицу.
Зампомова рука
тычет ей
вместо сорока
20 рублей.
Другая рука,
по-хозяйски резвая,
уже
курьеру
ставку урезывает.
Клуб ответственных
не глуп –
устроился
не плохо,
сэкономил
с лишним рупь
на рабочих крохах.
По-моему,
результаты
несколько слабы.
С этими
с экономиями самыми –
я бы
к некоей бабушке послал бы
подобных помов с замами.
Подсказывает
практический ум:
с этого
больше
сэкономить сумм.
[1926]

Продолжение прогулок из улицы в переулок*

Стой, товарищ!
Ко всем к вам
доходит
«Рабочая Москва».
Знает
каждый,
читающий газету:
нет чугуна,
железа нету!
Суются тресты,
суются главки
в каждое место,
во все лавки.
А на Генеральной,
у Проводниковского дома –
тысяча пудов
разного лома.
Надорветесь враз-то –
пуды повзвесьте!
Тысяч полтораста,
а то
и двести.
Земли
слухами полны:
Гамбург –
фабрика луны.

Из нашего количества
железа и чугуна
в Гамбурге
вышла б
вторая луна.
Были б
тысячи в кармане,
лом
не шлепал по ногам бы.
Да, это
не Германия!
Москва,
а не Гамбург!
Лом
у нас
лежит, как бросят, –
благо,
хлеба
лом не просит.
Если б
я
начальством был,
думаю,
что поделом
я бы
кой-какие лбы
бросил бы
в чугунный лом.
Теперь
перейду
к научной теме я.
Эта тема –
Сельхозакадемия,
не просто,
а имени
Тимирязева.
Ясно –
сверху
снег да ливни,
ясно –
снизу грязь вам...
А в грязи
на аршин –
масса
разных машин.
Общий плач:
полежим,
РКИ подождем.
Разве ж
в этом режим,
чтоб ржавеет под дождем?
Для машины
дай навес –
мы
не яблоки моченые...
Что
у вас
в голове-с,
господа ученые?
Что дурню позволено –
от этого
срам
ученым малым
и профессорам.
Ну и публика!
Пожалела рублика...
Что навес?
Дешевле лука.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Сократили б техноруков,
посократили б должности –
и стройся
без задолженности!
Возвели б сарай –
не сарай,
а рай.
Ясно –
каждый
скажет так:
– Ну, и ну!
Дурак-то!
Сэкономивши пятак,
проэкономил трактор.
[1926]

Тип*

По улицам,
посредине садов,
меж сияющих клубных тетерей
хулиганов
различных сортов
больше,
чем сортов бактерий.
* * *

По окончании
рабочего дня,
стакан кипяченой зажав в кулачке,
под каждой крышей Союза бубня,
докладывают докладчики.
Каждая тема –
восторг и диво –
вмиг выясняет вопросы бытья.
Новость –
польза от кооператива,
последняя новость –
вред от питья.
Пустые места
называются – дыры;
фиги
растут
на Лиге наций;
дважды два
по книгам – четыре;
четырежды четыре –
кругом шестнадцать.
Устав,
отходят ко сну культпросветчики
и видят
сквозь музыку храпа мерненького:
Россия,
затеплив
огарок свечки,
читает
взасос
политграмоту Бердникова.
Сидит,
читает,
делает выписки
до блеска
зари
на лысине шара.
А сбоку
пишет с него Либединский,
стихи
с него
сочиняет Жаров.
Иди и гляди –

не жизнь,
а лилия.
Идиллия.
* * *

А пока
докладчики преют,
народ почему-то
прет к Левенбрею.
Еле в стул вмещается парень,
один кулак –
четыре кило.
Парень взвинчен.
Парень распарен.
Волос штопором.
Нос лилов.
Мозг его
чист от мыслей сора.
Жить бы
ему
не в Москве,
а на Темзе.
Парень,
возможно,
стал бы боксером,
нос бы расшиб
Карпантье и Демпси.
Что
для него
докладчиков сонм?
Тоже
сласть
в наркомпросной доле!
Что он
Маркс
или Эдисон?
Ему
телефоны выдумывать,
что ли?
Мат,
а не лекции
соки корней его.
Он
не обучен
драться планоно.
Спорт –
по башке бутылкой Корнеева,
доклад –
этажом обложить у Горшанова.
Парень выходит,
как в бурю на катере.
Тесен фарватер.
Тело намокло.
Парнем разосланы
к чертовой матери
бабы,
деревья,
фонарные стекла.
В полтротуара болтаются клёши,
рубашка-апаш
и кепка домиком.
Кулак
волосатей, чем лучшая лошадь,
и морда –
на зависть циркачьим комикам.
Лозунг дня –
вселенной в ухо! –
Все, что знает башка его дурья!
Бомба

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
из матершины и ухарств,
пива,
глупости
и бескультурья.
Надо помнить,
что наше тело
дышит
не только тем, что скушано, –
надо
рабочей культуры дело
делать так,
чтоб не было скушно.
[1926]

Долг Украине*
Знаете ли вы
украинскую ночь?
Нет,
вы не знаете украинской ночи!
Здесь
небо
от дыма
становится чёрно,
и герб
звездой пятиконечной вточен.
Где горилкой,
□□□удалью
и кровью
Запорожская
бурлила Сечь,
проводов уздой
смирив Днепровьё,
Днепр
заставят
на турбины течь.
И Днепрó
по проволокам–усам
электричеством
течет по корпусам.
Небось, рафинада
и Гоголю надо!

* * *
Мы знаем,
курит ли,
пьет ли Чаплин;
мы знаем
Италии безрукие руины;
мы знаем,
как Дугласа
галстух краплен...
А что мы знаем
о лице Украины?
Знаний груз
у русского
тощ –
тем, кто рядом,
почета мало.
Знают вот
украинский борщ,
знают вот
украинское сало.
И с культуры
поснимали пенку:
кроме
двух
прославленных Тарасов –
Бульбы
и известного Шевченка, –

ничего не выжмешь,
сколько ни старайся.
А если прижмут –
зардеется розой
и выдвинет
аргумент новый:
возьмет и расскажет
пару курьезов –
анекдотов
украинской мовы.
Говорю себе:
товарищ москаль,
на Украину
шуток не скаль.
Разучите
эту мову
на знаменах –
лексиконах алых, –
эта мова
величава и проста:
«Чуешь, сурмы заграли,
час расплаты настав...»
Разве может быть
затрепанней
да тише
слова
поистасканного
«Слышишь»?!

Я
□□□□немало слов придумал вам,
взвешивая их,
одно хочу лишь, –
чтобы стали
всех
МОИХ
стихов слова
полновесными,
как слово «чуешь».
* * *

Трудно
людей
в одно истолочь,
собой
кичись не очень.
Знаем ли мы украинскую ночь?
Нет,
мы не знаем украинской ночи.
[1926]

октябрь. 1917–1926*
Если
СТИХ
сердечный раж,
если
в сердце
задор смолк,
голосами его будоражь
комсомольцев
и комсомолок.
Дней шоферы
и кучера
гонят
пулей
время свое,
а как будто
лишь вчера
были
бури

этих боев.
В шинелях,
в поддевах идут...
Весть:
«Победа!»
За Смольный порог.
Там Ильич и речь,
а тут
пулеметный говорок.
Мир
другими людьми оброс;
пионеры
лет десяти
задают про Октябрь вопрос,
как про дело
глубоких седин.
Вырастает
времени мол,
день – волна,
не в силах противиться;
в смоль-усы
оброс комсомол,
из юнцов
перерос в партийцев.
И партийцы
в годах борьбы
против всех
буржуазных лис
натрудили
себе
горбы,
многий
стал
и выросл
и лыс.
А у стен,
с Кремля под уклон,
спят вожди
от трудов,
от ран.
Лишь колышет
камни
поклон
ото ста
подневольных стран.
На стене
пропылен
и нем
календарь, как календарь,
но в сегодняшнем
красном дне
воскресает
годов легендарь.
Будет знамя,
а не хоругвь,
будут
пули свистеть над ним,
и «Вставай, проклятьем...»
в хору
будет бой
и марш,
а не гимн.
Век промчится
в седой бороде,
но и десять
пройдет хотя б,
мы
и не можем

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

не молодеть,
выходя
на праздник – Октябрь.
Чтоб не стих
сердечный раж,
не дряхлел,
не стыл
и не смолк,
голосами
его
будоражь
комсомольцев
и комсомолок.
[1926]

Не юбилейте! *
Мне б хотелось
про октябрь сказать,
не в колокол названивая,
не словами,
украшающими
тепленький уют, –
дать бы
революции
такие же названия,
как любимым
в первый день дают!
Но разве
уместно
слово такое?
Но разве
настали
дни для покоя?
Кто галоши приобрел,
кто зонтик;
радуется обыватель:
«Небо голубо...»
Нет,
в такую ерунду
не рассказёньте
боевую
революцию – любовь.
* * *

В сотне улиц
сегодня
на вас,
на меня
упадут огнем знамена.
Будут глотки греметь,
за кордоны катя
огневые слова про Октябрь.
* * *

Белой гвардии
для меня
белей
имя мертвое: юбилей.
Юбилей – это пепел,
песок и дым;
юбилей –
это радость седым;
юбилей –
это край
кладбищенских ям;
это речи
и фимиам;
остановка предсмертная,
вздохи,
елей –

вот что лезет
из букв
«ю-б-и-л-е-й».
А для нас
юбилей –
ремонт в пути,
постоял –
и дальше гуди.
Остановка для вас,
для вас
юбилей –
а для нас
подсчет рублей.
Сбереженный рубль –
□□□сбереженный заряд,
поражающий вражеский ряд.
Остановка для вас,
для вас
юбилей –
а для нас –
это сплавы лей.
Разобьет
врага
электрический ход
лучше пушек
и лучше пехот.
Юбилей!
А для нас –
подсчет работ,
перемеренный литрами пот.
Знаем:
в графиках
довоенных норм
коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
что бой измельчал:
– Глаз на мелочь! –
приказ Ильича.
Надо
в каждой пылинке
будить уметь
большевистского пафоса медь.
* * *

Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минуту
не будь рассеяней!
Будет:
под ногами
заколеблется почва
почище японских землетрясений.
Молчит
перед боем,
топки глуша,
Англия бастующих шахт.
Пусть
китайский язык
мудрен и велик. –
знает каждый и так,
что Кантон
тот же бой ведет,
что в Октябрь вели
наш
рязанский
Иван да Антон.
И в сердце Союза
война.
И даже
киты батарей

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

и полки.
Воры
с дураками
засели в блиндажи
растрат
и волокит.
И каждая вывеска:
– рабкооп –
коммунизма тяжелый окоп.
Война в отчетах,
в газетных листах –
рассчитывай,
режь и крой.
Не наша ли кровь
продолжает хлестать
из красных чернил РКИ?!
И как ни тушили огонь –
нас трое!
Мы
трое
охалки в огонь кидаем:
растет революция
в огнях Волховстроя,
в молчании Лондона,
в пулях Китая.
Нам
девятый Октябрь –
не покой,
не причал.
Сквозь десятки таких девяти
мозг живой,
живая мысль Ильича,
нас
к последней победе веди!
[1926]

Стоящим на посту*
Жандармы вселенной,
вылоснив лица,
стоят над рабочим:
– Эй,
не бастуй! –
А здесь
трудящихся щит –
милиция
стоит
на своем
бессменном посту.
Пока
за нашим
октябрьским гулом
и в странах
в других
не грянет такой, –
стой,
береги своим караулом
копейку рабочую,
дом и покой.
Пока
Волховстроев яркая речь
не победит
темноту нищеты,
нутро республики
вам беречь –
рабочих
домов и людей
щиты.
Храня республику,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
от людей до иголок,
без устали стой
и без лени,
пока не исчезнут
богатство и голод –
поставщики преступлений.
Враг – хитёр!
Смотрите в оба!
Его не сломишь,
если сам лоботряс.
Помни, товарищ, –
нужна учёба
всем,
защищающим рабочий класс!
Голой рукой
не взять врага нам,
на каждом участке
преследуй их.
Знай, товарищ,
и стрельбу из нагана,
и книгу Ленина,
и наш стих.
Слаба дисциплина – петлю накинута.
Бандит и белый
живут в ладах.
Товарищ,
тверже крепи дисциплину
в милиционерских рядах!
Иной
хулигану
так
даже рад, –
выйдет
этакий
драчун и голосило:
– Ничего, мол,
выпимши –
свой брат –
богатырская
русская сила. –
А ты качнешься
(от пива частого),
у целой улицы нос заалел:
– Ежели,
мол,
безобразит начальство,
то нам,
разумеется,
и бог велел! –
Сорвут работу
глупым ляганьем
пивного чада
бузящие чады.
Лозунг твой:
– Хулиганам
нет пощады! –
Иной рассуждает,
морща лоб:
– Что цапать
маленьких воришек?
Ловить вора,
да такого,
чтоб
об нем
говорили в Париже! –
Если выудят
миллион
из кассы скряжьей,

новый
с рабочих
сдерет задарма.
На мелочь глаз!
На мелкие кражи,
потрошащие
тощий
рабочий карман!
В нашей республике
свет не равен:
чем дальше от центра –
тем глубже ночи.
Милиционер,
в темноту окраин
глаз вонзай
острей и зорче!
Пока
за нашим
октябрьским гулом
и в странах других
не пройдет такой
стой,
береги своим караулом
копейки,
людей,
дома
и покой.
[1926]

Еврей*
(Товарищам из Озета)
Бывало,
начни о вопросе еврейском
тебе
собеседник
ответит резко:
– Еврей?
На Ильинке!
Все в одной линиике!
Еврей – караты,
еврей – валюта...
Люто богаты
и жадны люто.
А тут
им
дают Крым!
А Крым известен:
не карта, а козырь;
на лучшем месте –
дворцы и розы. –
Так врут
рабочим врагов голоса,
но ты, рабочий,
но ты –
ты должен честно взглянуть в глаза
еврейской нищеты.
И до сегодня
над Западным краем
слышатся отзвуки
стонов и рёва.
Это, «жидов»
за бунты карая,
тешилась
пуля и плеть царёва.
Как будто бы
у крови стока
стоишь
у столбцов статистических выкладок.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

и липнет
пух
из перин Белостока
к лежащим глазам,
которые выколоты.
Уставив зрачок
и желт и огромен,
глядело солнце,
едва не заплакав.
Как там –
война
проходила в погроме:
и немец,
и русский,
и шайки поляков.
Потом демократы
во весь свой мах
громил денно и ночью.
То шел Петлюра
в батарейных громах,
то плетью свистела махновщина.
Еще и подвал
от слезы не высох, –
они выползали,
оставив норы.
И было
в ихних Мюр-Мерилизах
гнилых сельдей
на неполный рубль.
И снова
смад местечковых ям
да крови несмытой красная медь.
И голод
в ухо орал:
– Земля!
Земля и труд
или смерть! –
Ни моря нет,
ни куста,
ни селеньица,
худшее из худших мест на Руси –
место,
куда пришли поселенцы,
палаткой взвив
паруса парусин.
Эту пустыню
в усердии рьяном
какая жрала саранча?!
Солончаки сменялись бурьяном,
и снова
шел солончак.
Кто смерит
каторгу их труда?!
Геройство – каждый дым,
и каждый кирпич,
и любая труба,
и всякая капля воды.
А нынче
течет ручьевая лазурь;
и пота рабочего
крупный град
сегодня
уже
перелился в лозу,
и сочной гроздью
повис виноград.
Люди работы
выглядят ровно:

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

взгляни
на еврея,
землей полированного.
Здесь
делом растут
коммуны слова:
узнай –
хоть раз из семи,
который
из этих двух –
из славян,
который из них –
семит.
Не нам
со зверьими сплетнями знаться.
И сердце
и тощий бумажник свой
откроем
во имя
жизни без наций –
грядущей жизни
без нищих
и войн!
[1926]

О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки*

1
Двое.
В петлицах краснеют флажки.
К дверям учрежденья направляют
шажки...
Душой – херувим,
ангел с лица,
дверь
перед ними
открыл швейцар.
Не сняв улыбки с прелестного ротика,
ботики снял
и пылинки с ботишков.
Дескать:
– Любой идет пускай:
ни имя не спросим,
ни пропуска! –
И рот не успели открыть,
а справа
принес секретарь
полдюжины справок.
И рта закрыть не успели,
а слева
несет резолюцию
какая-то дева...
Очередь?
Где?
Какая очередь?
Очередь –
воробьиного носа короче.
Ни чином своим не гордись,
ни окладом –
принял
обоих
зав
без доклада...
Идут обратно –
весь аппарат,
как брат
любимому брату, рад...
И даже
котенок,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
сидящий на папке,
с приветом
поднял
передние лапки.
Идут, улыбаясь,
хвалить не ленятся:
– Рай земной,
а не учрежденьице! –
Ушли.
У зава
восторг на физии:
– Ура!
Пронесло.
Не будет ревизии!.. –
2
Назавтра,
дома оставив флажки,
двое
опять направляют шажки.
Швейцар
сквозь щель
горделиво лаётся:
– Ишь, шпана.
А тоже – шляется!.. –
С черного хода
дверь узка.
Орет какой-то:
– Предъявь пропуска! –
А очередь!
Мерь километром.
Куда!
Раз шесть
окружила дом,
как удав.
Секретарь,
величественней Сухаревой башни,
вдали
телефонит знакомой барышне..
Вчерашняя дева
в ответ на вопрос
сидит
и пудрит
веснушчатый нос..
У завожской двери
драконом-гадом
некто шипит:
– Нельзя без доклада! –
Двое сидят,
ковыряют в носу..
И только
уже в четвертом часу
закрыли дверь
и орут из-за дверок:
– Приходите
после дождика в четверг! –
У кошки –
и то тигрячий вид:
когти
вцарапать в глаза норовит..
В раздумье
оба
обратно катятся:
– За день всего –
и так обюрократиться?! –
А в щель
гардероб
вдогонку брошен:
на двух человек

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
полторы галоши.

* * *

Нету места сомнениям шатким.
Чтоб не пасса
бюрократ
коровой на лужку,
надо
или бюрократам
дать по шапке,
или
каждому гражданину
дать по флажку!
[1926]

Наш паровоз, стрелой лети*
С белым букетом
из дымных роз
бежит паровоз,
летит паровоз...
За паровозом –
толпой вагончик.
Начни считать –
и брось, не кончив!
Вагоны красные,
как раки сваренные,
и все гружённые,
и все товарные...
Приветно машет
вослед рука:
– Должно, пшеница,
должно, мука! –
Не сходит радость
со встречных рож:
– Должно, пшеница,
должно быть, рожь! –
К вокзалу главному
за пудом пуд
в сохранной целости
привез маршрут...
Два человечика,
топыря пузо,
с одной квитанцией
пришли за грузом:
– Подать три тысячи четыре места:
«Отчет
Урало-металло-треста!» –
С усердьем тратя
избыток сйлищи,
за носильщиком
потел носильщик...
Несут гроссбух,
приличный том,
весом
почти
в двухэтажный дом.
Потом притащили,
как – неведомо,
в два километра! –
степь, а не ведомость!
Кипы
обиты в железные планки:
это расписки,
анкеты, бланки...
Четверо
гнулись
от ящика следующего,
таща
фотографии

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

с их заведующего.
В дальнейшем
было
не менее трудненько:
Профили,
□□□фасы
ответсотрудников.
И тут же
в трехтонки
сыпались прямо
за диаграмму диаграмма.
Глядя на это,
один ротозей
высказал мысль
не особенно личную:
– Должно,
с Ленинграда
картинный музей
везут
заодно
с библиотекой публичной. –
Пыхтит вокзал,
как самовар на кухне:
– Эй, отчетность, грассбухнем!
Волокитушка сама пойдет!
Попишем,
подпишем,
грассбухнем! –
* * *

Свезли,
сложили.
Готово.
Есть!
Блиндаж
надежней любого щита.
Такое
никогда
никому не прочесть,
никому
никогда не просчитать.
Предлагаю:
– не вижу выхода иного –
сменить паровоз
на мощный и новый
и писаное и пишущих
по тундре и по лесу
послать поближе
к Северному полюсу...
Пускай на досуге,
без спешки и лени,
арифметике
по отчетам
учат тюленей!
[1926]

Рождественские пожелания и подарки*

Лучше
мысль о елках
навсегда оставь.
Елки пусть растут
за линией застав.
Купишь елку,
так и то
нету, которая красива,
а оставшуюся
после вычески лесных массивов.
Что за радость?
Гадость!

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Почему я с елками пристал?
Мой ответ
недолог:
ничего
из-за сомнительного рождества Христа
миллионы истреблять
рожденных елок.
формулирую, все вопросы разбив
(отцепись, сомненья клещ!):
Христос – миф,
а елка –
вещь.

А чтоб зря
рождество не пропадало –
для каждого
□□□ подумал про подарок.

1. Англии

Хочу,
чтоб в одну
коммунистическую руку
сложили
рабочих
разрозненные руки.
Рабочим –
миллионы стойких Куков,
буржуям –
один хороший кукиш.

2. Китаю

От сердца от всего,
от самого донца,
хочу,
чтоб взвился
флаг-малина.
Чтоб получить
□□□ свободными
14 кантонцев
и, кстати,
одного
арестованного Чжан Цзо-лина.

3. Двум министрам

Куски закусок,
вина и пена.
Ешь весело!
Закусывай рьяно! –

Пока

Бриан
не сожрет Чемберлена,
а Чемберлен
сожрет Бриана.

4. СССР

Каждой республике –
три Волховстроя,
втрое дешевые,
мощные втрое.
Чтоб каждой реки
любая вода
миллионы вольт
несла в провода.
Чтоб новую волю
время вложило
в жилы железа
и наши жилы.

Пусть
хоть лампой будет пробита
толща
нашего
грязного быта.

5. Буржую

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
(Разумеется) – ствол.

Из ствола – кол.

Попробуй, мол,
кто крепче и дольше проживет –
кол

□□□□□или живот.

б

И, наконец,
БЮРОКРАТАМ –
елочную хвою.

Пусть их
сидят на иголках
и воют.

Меньше
будут
на заседаниях тратиться,
и много труднее –
обюрократиться.

[1926]

Наше новогодие*

«Новый год!»

Для других это просто:

о стакан
стаканом бряк!

А для нас
новогодие –
подступ

к празднованию
Октября.

Мы

летá

исчисляем снова –
не христовый считаем род.

Мы

□□□□□не знаем «двадцать седьмого»,

мы

□□□□□десятый приветствуем год.

Наших дней

значенью

и смыслу

подвести итоги пора.

Серых дней

обыдённые числа,

на десятый

стройтесь

парад!

Скоро

всем

нам

счет предъявят:

дни свои

ерундой не мельча,

кто

и как

в обыдённой яви

воплотил

слова Ильича?

Что в селе?

Навоз

и скрипучий воз?

Свод небесный

коркою вычерствел?

Есть ли там

уже

миллионы звезд,

расцветающие в электричестве?

Не купая

в прошедшем зора,
не питаюсь
зрелищем древним,
кто и нынче
послал ревизоров
по советским
Марьям Андревнам?
Нам
коммуна
не словом крепка́ и любá
(сдашь без хлеба,
как ни крепися!).
У крестьян
уже
готовы хлеба́
всем,
кто переписью переписан?
Дайте крепкий стих
годочков этак на́ сто,
чтоб не таял стих,
как дым клубимый,
чтоб стихом таким
звенеть
и хвастать
перед временем,
перед республикой,
перед любимой.
Пусть гремят
барабаны поступи
от земли
к голубому своду.
Занимайте дни эти –
подступы
к нашему десятому году!
Парад
из края в край растянем.
Все,
в любой работе
и чине,
рабочие и драмщики,
стихачи и крестьяне,
готовьтесь
к десятой годовщине!
Всё, что красит
и радует,
всё –
и слова,
и восторг,
и погоду –
всё
к десятому припасем,
к наступающему году.
[1926]

Реклама
Что делать?*

Если хочешь,
забыв
и скуку и лень,
узнать сам,
что делается на земле
и что грохочет по небесам;
если хочешь знать,
как борются и боролись –
про борьбу людей
и работу машин,
про езду в Китай
и на Северный полюс,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
почему
на метр
переменили аршин, –
чтоб твоя голова
не стала дурна́,
чтоб мозг
ерундой не заносило –
подписывайся
и читай журнал
«Знание – сила».
[1926]

Очерки, вторая половина 1925 и 1926

Мое открытие Америки*

Мексика

Два слова. Моя последняя дорога* – Москва, Кенигсберг (воздух), Берлин, Париж, Сен-Назер, Жижон, Сантандер, Мыс-ла-Коронь (Испания), Гавана (остров Куба), Вера Круз, Мехико-сити, Ларедо (Мексика), Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Питсбург, Кливленд (Северо-Американские Соединенные Штаты), Гавр, Париж, Берлин, Рига, Москва.

Мне необходимо ездить. Обращение с живыми вещами почти заменяет мне чтение книг.

Езда хватает сегодняшнего читателя. Вместо выдуманных интересностей о скучных вещах, образов и метафор – вещи, интересные сами по себе.

Я жил чересчур мало, чтобы выписать правильно и подробно частности.

Я жил достаточно мало, чтобы верно дать общее.

18 дней океана. Океан – дело воображения. И на море не видно берегов, и на море волны больше, чем нужны в домашнем обиходе, и на море не знаешь, что под тобой.

Но только воображение, что справа нет земли до полюса и что слева нет земли до полюса, впереди совсем новый, второй свет, а под тобой, быть может, Атлантида*, – только это воображение есть Атлантический океан. Спокойный океан скучен. 18 дней мы ползем, как муха по зеркалу. Хорошо поставленное зрелище было только один раз; уже на обратном пути из Нью-Йорка в Гавр. Сплошной ливень вспенил белый океан, белым заштриховал небо, сшил белыми нитками небо и воду. Потом была радуга. Радуга отразилась, замкнулась в океане, – и мы, как циркачи, бросались в радужный обруч. Потом – опять пловучие губки, летучие рыбки, летучие рыбки и опять пловучие губки Сарагоссова моря, а в редкие торжественные случаи – фонтаны китов. И все время надоедающая (даже до тошноты) вода и вода.

Океан надоедает, а без него скушно.

Потом уже долго-долго надо, чтобы гремела вода, чтоб успокаивающе шумела машина, чтоб в такт позванивали медяшки люков.

Пароход «Эспань» 14 000 тонн. Пароход маленький, вроде нашего «ГУМ'а». Три класса, две трубы, одно кино, кафе-столовая, библиотека, концертный зал и газета.

Газета «Атлантик». Впрочем, паршивая. На первой странице великие люди: Балиев да Шалыпин*, в тексте описание отелей (материал, очевидно, заготовленный на берегу) да жиденский столбец новостей – сегодняшнее меню и последнее радио, вроде: «В Марокко все* спокойно».

Палуба разукрашена разноцветными фонариками, и всю ночь танцует первый класс с капитанами. Всю ночь наяривает джаз:

Маркита,
Маркита,
Маркита моя!
Зачем ты,
Маркита,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
не любишь меня...

Классы – самые настоящие. В первом – купцы, фабриканты шляп и воротничков, тузы искусства и монашенки. Люди странные: турки по национальности, говорят только по-английски, живут всегда в Мексике, – представители французских фирм с парагвайскими и аргентинскими паспортами. Это – сегодняшние колонизаторы, мексиканские штучки. Как раньше за грошовые побрякушки спутники и потомки Колумба обирали индейцев, так сейчас за красный галстук, приобщающий негра к европейской цивилизации, на гаванских плантациях сгибают в три погибели краснокожих. Держатся обособленно. В третий и во второй идут только если за хорошенькими девочками. Второй класс – мелкие коммивояжеры*, начинающие искусство и стучающая по ремингтонам* интеллигенция. Всегда незаметно от боцманов, бочком втираются в палубы первого класса. Станут и стоят, – дескать, чем же я от вас отличаюсь: воротнички на мне те же, манжеты тоже. Но их отличают и почти вежливо просят уйти к себе. Третий – начинка трюмов. Ищущие работы из Одесс всего света – боксеры, сыщики, негры.

Сами наверх не суются. У заходящих с других классов спрашивают с угрюмой завистью: «Вы с преферанса?» Отсюда подымаются спертый запашище пота и сапожищ, кислая вонь просушиваемых пеленок, скрип гамаков и походных кроватей, облепивших всю палубу, зарезанный рев детей и шепот почти по-русски урезонивающих матерей: «Уймись, ты, кисанка моя, заплаканная».

Первый класс играет в покер* и маджонг*, второй – в шашки и на гитаре, третий – заворачивает руку за спину, закрывает глаза, сзади хлопают изо всех сил по ладони, – надо угадать, кто хлопнул из всей гурьбы, и uznанный заменяет избиваемого. Советую вузовцам испробовать эту испанскую игру.

Первый класс тошнит куда хочет, второй – на третий, а третий – сам на себя.

Событий никаких.

Ходит телеграфист, орет о встречных пароходах. Можете отправить радио в Европу.

А заведующий библиотекой, ввиду малого спроса на книги, занят и другими делами: разносит бумажку с десятью цифрами. Внеси 10 франков и запиши фамилию; если цифра пройденных миль окончится на твою – получай 100 франков из этого морского тотализатора*.

Мое незнание языка и молчание было истолковано как молчание дипломатическое, и один из купцов, встречая меня, всегда для поддержки знакомства с высоким пассажиром почему-то орал: «Хорош Плевна*» – два слова, заученные им от еврейской девочки с третьей палубы.

Накануне приезда в Гавану* пароход оживился. Была дана «Томбола» – морской благотворительный праздник в пользу детей погибших моряков.

Первый класс устроил лотерею, пил шампанское, склонял имя купца Макстона, пожертвовавшего 2000 франков, – имя это было вывешено на доске объявлений, а грудь Макстона под общие аплодисменты украшена трехцветной лентой с его, Макстоновой фамилией, тисненной золотом.

Третий тоже устроил праздник. Но медяки, кидаемые первым и вторым в шляпы, третий собирал в свою пользу.

Главный номер – бокс. Очевидно, для любящих этот спорт англичан и американцев. Боксировать никто не умел. Противно – бьют морду в жару. В первой паре пароходный кок – голый, щуплый, волосатый француз в черных дырявых носках на голую ногу.

Кока били долго. Минут пять он держался от умения и еще минут двадцать из самолюбия, а потом взмолился, опустил руки и ушел, выплевывая кровь и зубы.

Во второй паре дрался дурак-болгарин, хвастливо открывавший грудь, – с американцем-сыщиком. Сыщика, профессионального боксера, разбирал смех, – он размахнулся, но от смеха и удивления не попал, а сломал собственную руку, плохо сросшуюся после войны.

Вечером ходил арбитр и собирал деньги на поломанного сыщика. Всем объявлялось по

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
секрету, что сыщик со специальным тайным поручением в Мексике, а слечь надо в
Гаване, а безрукому никто не поможет, – зачем он американской полиции?

Это я понял хорошо, потому что и американец–арбитр в соломенном шлеме оказался
одесским сапожником–евреем.

А одесскому еврею все надо, – даже вступаться за незнакомого сыщика под тропиком
Козерога.

Жара страшная.

Пили воду – и зря: она сейчас же выпаривалась потом.

Сотни вентиляторов вращались на оси и мерно покачивали и крутили головой –
обмахивая первый класс.

Третий класс теперь ненавидел первый еще и за то, что ему прохладнее на градус.

Утром, жареные, печеные и вареные, мы подошли к белой – и стройками и скалами –
Гаване. Подлип таможенный катерок, а потом десятки лодок и лодчонок с гаванской
картошкой – ананасами. Третий класс кидал деньги, а потом выуживал ананас
веревочкой.

На двух конкурирующих лодках два гаванца ругались на чисто русском языке: «Куда
ты прешь со своей ананасиной, мать твою...»

Гавана. Стояли сутки. Брели уголь. В Вера–Круц угля нет, а его надо на шесть
дней езды, туда и обратно по Мексиканскому заливу. Первому классу пропуска на
берег дали немедленно и всем, с заносом в каюту. Купцы в белой чесуче сбегали
возбужденно с дюжинами чемоданчиков – образцов подтяжек, воротничков,
граммофонов, фиксатуаров и красных негритянских галстуков. Купцы возвращались
ночью пьяные, хвастаясь дареными двухдолларовыми сигарами.

Второй класс сходил с выбором. Пускали на берег нравящихся капитану. Чаще –
женщин.

Третий класс не пускали совсем – и он торчал на палубе, в скрежете и грохоте
углесосов, в черной пыли, прилипшей к липкому поту, подтягивая на веревочке
ананасы.

К моменту спуска полил дождь, никогда не виданный мной тропический дождина.

Что такое дождь?

Это – воздух с прослойкой воды.

Дождь тропический – это сплошная вода с прослойкой воздуха.

Я первоклассник. Я на берегу. Я спасаюсь от дождя в огромнейшем двухэтажном
пакгаузе. Пакгауз от пола до потолка начинен «виски». Таинственные подписи:
«Кинг Жорж», «Блэк энд уайт», «Уайт хорс» – чернели на ящиках спирта,
контрабанды, вливаемой отсюда в недалекие трезвые Соединенные Штаты*.

За пакгаузом – портовая грязь кабаков, публичных домов и гниющих фруктов.

За портовой полосой – чистый богатейший город мира.

Одна сторона – разэкзотическая. На фоне зеленого моря черный негр в белых штанах
продает пунцовую рыбу, подымая ее за хвост над собственной головой. Другая
сторона – мировые табачные и сахарные лимитеды* с десятками тысяч негров,
испанцев и русских рабочих.

А в центре богатств – американский клуб, десятиэтажный* Форд, Клей и Бок –
первые ощутимые признаки владычества Соединенных Штатов над всеми тремя – над
Северной, Южной и Центральной Америкой.

Им принадлежит почти весь гаванский Кузнецкий мост: длинная, ровная, в кафе,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
рекламах и фонарях Прадо*; по всей Ведадо*, перед их особняками, увитыми розовым
коларио*, стоят на ножке фламинго* цвета рассвета. Американцев берегут на своих
низеньких табуретах под зонтиками стоящие полицейские.

Все, что относится к древней экзотике, красочно поэтично и малоодоходно.
Например, красивейшее кладбище* бесчисленных Гомецов и Лопецов с черными даже
днем аллеями каких-то сплетшихся тропических бородатых деревьев.

Все, что относится к американцам, прилажено прилежно и организовано. Ночью я с
час простоял перед окнами гаванского телеграфа. Люди разомлели в гаванской жаре,
пишут почти не двигаясь. Под потолком на бесконечной ленте носятся зажатые в
железных лапках квитанции, бланки и телеграммы. Умная машина вежливо берет от
барышни телеграмму, передает телеграфисту и возвращается от него с последними
курсами мировых валют. И в полном контакте с нею, от тех же двигателей вертятся
и покачивают головами вентиляторы.

Обратно я еле нашел дорогу. Я запомнил улицу по эмалированной дощечке с надписью
«трафико». Как будто ясно – название улицы. Только через месяц я узнал, что
«трафико» на тысячах улиц просто указывает направление автомобилей. Перед уходом
парохода я сбежал за журналами. На площади меня поймал оборванец. Я не сразу мог
понять, что он просит о помощи. Оборванец удивился:

– Ду ю спик инглиш?* Парлата эспаньола?* Парле ву франсе?*

Я молчал и только под конец сказал ломано, чтоб отвязаться: «Ай эм рэша*!»

Это был самый необдуманный поступок. Оборванец ухватил обеими руками мою руку и
заорал:

– Гип большевик! Ай эм большевик! Гип, гип!

Я скрылся под недоуменные и опасливые взгляды прохожих.

Мы отплывали уже под гимн мексиканцев.

Как украшает гимн людей, – даже купцы стали серьезны, вдохновенно повскакивали с
мест и орали что-то вроде:

Будь готов, мексиканец,
вскочить на коня...

К ужину давали незнакомые мне еды – зеленый кокосовый орех с намазывающейся
маслом сердцевиной и фрукт манго – шарж на банан, с большой волосатой косточкой.

Ночью я с завистью смотрел пунктир фонарей далеко по правой руке, – это горели
железнодорожные огни Флориды*.

На железных столбах в третьем классе, к которым прикручивают канаты, сидели
вдвоем я и эмигрирующая одесская машинистка. Машинистка говорила со слезой:

– Нас сократили, я голодала, сестра голодала, двоюродный дядька позвал из
Америки. Мы сорвались и уже год плаваем и ездим от земли к земле, от города к
городу. У сестры – ангина и нарыв. Я звала вашего доктора. Он не пришел, а
вызвал к себе. Пришли, говорит – раздевайтесь. Сидит с кем-то и смеется. В
Гаване хотели слезть зайцами – оттолкнули. Прямо в грудь. Больно. Так в
Константинополе, так в Александрии. Мы – третьи... Этого и в Одессе не бывало. Два
года ждать нам, пока пустят из Мексики в Соединенные Штаты... Счастливый! Вы через
полгода опять увидите Россию.

Мексика. Вера-Круц. Жиденький бережок с маленькими низкими домишками. Круглая
беседка для встречающих рожками музыкантов.

Взвод солдат учится и марширует на берегу. Нас прикрутили канатами. Сотни
маленьких людей в тричетвертиаршинных шляпах кричали, вытягивали до второй
палубы руки с носильщическими номерами, дрались друг с другом из-за чемоданов и
уходили, подламываясь под огромной клажей. Возвращались, вытирали лицо и орали и
клянчили снова.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
– Где же индейцы? – спросил я соседа.

– Это индейцы, – сказал сосед.

Я лет до двенадцати бредил индейцами по Куперу и Майн-Риду. И вот стою, оторопев, как будто перед моими глазами павлинов переделывают в куриц.

Я был хорошо вознагражден за первое разочарование. Сейчас же за таможенной пошла непонятная, своя, изумляющая жизнь.

Первое – красное знамя с серпом и молотом в окне двухэтажного дома.

Ни к каким советским консульствам это знамя никак не относится. Это «организация Проалья». Мексиканец въезжает в квартиру и выкидывает флаг.

Это значит:

«Въехал с удовольствием, а за квартиру платить не буду». Вот и все.

Попробуй – вышиби.

В крохотной тени от стен и заборов ходят коричневые люди. Можно идти и по солнцу, но тогда тихо, тихо – иначе солнечный удар.

Я узнал об этом поздно и две недели ходил, раздувая ноздри и рот – чтобы наверстать нехватку разреженного воздуха.

Вся жизнь – и дела, и встречи, и еда – всё под холщевыми полосатыми навесами на улицах.

Главные люди – чистильщики сапог и продавцы лотерейных билетов. Чем живут чистильщики сапог – не знаю. Индейцы босые, а если и обуты, то во что-то не поддающееся ни чистке, ни описанию. А на каждого имеющего сапог – минимум 5 чистильщиков.

Но лотерейщиков еще больше. Они тысячами ходят с отпечатанными на папиросной бумаге миллионами выигрышных билетов, в самых мелких купюрах. А наутро уже выигрыши с массой грошовых выдач. Это уже не лотерея, а какая-то своеобразная, полукарточная, азартная игра. Билеты раскупают, как в Москве подсолнухи. В Вера-Круц не задерживаются долго: покупают мешок, меняют доллары, берут мешок с серебром за плечи и идут на вокзал покупать билет в столицу Мексики – Мехико-сити.

В Мексике все носят деньги в мешках. Частая смена правительств (за отрезок времени 28 лет – 30 президентов) подорвала доверие к каким бы то ни было бумажкам. Вот и мешки.

В Мексике бандитизм. Признаюсь, я понимаю бандитов. А вы, если перед вашими ногами звенят золотым мешком, разве не покуситесь?

На вокзале увидел вблизи первых военных. Большая шляпа с пером, желтое лицо, шестивершковые усы, палаш до полу, зеленые мундиры и лакированные желтые краги.

Армия Мексики интересна. Никто, и военный министр тоже, не знает, сколько в Мексике солдат. Солдаты под генералами. Если генерал за президента, он, имея тысячу солдат, хвастается десятью тысячами. А получив на десять, продает еду и амуницию девяти.

Если генерал против президента, он щеголяет статистикой в тысячу, а в нужный момент выходит драться с десятью.

Поэтому военный министр на вопрос о количестве войска отвечает:

– Кин сав*, кин сав. Кто знает, кто знает. Может, 30 тысяч, но возможно – и сто.

Войско живет по-древнему – в палатках со скарбом, с женами и с детьми.

Скарб, жены и дети этакой махновщиной* выступают во время междоусобных войн.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
Если у одной армии нет патронов, но есть маис, а другие без маиса, но с патронами – армии прерывают сражение, семьи ведут меновую торговлю, одни наедятся маисом, другие наполнят патронами сумки – и снова раздувают бой.

По дороге к вокзалу автомобиль спугнул стаю птиц. Есть чего испугаться.

Гусиных размеров, вороньей черноты, с голыми шеями и большими клювами, они подымались над нами.

Это «зопилоты», мирные вороны Мексики; ихнее дело – всякий отброс.

Отъехали в девять вечера.

Дорога от Вера-Круц до Мехико-сити, говорят, самая красивая в мире. На высоту 3000 метров вздымается она по обрывам, промежду скал и сквозь тропические леса. Не знаю. Не видал. Но и проходящая мимо вагона тропическая ночь необыкновенна.

В совершенно синей, ультрамариновой ночи черные тела пальм – совсем длинноволосые богемцы-художники.

Небо и земля сливаются. И вверху и внизу звезды. Два комплекта. Вверху неподвижные и общедоступные небесные светила, внизу ползущие и летающие звезды светляков.

Когда озаряются станции, видишь глубочайшую грязь, ослов и длинношляпых мексиканцев в «сараве» – пестрых коврах, прорезанных посередине, чтоб просунуть голову и спустить концы на живот и за спину.

Стоят, смотрят – а двигаться не их дело.

Над всем этим сложный, тошноту вызывающий запах, – странная помесь вони газolina и духа гнили банана и ананаса.

Я встал рано. Вышел на площадку.

Было все наоборот.

Такой земли я не видал и не думал, что такие земли бывают.

На фоне красного восхода, сами окрапленные красным, стояли кактусы. Одни кактусы. Огромными ушами в бородавках вслушивался нопаль, любимый деликатес ослов. Длинными кухонными ножами, начинающимися из одного места, выросал могеи. Его перегоняют в полупиво-полуводку – «пульке», спаивая голодных индейцев. А за нопалем и могеем, в пять человеческих ростов, еще какой-то сросшийся трубами, как орган консерватории, только темнозеленый, в иголках и шишках.

По такой дороге я въехал в Мехико-сити.

Диего де-Ривера* встретил меня на вокзале. Поэтому живопись – первое, с чем я познакомился в Мехико-сити.

Я раньше только слышал, будто Диего – один из основателей компартии Мексики, что Диего величайший мексиканский художник, что Диего из колыта попадает в монету на лету. Еще я знал, что своего Хулио Хуренито* Эренбург пытался писать с Диего.

Диего оказался огромным, с хорошим животом, широколицым, всегда улыбающимся человеком.

Он рассказывает, вмешивая русские слова (Диего великолепно понимает по-русски), тысячи интересных вещей, но перед рассказом предупреждает:

– Имейте в виду, и моя жена подтверждает, что половину из всего сказанного я привираю.

Мы с вокзала, закинув в гостиницу вещи, двинулись в мексиканский музей. Диего двигался тучей, отвечая на сотни поклонов, пожимая руку ближайшим и перекрикиваясь с идущими другой стороной. Мы смотрели древние, круглые, на

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
камне, ацтекские* календари из мексиканских пирамид, двумордых идиолов ветра, у
которых одно лицо догоняет другое. Смотрели, и мне показывали не зря. Уже
мексиканский посол в Париже, Г-н Рейес, известный новеллист Мексики,
предупреждал меня, что сегодняшняя идея мексиканского искусства – это исход из
древнего, пестрого, грубого народного индейского искусства, а не из
эпигонски-эклектических форм, завезенных сюда из Европы. Эта идея – часть,
может, еще и не осознанная часть, идеи борьбы и освобождения колониальных рабов.

Поженить грубую характерную древность с последними днями французской
модернистской живописи хочет Диего в своей еще не оконченной работе – росписи
всего здания мексиканского министерства народного просвещения.

Это много десятков стен, дающих прошлую, настоящую и будущую историю Мексики.

Первобытный рай, со свободным трудом, с древними обычаями, праздниками маиса,
танцами духа смерти и жизни, фруктовыми и цветочными дарами.

Потом – корабли генерала Эрнандо Кортеса*, покорение и закабаление Мексики.

Подневольный труд с плантатором (весь в револьверах), валяющимся в гамаке.
Фрески ткацкого, литейного, гончарного и сахарного труда. Подымающаяся борьба.
Галерея застреленных революционеров. Восстание с землей, атакующей даже небеса.
Похороны убитых революционеров. Освобождение крестьянина. Учение крестьян под
охраной вооруженного народа. Смычка рабочих и крестьян. Стройка будущей земли.
Коммуна – расцвет искусства и знаний.

Эта работа была заказана предыдущим недолговечным президентом в период его
заигрывания с рабочими.

Сейчас эта первая коммунистическая роспись в мире – предмет злейших нападков
многих высоких лиц из правительства президента Кайеса*.

Соединенные Штаты – дирижер Мексики – дали броненосцами и пушками понять, что
мексиканский президент только исполнитель воли североамериканского капитала. А
поэтому (вывод нетруден) незачем разводить коммунистическую агитационную
живопись.

Были случаи нападения хулиганов и замазывания и соскребывания картин.

В этот день я обедал у Диего.

Его жена – высокая красавица из Гвадалахары*.

Ели чисто мексиканские вещи.

Сухие, пресные-пресные тяжелые лепешки-блины. Рубленое скатанное мясо с массой
муки и целым пожаром перца.

До обеда кокосовый орех, после – манго.

Запивается отдающей самогоном дешевой водкой – коньяком-хабанерой.

Потом перешли в гостиную. В центре дивана валялся годовалый сын, а в изголовьи
на подушке бережно лежал огромный кольт.

Приведу отрывочные сведения и о других искусствах.

Поэзия: Ее много. В саду Чапульталепеке есть целая аллея поэтов – Кальсада де лос
поэтов.

Одинокие мечтательные фигуры скребутся в бумажке.

Каждый шестой человек – обязательно поэт.

Но все мои вопросы критикам о сегодняшней значительной мексиканской поэзии, о
том, есть ли что-либо похожее на советские течения, – оставались без ответа.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Даже коммунист Герреро, редактор железнодорожного журнала, даже рабочий писатель
Крус пишут почти одни лирические вещи со сладострастиями, со стонами и шепотами,
и про свою любимую говорят: Комо леон нубио (как нубийский лев).

Причина, я думаю, слабое развитие поэзии, слабый социальный заказ. Редактор
журнала «Факел» доказывал мне, что платить за стихи нельзя, – какая же это
работа! Их можно помещать только как красивую человеческую позу, прежде всего
выгодную и интересную одному автору. Интересно, что этот взгляд на поэзию был и
в России в предпушкинскую и даже в пушкинскую эпоху. Профессионалом, серьезно
вставлявшим стихи в бюджет, был, кажется, тогда только один Пушкин.

Поэзия напечатанная, да и вообще хорошая книга, не идет совсем. Исключение –
только переводные романы. Даже книга «Грабительская Америка», насущная книга об
империализме в Соединенных Штатах и возможности объединения латинской Америки
для борьбы, переведенная и напечатанная уже в Германии, здесь расходится в
пятистах экземплярах и то чуть ли не при насильственной подписке.

Те, кто хотят, чтоб их поэзия шла, издадут лубочные листки с поэмой,
приспособленной к распеву на какой-нибудь общеизвестный мотив.

Такие листки показывал мне делегат Крестинтерна* товарищ Гальван. Это –
предвыборные листки с его же стихами, за грош продающимися по рынкам. Этот
способ надо бы применить вапповцам* и мапповцам – вместо толстенных
академических антологий на рабоче-крестьянском верже*, в 5 рублей ценой.

Русскую литературу любят и уважают, хотя больше по наслышке. Сейчас переводятся
(!) Лев Толстой, Чехов, а из новых я видел только «Двенадцать» Блока да мой
«Левый марш».

Театр. Драмы, оперы, балет пустуют. Заезжая Анна Павлова* имела бы полный зал,
только б если у нее двоилось в глазах.

Я был раз в огромном театре на спектакле кукол. Было жутко видеть это приехавшее
из Италии потрясающее искусство. Люди, казавшиеся живыми, ломались в гимнастике
по всем суставам. Из бабы человеческой величины десятками вылетали танцевать
крохотные куколки обоего пола.

Оркестр и хор полуаршинных людей выводили невозможные рулады, и даже на этом
официальном спектакле в пользу авиаторов Мексики полны были только ложи
дипломатических представителей, хотя билеты и продавались вручную, вразнос.

Есть два «батаклана*» – подражание голым парижским ревью. Они полны. Женщины
тощие и грязные. Очевидно, уже вышедшие из моды, из лет, и из успеха в Европе и
в Штатах. Пахнет потом и скандалом. Номер получасового вращения (с дрожью) задом
(обратная сторона танца живота) повторяется трижды – и снова бешеный свист,
заменяющий в Мексике аплодисменты.

Так же посещаем кино. Мексиканское кино работает от восьми вечера и показывает
одну неповторяющуюся программу из трех-четырех огромных лент.

Содержание ковбойское, происхождение американское. Но самое любимое посещаемое
зрелище – это бой быков.

Огромное стальное строение арены – единственное здание по всем правилам, по всей
американской широте.

Человек – тысяч на сорок. Задолго до воскресенья газеты публикуют:

Лос Очо Торос*

восемь бычков

Быков и лошадей, принимающих участие в битве, можно заранее осматривать в
конюшнях торо. Такие-то и такие-то знаменитые тореадоры, матадоры и пикадоры
принимают участие в празднике.

В назначенный час тысячи экипажей со светскими дамами, катящими с ручными

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
обезьянками в своих «ройльсах*», и десятки тысяч пешеходов прут к стальному
зданию. Цены на билеты, раскупленные барышниками, вздуты вдвое.

Цирк открытый.

Аристократия берет билеты в теневой, дорогой стороне, плебс – на дешевой, солнечной. Если после убийства двух быков, из общей программы в 6 или в 8, дождь заставляет прекратить живодерню, публика – так было в день моего приезда – ярится и устраивает погром администрации и деревянных частей.

Тогда полиция прикатывает брандсбои и начинает окачивать солнечную (плебейскую) сторону водой. Это не помогает, – тогда стреляют в тех же солнышков.

Торо*.

Перед входом огромная толпа ждет любимцев-быкобоев. Именитые граждане стараются сняться рядом с высокомерным быкобойцем, аристократки-сеньоры дают, очевидно для облагораживающего влияния, поддержать им своих детей. Фотографы занимают места почти на бычьих рогах – и начинается бой.

Сначала пышный, переливающий блестками парад. И уже начинает бесноваться аудитория, бросая котелки, пиджаки, кошельки и перчатки любимцам на арену. Красиво и спокойно, сравнительно, проходит пролог, когда тореадор играет с быком красной тряпкой. Но уже с бандерильеров, когда быку в шею втыкают первые копыя, когда пикадоры обрывают быкам бока, и бык становится постепенно красным, когда его взбешенные рога врезаются в лошажьих животы, и лошади пикадоров секунду носятся с вывалившимися кишками, – тогда зловещая радость аудитории доходит до кипения. Я видел человека, который спрыгнул со своего места, выхватил тряпку тореадора и стал взывать ее перед бычьим носом.

Я испытал высшую радость: бык сумел воткнуть рог между человеческими ребрами, мстя за товарищей-быков.

Человека вынесли.

Никто на него не обратил внимания.

Я не мог и не хотел видеть, как вынесли шпагу главному убийце и он втыкал ее в бычье сердце. Только по бешеному грохоту толпы я понял, что дело сделано. Внизу уже ждали тушу с ножами сдиратели шкур. Единственное, о чем я жалел, это о том, что нельзя установить на бычьих рогах пулеметов и нельзя его выдрессировать стрелять.

Почему нужно жалеть такое человечество?

Единственное, что примиряет меня с боем быков, это – то, что и король Альфонс испанский* против него.

Бой быков – национальная мексиканская гордость.

Когда, распростившись с своим делом, купив дома и обеспечив себя и детей едой и лакеями, знаменитый быкобоек Рудольфо Гаона уехал в Европу – вся пресса взвыла, собирая анкеты: имеет ли право уезжать этот великий человек? у кого будет учиться, с кого будет брать пример подрастающая Мексика?

Поражающих архитектурных памятников новой стройки я в Мексике не видел. Быстро меняющиеся президенты мало задумываются о долговечных стройках. Диэц*, пропрезидентствовавший тридцать лет, под конец начал строить не то сенат, не то театр. Диэца прогнали. С тех пор прошло много лет. Готовый скелет из железных балок стоит, а сейчас, кажется, его получил на слом или продажу за какие-то услуги президенту какой-то мексиканский спекулянт. Новой и хорошей вещь мне показался памятник Сервантесу (копия севильского). Возвышающаяся площадка, обнесенная каменными скамейками, посредине фонтан, очень нужный в мексиканской жаре. Скамейки и низкие стены выстланы плитками, воскрешающими в простеньких лубочках похождения Дон-Кихота. Маленький Дон и Санчо-Панса стоят по бокам. Никаких изображений усатого или бородатого Сервантеса.

Зато два шкафика его книг, которые тут же много лет листают возвышенные

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский и мексиканцы.

Город Мехико – сити плоский и пестрый. Снаружи почти все домики – ящиками. Розовые, голубые, зеленые. Преобладающий цвет розовато-желтый, этаким морским песком на заре. Фасад дома скучен, вся его красота – внутри. Здесь дом образует четырехугольный дворик. Дворик усажен всякой цветущей тропичностью. Перед всеми домами обнимающая дворик двух-трех-четырёхэтажная терраса, обвитая зеленью, увешанная горшками с ползучими растениями и клетками попугаев.

Целое огромное американское кафе Самборн устроено так: застеклена крыша над двориком – вот и все.

Это – испанский тип домов, завезенный сюда завоевателями.

От старого восьмисотлетнего Мехико, – когда все это пространство, занимаемое городом, было озеро, обнесенное вулканами, и только на островочке стояло пуэбло, своеобразный город-дом-коммуна, тысяч на 40 человек, – от этого ацтекского города не осталось и следа.

Зато масса дворцов и домов первого завоевателя Мексики – Кортеса и его эпохи, недолгого царя Итурбиды*, да церкви, церкви и монастыри. Их много больше 10 000 расставлено в Мексике.

И огромные новые соборы*, вроде брата Нотр-дама* – кафедрала на площади Сокола*, – до маленькой церковки в старом городе, без окон, заплесневевшей и зацветшей. Она брошена лет двести назад после сражения монахов с кем-то, – вот и стоит дворик, в котором еще и сейчас валяется допотопное оружие, в том порядке – вернее, беспорядке, – в котором побросали его разбитые осажденные. И мимо огромных книг на деревянных подставках носятся летучие мыши и ласточки.

Правда, упомянутым кафедралем для молений пользуются мало – у кафедрала с одной стороны вход, а с другой – четыре выхода на четыре улицы. Мексиканские синьорины и синьориты пользуются собором как проходным двором для того, чтобы, оставив в ждущем шофере впечатление религиозной невинности, выскользнуть с другой стороны в объятия любовника или под руку поклонника.

Хотя церковные земли конфискованы, процессии религиозные запрещены правительством, но это остается только на бумаге. На деле, кроме попов, религию блюдут и множество своеобразных организаций: «Рыцари Колумба», «Общество дам-католичек», «Общество молодых католиков» и т. д.

Это – дома и здания, на которых останавливаются гиды* и Куки*. Дома истории – дома попов и дома богатых.

Коммунисты показывали мне кварталы бедняков, мелких подмастерьев, безработных. Эти домики лепятся друг к другу, как ларьки на Сухаревке*, но с еще большей грязью. В этих домах нет окон, и в открытые двери видно, как лепятся семьи из восьми, из десяти человек в одной такой комнатке.

Во время ежедневных летних мексиканских дождей вода заливает протоптанные ниже тротуаров полы и стоит вонючими лужами.

Перед дверьми мелкие худосочные дети едят вареный маис, продающийся здесь же и хранящийся теплым под грязными тряпками, на которых ночью спит сам торговец.

Взрослые, у которых есть еще 12 сантимов*, сидят в «пулькерии» – этой своеобразной мексиканской пивной, украшенной коврами сарапе, с изображением генерала Боливара*, с пестрыми лентами или стеклярусами вместо дверей.

Кактусовый пульке, без еды, портит сердце и желудок. И уже к сорока годам индеец с одышкой, индеец с одутловатым животом. И это – потомок стальных Ястребиных Когтей*, охотников за скальпами*! Это – обобранная американскими цивилизующими империалистами страна – страна, в которой до открытия Америки валяющееся серебро даже не считалось драгоценным металлом, – страна, в которой сейчас не купишь и серебряного фунта, а должен искать его на Волстрит в Нью-Йорке. Серебро американское, нефть американская. На севере Мексики во владении американцев и густые железные дороги и промышленность по последнему техническому слову.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

А экзотика – на кой она черт! Лианы, попугаи, тигры и малярии, это – на юге, это – мексиканцам. Что американцам? Тигров, что ли, ловить да стричь шерсть на кисточки для бритвы?

Тигры – это мексиканцам. Им – голодная экзотика.

Самая богатая страна мира, уже посаженная североамериканским империализмом на голодный паек.

Жизнь города начинается поздно, в 8–9 часов.

Открываются рынки, слесарные, сапожные и портняжные мастерские, все электрифицированные, со станками для обпиливания и крашения каблуков, с утюгами для глажения сразу всего костюма. За мастерскими – правительственные учреждения.

Масса такси и частных автомобилей вперемежку с демократическими тряскими грузными автобусами, не комфортабельней и не вместительней нашего грузового полка*.

Авто конкурируют с автобусами и авто разных фирм между собой.

Эта конкуренция при больше чем страстном характере испанцев-шоферов приобретает прямо боевые формы.

Авто гоняется за авто, авто вместе гоняются за автобусом, а все сообще въезжают на тротуары, охотясь за необдуманными пешеходами.

Мехико-сити – первый в мире город по количеству несчастных случаев от автомобилей.

Шофер в Мексике не отвечает за увечья (берегись сам!), поэтому средняя долгота житья без увечий десять лет. Раз в десять лет давят каждого. Правда, есть и нераздавленные в течение двадцати лет, но это за счет тех, которые в пять лет уже раздавлены.

В отличие от врагов мексиканского человечества – автомобилей – трамваи исполняют гуманную роль. Они развозят покойников.

Часто видишь необычное зрелище. Трамвай с плачущими родственниками, а на прицепе-катафалке покойник. Вся эта процессия жарит всюю с массой звонков, но без остановок.

Своеобразная электрификация смерти!

Сравнительно с Соединенными Штатами народу на улицах мало – домишки маленькие с садами, протяжение города огромное, а жителей всего 600 тысяч.

Уличных реклам мало. Только ночью врезается одна. Мексиканец из электрических лампочек накидывает лассо на коробку папирос. Да все такси украшены изогнувшейся в плавании женщиной – реклама купальных костюмов.

Единственная реклама, которую любит малоудивляющийся мексиканец, это «барата» – распродажа. Этими распродажами заполнен город. Самые солидные фирмы обязаны ее объявлять – без распродажи мексиканца не заставишь купить даже фиговый лист.

В мексиканских условиях это не шутка. Говорят, муниципалитет повесил на одной из застав, вводящих в Мехико-сити, для усовещевания чересчур натуральных индейцев вывеску:

В Мехико-Сити без штанов вход воспрещается

Магазинная экзотика есть, но она для дураков, для заезжих, скупающих сувениры, сухопарых американок. К их услугам прыгающие бобы, чересчур яркие сарапе, от которых будут шарахаться все ослы Гвадалахары, сумочки с тисненым ацтекским календарем, открытки с попугаями из настоящих попугайских перышек. Мексиканец чаще останавливается перед машинными магазинами немцев, бельевыми – французов, мебели – американцев.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Иностранных предприятий бесконечное количество. Когда в праздник 14 июля* французские лавки подняли флаги, то густота их заставила думать, что мы во Франции.

Наибольшими торговыми симпатиями пользуются Германия, немцы.

Говорят, что немец может проехать по стране, пользуясь всеобщим хлебосольством только из любви к его национальности. Недаром в самой распространенной здесь газете я видел типографские машины, привезенные недавно, только с немецкими клеймами, – хотя до Америки сутки, а до Гамбурга езды 18 дней.

До 5–6 часов служба, работа. Потом к вертушкам. Перед парикмахерскими в Америке вертушки – стеклянный цилиндр с разноцветными спиральями, реклама мексиканских парикмахерских. Другие – в чистильню сапог. Длинный магазин с подставками для ног перед высокими стульями. Чистильщиков на 20.

Мексиканец франтовит – я видел рабочих, которые душатся. Мексиканка ходит неделю в дырах, чтоб в воскресенье разодеться в шелка. С семи часов центральные улицы загораются электричеством, которого здесь жгут больше, чем где бы то ни было, – во всяком случае больше, чем позволяют средства мексиканского народа. Своеобразная агитация за крепость и благополучие существования под нынешним президентом.

В 11 часов, когда кончаются театры и кино, остаются несколько кафе да загородные и окраинные подвальные кабачки, – ходьба начинает становиться небезопасной. В сад Чапультапек, в котором дворец президента, уже не пускают.

По городу горох выстрелов. Сбежавшаяся полиция не всегда обнаруживает убийство. Чаще всего стреляют в трактирах, пользуясь кольцом как штопором. Отшибают бутылочки горлышки. Стреляют просто из авто, для шума. Стреляют на пари – тянут жребий, кто кого будет застреливать, – вынуженный застреливает честно. В саду Чапультапек стреляют обдуманно. Президент приказал не впускать в сад с темнотой (в саду президентский дворец), стрелять после третьего предупреждения. Стрелять не забывают, только иногда забывают предупреждать. Газеты об убийствах пишут с удовольствием, но без энтузиазма. Но зато, когда день обошелся без смерти, газета публикует с удивлением:

«Сегодня убийств не было».

Любовь к оружию большая. Обычай дружеского прощания такой: становишься животом к животу и похлопываешь по спине. Впрочем, похлопываешь ниже и в заднем кармане брюк всегда прохлопнешь увесистый кольт.

Это у каждого от 15 до 75-летнего возраста.

Капля политики. Капля – потому что это не моя специальность, потому что жил в Мексике мало, а писать об этом надо много.

Политическая жизнь Мексики считается экзотической, потому что отдельные факты ее на первый взгляд неожиданны, а проявления необычны.

Чехарда президентов, решающий голос колта, никогда не затухающие революции, сказочное взяточничество, героизм восстаний, распродажа правительств – все это есть в Мексике, и всего вдоволь.

Прежде всего о слове «революционер». В мексиканском понятии это не только тот, кто, понимая или угадывая грядущие века, дерется за них и ведет к ним человечество, – мексиканский революционер – это каждый, кто с оружием в руках свергает власть – какую, безразлично.

А так как в Мексике каждый или свергнул, или свергает, или хочет свергнуть власть, то все революционеры. Поэтому это слово в Мексике ничего не значит, и, прочтя его в газете в применении к южноамериканской жизни, надо спрашивать дальше и глубже. Я видел много мексиканских революционеров, от молодых энтузиастов-комсомольцев, до времени прячущих кольт, ждущих, чтобы и Мексика пошла по нашему октябрьскому пути, от этих и до 65-летних стариков, копящих

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский миллионы для подкупа к выступлению, за которым самому мерещится президентский пост.

Всего в Мексике около 200 партий – с музейными партийными курьезами вроде «партии революционного воспитания» Рафаэля Майена, имеющей и идеологию, и программу, и комитет, но состоящей всего из него одного, или вроде прогоревших лидеров, предлагающих городскому управлению вымостить за свой счет целую улицу, только чтоб хотя б один переулок был назван их именем.

Для рабочего зрения интересна «лабористская» партия. Это мирная «рабочая партия», по духу близкая североамериканскому Гомперсу*, лучший показатель того, как дегенерируют реформистские партии, заменив революционную борьбу торговлей из-за министерских портфелей, благородными речами с трибуны и торгово-политическими махинациями в кулуарах.

Интересна фигура деятеля этой партии, министра труда Моронеса, которого все журналы рисуют не иначе как с горящими бриллиантами во всех грудях и манжетах.

К сожалению, я не могу дать достаточного очерка жизни коммунистов Мексики.

Я жил в Мехико-сити, центре официальной политики – рабочая же жизнь концентрировалась севернее в нефтяном центре Тампико, на рудниках штата Мехико, среди крестьян штата Вера-Круц. Могу только вспомнить несколько встреч с товарищами.

Товарищ Гальван, представитель Мексики в Крестинтерне, организовал в Вера-Круц первую сельскохозяйственную коммуну с новыми тракторами и с попытками нового быта. Он как настоящий энтузиаст рассказывает о своей работе, раздает фотографии и даже читает стихи о коммуне.

Товарищ Карйо, еще совсем молодой, но один из лучших теоретиков коммунизма – и секретарь, и казначей, и редактор, и все что угодно в одно и то же время.

Герреро – индеец. Коммунист-художник. Прекрасный политический карикатурист, владеющий и карандашом и лассо*.

Товарищ Морено. Депутат от штата Вера-Круц.

Морено вписал в мою книжку, прослушав «Левый марш» (к страшному сожалению, эти листки пропали «по независящим обстоятельствам» на американской границе):

«Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваш марш, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше «33» (калибр кольта).

Кольт загремел, но, к сожалению, не мореновский, а в Морено.

Уже находясь в Нью-Йорке, я прочел в газете, что товарищ Морено убит правительственными убийцами.

Компартия Мексики мала; на полтора миллиона пролетариев – около двух тысяч коммунистов, но из этого числа только товарищей триста активных работников.

Но влияние коммунистов растет и распространяется далеко за пределы партии – коммунистический орган «Эль мачете» имеет пятитысячный фактический тираж.

Еще один факт. Товарищ Монсон уже в федеральном сенате стал коммунистом, будучи послан в сенат лабористами штата Сан-Луис Потоси. Его дважды вызывала его бывшая партия для отчета – он не показывался, занятый делами компартии. Тем не менее, его не могут лишить полномочий благодаря его огромной популярности в рабочей массе.

Эксцентричность политики Мексики, ее необычность на первый взгляд – объясняется тем, что корни ее надо искать не только в экономике Мексики, но и в расчетах и вожделениях Соединенных Штатов, и главным образом в них. Есть президенты, которые президентствовали чуть не час, так что когда являлись интервьюеры, президент был уже свергнут и отвечал с раздражением: «Разве вы не знаете, что я был выбран всего на полтора часа».

Такая быстрая смена объясняется отнюдь не живым темпераментом испанцев, а тем, что такого президента выбирают по соглашению со Штатами для спешного и покорного проведения какого-нибудь закона, защищающего американские интересы. С 1894 года (выбор первого президента Мексики, генерала Гвадалупе) за 30 лет сменилось 37 президентов и 5 раз радикально менялась конституция. Прикиньте еще, что из этих тридцати семи тридцать были генералами, а значит, каждое новое вступление сопровождалось оружием, и вам станет немного ясней вулканическая картина Мексики.

В соответствии с этим и приемы борьбы мексиканские.

Перед голосованием, предвидя у противника большинство голосов, лихие делегаты крадут обладателей лишних голосов противной партии и держат до принятия резолюций.

Это не система, но бывает. Генерал вызывает в гости другого, и за кофе – сентиментальный, как и все испанцы, – уже сжимая револьверную рукоять, со слезами уговаривает коллегу:

– Пей, пей, это последняя чашка кофе в твоей жизни.

Конец одного из генералов ясен.

Только в Мексике могут быть такие истории, как история генерала Бланча, позднее рассказанная мне уже в американском Ларедо*. Бланча брал города в компании десяти товарищей, сгоняя с гор тысячный табун лошадей. Население города разбегалось и сдавалось, воображая тысячный отряд, справедливо думая, что лошадям одним незачем брать город. Но лошади брали потому, что их гнал Бланча. Бланча был неуловим, то дружа с американцами против мексиканцев, то с мексиканцами против американцев.

Его поймали на женщине. Подосланная красавица выманила его на мексиканскую сторону и в трактире всыпала ему и его товарищу какую-то сонную дрянь. Его сковали вместе с товарищем и бросили скованных в реку, делящую два Ларедо, стреляя из кольтов с лодок.

Очнувшийся от холода, силач-великан Бланча сумел порвать наручники, но его тянул прикованный товарищ.

Их тела вытащили только через несколько дней. Много идей взлетает искрами от этих сшибающихся людей, отрядов, партий.

Но одна идея объединяет всех, это – жажда освобождения, ненависть к поработителям, к жестоким «гринго», сделавшим из Мексики колонию, отрезавшим половину территории (так что есть города, половина которых мексиканская, вторая – американская), – к американцам, стотридцатимиллионной тушей придавившим двенадцатимиллионный народ.

«Гачупин» и «гринго» – два высших ругательства в Мексике.

«Гачупин» – это испанец. За 500 лет со времени вторжения Кортеса это слово потухло, тлеет, потеряло остроту.

Но «гринго» и сейчас звенит как пощечина (когда врвались в Мексику американские войска, они пели:

Грин-гоу
ди рошес ов..
старая солдатская песня, и по первым словам сократилось ругательство).

Случай:

мексиканец на костылях. Идет с женщиной. Женщина – англичанка. Встречный. Смотрит на англичанку и орет:

– Грингоу!

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
Мексиканец оставил костыль и вынул кольт.

– Возьми обратно свои слова, собака, или я просверлю тебя на месте.

Полчаса извинений, дабы сгладить страшное незаслуженное оскорбление. Конечно, в этой ненависти к Гринго не совсем правильное отождествление понятий – «каждый американец» и «эксплуататор». Неправильное и вредное понимание «нации» так часто парализовало борьбу мексиканцев.

Мексиканские коммунисты знают, что:

500 мексиканских нищих племен,
сытый,
с одним языком,
одной рукой выжимает в лимон,
одним запирает замком.
Все больше понимают трудящиеся Мексики, что только товарищи Морена знают, куда
направить национальную ненависть, на какой другой вид ненависти перевести ее.

Нельзя
борьбе
в племена рассекаться.
Нищий с нищими
рядом,
Несись
по земле
из страны мексиканцев
роднящий крик
«Камарада»!

Все больше понимают трудящиеся (первомайская демонстрация – доказательство), что
делать, чтобы свергнутые американские эксплуататоры не заменились
отечественными.

Скинь
□□□с горба
толстопузых обузу,
ацтек,
креол
и метис.
Скорее
над мексиканским арбузом,
багровое знамя, взметись.
«Арбузом» называется мексиканское знамя. Есть предание: отряд повстанцев,
пожирая арбуз, думал о национальных цветах.

Необходимость быстрой переброски не дала долго задумываться.

– Сделаем знамя – арбуз, – решил выступающий отряд.

И пошло: зеленое, белое, красное – корка, прослойка, сердцевина.

Я уезжал из Мексики с неохотой. Все то, что я описал, делается чрезвычайно
гостеприимными, чрезвычайно приятными и любезными людьми.

Даже семилетний Хесус, бегающий за папиросами, на вопрос об имени неизменно
отвечал:

– Хесус Пупито, ваш покорный слуга.

Мексиканец, давая свой адрес, никогда не скажет: «Вот мой адрес». Мексиканец
оповещает:

«Вы теперь знаете, где ваш дом».

Предлагая сесть в авто, говорит:

«Прошу вас сесть в свой автомобиль».

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
А письма, даже не к близкой женщине, подписываются:

«Целую следы ваших ног».

Похвалить вещь в чужом доме нельзя – ее заворачивают вам в бумажку.

Дух необычности и радушие привязали меня к Мексике.

Я хочу еще быть в Мексике, пройти с товарищем Хайкисом еще Мореном намеченную для нас дорогу: из Мехико-сити в Вера-Круц, оттуда два дня на юг поездом, день на лошадях – и в непроезженный тропический лес с попугаями без счастья и с обезьянами без жилетов.

Нью-Йорк

Нью-Йорк. – Москва. Это в Польше? – спросили меня в американском консульстве Мексики.

– Нет, – отвечал я, – это в СССР.

Никакого впечатления.

Визу дали*.

Позднее я узнал, что если американец заостривает только кончики, так он знает это дело лучше всех на свете, но он может никогда ничего не слышать про игольи ушки. Игольи ушки – не его специальность, и он не обязан их знать.

Ларедо – граница С.А.С.Ш.

Я долго объясняю на ломанейшем (просто осколки) полуфранцузском, полуанглийском языке цели и права своего въезда.

Американец слушает, молчит, обдумывает, не понимает и, наконец, обращается по-русски:

– Ты – жид?

Я опешил.

В дальнейший разговор американец не вступил за неимением других слов.

Помучился и минут через десять выпалил:

– Великороссъ?

– Великоросс, великоросс, – обрадовался я, установив в американце отсутствие погромных настроений. Голый анкетный интерес. Американец подумал и изрек еще через десять минут:

– На комиссию.

Один джентльмен, бывший до сего момента штатским пассажиром, надел форменную фуражку и оказался иммиграционным полицейским.

Полицейский всунул меня и вещи в автомобиль. Мы подъехали, мы вошли в дом, в котором под звездным знаменем сидел человек без пиджака и жилета.

За человеком были другие комнаты с решетками. В одной поместили меня и вещи.

Я попробовал выйти, меня предупредительными лапками загнали обратно.

Невдалеке засвистывал мой нью-йоркский поезд.

Сижу четыре часа.

Пришли и справились, на каком языке буду изъясняться.

Из застенчивости (неловко не знать ни одного языка) я назвал французский.

Меня ввели в комнату.

Четыре грозных дяди и француз-переводчик.

Мне ведомы простые французские разговоры о чае и булках, но из фразы, сказанной мне французом, я не понял ни черта и только судорожно ухватился за последнее слово, стараясь вникнуть интуитивно в скрытый смысл.

Пока я вникал, француз догадался, что я ничего не понимаю, американцы замахали руками и увели меня обратно.

Сидя еще два часа, я нашел в словаре последнее слово француза.

Оно оказалось:

– Клятва.

Клясться по-французски я не умел и поэтому ждал, пока найдут русского.

Через два часа пришел француз и возбужденно утешал меня:

– Русского нашли. Бон гарсон*.

Те же дяди. Переводчик – худощавый флегматичный еврей, владелец мебельного магазина.

– Мне надо клясться, – робко заикнулся я, чтобы начать разговор.

Переводчик равнодушно махнул рукой:

– Вы же скажете правду, если не хотите врать, а если же вы захотите врать, так вы же все равно не скажете правду.

Взгляд резонный.

Я начал отвечать на сотни анкетных вопросов: девичья фамилия матери, происхождение дедушки, адрес гимназии и т. п. Совершенно позабытые вещи!

Переводчик оказался влиятельным человеком, а, дорвавшись до русского языка, я, разумеется, понравился переводчику.

Короче: меня впустили в страну на 6 месяцев как туриста под залог в 500 долларов.

Уже через полчаса вся русская колония сбежалась смотреть меня, впереводкой поражая гостеприимством.

Владелец маленькой сапожной, усадив на низкий стул для примерок, демонстрировал фасоны башмаков, таскал студеную воду и радовался:

Первый русский за три года! Три года назад поп заезжал с дочерьми, сначала ругался, а потом (я ему двух дочек в шантан танцевать устроил), говорит: «Хотя ты и жид, а человек симпатичный, значит в тебе совесть есть, раз ты батюшку устроил».

Меня перехватил бельевщик, продал две рубашки по два доллара по себестоимости (один доллар – рубашка, один – дружба), потом, растроганный, повел через весь городок к себе домой и заставил пить теплые виски из единственного стакана для полоскания зубов – пятнистого и разящего одолю*.

Первое знакомство с американским сухим противопитейным законом – «прогибишен». Потом я вернулся в мебельный магазин переводчика. Его брат отстегнул веревочку с ценной на самом лучшем зеленом плюшевом диване магазина, сам сел напротив на другом, кожаном с ярлыком: 99 долларов 95 центов (торговая уловка – чтобы не было «сто»).

В это время вошла четверка грустных евреев: две девушки и двое юношей.

– Испанцы, – укоризненно рекомендует брат. – Из Винницы и из Одессы. Два года сидели на Кубе в ожидании виз. Наконец, доверились аргентинцу – за 250 долларов взявшемуся перевезти.

Аргентинец был солиден и по паспорту имел четырех путешествующих детей. Аргентинцам не нужна виза. Аргентинец перевез в Соединенные Штаты четыреста или шестьсот детей – и вот попался на шестьсот четвертых.

Испанец сидит твердо, за него уже неизвестные сто тысяч долларов в банк кладут – значит крупный.

А этих брат на поруки взял, только зря – досудят и все равно вышлют.

Это еще крупный промышленник – честный. А тут и мелких много, по сто долларов берутся из мексиканского Ларедо в американский переправить. Возьмут сто, до середины доведут*, а потом топят.

Многие прямо на тот свет эмигрировали.

Это – последний мексиканский рассказ.

Рассказ брата о брате, мебельщике, первый – американский. Брат жил в Кишиневе. Когда ему стало 14 лет, он узнал понаслышке, что самые красивые женщины – в Испании. Брат бежал в этот же вечер, потому что женщины были ему нужны самые красивые. Но до Мадрида он добрался только в 17 лет. В Мадриде красивых женщин оказалось не больше, чем в каждом другом месте, но они смотрели на брата даже меньше, чем аптекарши в Кишиневе. Брат обиделся и справедливо решил, что для обращения сияния испанских глаз в его сторону ему нужны деньги. Брат поехал в Америку еще с двумя бродягами, но зато с одной парой башмаков на всех троих. Он сел на пароход, не на тот, на который нужно, а на который сесть удалась. По прибытии Америка неожиданно оказалась Англией, и брат по ошибке засел в Лондоне. В Лондоне трое босых собирали окурки, трое голодных делали из окурочного табаку новые папиросы, а потом один (каждый по очереди), облекшись в башмаки*, торговал по набережной. Через несколько месяцев табачная торговля расширилась за пределы окурковых папирос, горизонт расширился до понимания местонахождения Америки и благополучие – до собственных башмаков и до билета третьего класса в какую-то Бразилию. По дороге на пароходе выиграл в карты некоторую сумму. В Бразилии торговлей и игрой он раздул эту сумму до тысяч долларов.

Тогда, взяв все имевшееся, брат отправился на скачки, пустив деньгу в тотализатор. Нерадивая кобыла поплелась в хвосте, мало беспокоясь об обнищавшем в 37 секунд брате. Через год брат, перемахнув в Аргентину, купил велосипед, навсегда презрев живую натуру.

Насобачившись на велосипеде, неугомонный кишиневец ввязался в велосипедные гонки.

Чтобы быть первым, пришлось сделать маленькую вылазку на тротуар, – минута была выиграна, зато случайно зазевавшаяся старуха свергнута гонщиком в канаву.

В результате весь крупный первый приз пришлось отдать помятой бабушке.

Брат с горя ушел в Мексику и разгадал нехитрый закон колониальной торговли, – надбавка 300: 100% – на наивность, 100% – на расходы и 100% – спертые при рассрочке платежа.

Сбив опять некоторую толику – перешли на американскую, всякой наживе покровительствующую сторону.

Здесь брат не погрязает ни в какое дело, он покупает мыловаренный завод за 6 и перепродает за 9 тысяч. Он берет магазин и передает его, за месяц учуяв крах. Сейчас он – уважаемейшее лицо города: он – председатель десятков благотворительных обществ, он, когда приезжала Павлова, за один ужин заплатил триста долларов.

– Вот он, – показал восхищенный рассказчик на улицу. Брат носился в новом авто, так и так пробуя его; он продавал свою машину за семь и бросался на эту в

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
двенадцать.

На тротуаре подобострастно стоял человек, улыбался, чтобы видели золотые коронки, и, не останавливая глаз, стрелял ими за машиной.

– Это – молодой галантерейщик, – объяснили мне. – Он с братом здесь всего четыре года, а уже два раза в Чикаго за товаром ездил. А брат – ерунда, какой-то греческий, все поэзию пишет, его в соседний город учителем определили, все равно толку не будет.

В радости русскому, с фантастическим радушием водил меня мой новый знакомец по улицам Ларедо.

Он забегал передо мной, открывая двери, кормил меня длиннейшим обедом, страдал при едином намеке на оплату с моей стороны, вел меня в кино, смотря только на меня и радуясь, если я смеюсь, – все это без малейшего представления обо мне, только за одно слово – москвич.

Мы шли на вокзал по темным пустыньким улицам – по ним, как всегда в провинции, разыгралась свободная административная фантазия. В асфальте (чего я никогда не видел даже в Нью-Йорке) белые полосы точно указывали место перехода граждан, огромные белые стрелки давали направление несуществующим толпам и автомобилям, и за неуместный переход по пустующим улицам взимался чуть не пятидесятирублевый штраф. На вокзале я понял все могущество мебельного брата. От Ларедо до Сан-Антонио* всю ночь будят пассажиров, проверяют паспорта в погоне за безвизными перебежчиками. Но я был показан комиссару, и я безмятежно проспал первую американскую ночь, вселяя уважение пульмановским* вагонным неграм.

Утром откатывалась Америка, засвистывал экспресс, не останавливаясь, вбирая хоботом воду на лету. Кругом вылизанные дороги, измурашенные фордами, какие-то строения технической фантастики. На остановках виднелись техасские ковбойские дома с мелкой сеткой от комаров и москитов в окнах, с диванами-гамаками на огромных террасах. Каменные станции, перерезанные ровно пополам: половина для нас, белых, половина – для черных, «фор нигрос», с собственными деревянными стульями, собственной кассой – и упаси вас даже случайно залезть на чужую сторону!

Поезда бросались дальше. С правого боку взвизывался аэро, перелетал на левую, вздымался опять, перемахнув через поезд, и несся опять по правой.

Это – сторожевые пограничные американские аэропланы.

Впрочем, почти единственно виденные мной в Соединенных Штатах.

Следующие я видел только в трехдневных аэрогонках в ночной рекламе над Нью-Йорком.

Как ни странно, авиация развита здесь сравнительно мало.

Могущественные железнодорожные компании даже каждую воздушную катастрофу смакуют и используют для агитации против полетов.

Так было с разорванным пополам (уже в мою бытность в Нью-Йорке) воздушным кораблем Шенандоу*, когда тринадцать человек спаслись, а семнадцать вслизались в землю вместе с крошкой оболочки и стальных тросов.

И вот в Соединенных Штатах почти нет пассажирских полетов.

Может, только сейчас мы накануне летающей Америки. Форд выпустил первый свой аэроплан и поставил его в Нью-Йорке в универсальном магазине Ванамекер, – там, где много лет назад был выставлен первый авто-фордик.

Ньюйоркцы влазят в кабину, дергают хвост, глядят крылья, – но цена в 25 000 долларов еще заставляет отступить широкого потребителя. А пока что аэропланы взлетали до Сан-Антонио, потом пошли настоящие американские города. Мелькнула американская Волга – Миссисипи, огорошил вокзал в Сан-Луисе, и новую в просветах двадцатипятиэтажных небоскребов Филадельфии уже сияло настоящее дневное рекламное нежалеемое, неэкономимое электричество*.

Это был разбег, чтобы мне не удивляться Нью-Йорку. Больше, чем вывороченная природа Мексики поражает растениями и людьми, ошарашивает вас выплывающий из океана Нью-Йорк своей навороченной стройкой и техникой. Я въезжал в Нью-Йорк с суши, ткнулся лицом только в один вокзал, но хотя и был приучае́м трехдневным проездом по Техасу – глаза все-таки растопырил.

Много часов поезд летит по Гудзонову берегу шагах в двух от воды. По той стороне – другие дороги у самого подножья Медвежьих гор. Гуще прут парходы и парходики. Чаше через поезд перепрыгивают мосты. Непрерывней прикрывают вагонные окна встающие стены – парходных доков, угольных станций, электрических установок, сталелитейных и медикаментных заводов. За час до станции въезжаешь в непрерывную гущу труб, крыш, двухэтажных стен, стальных ферм воздушной железной дороги. С каждым шагом на крыши нарастает по этажу. Наконец дома поднимаются колодезными стенками с квадратами, квадратиками и точками окон. Сколько ни задирай головы – нет верхов. От этого становится еще теснее, как будто щекой трешь об этот камень. Растерянный, опускаешься на скамейку – нет надежд, глаза не привыкли видеть такое; тогда остановка – Пенсильвэния-стэйшен.

На платформе – никого, кроме негров-носильщиков. Лифты и лестницы вверх. Вверху – несколько ярусов галерей, балконов с машущими платками встречающей и провожающей массы.

Американцы молчат (или, может быть, люди только кажутся такими в машинном грохоте), а над американцами гудят рупоры и радио о прибытиях и отправлениях.

Электричество еще двоится и троится белыми плитками, выстилающими безоконные галереи и переходы, прерывающиеся справочными бюро, целыми торговыми рядами касс и никогда не закрывающимися всеми магазинами – от мороженых и закусочных до посудных и мебельных.

Едва ли кто-нибудь представляет себе ясно целиком весь этот лабиринт. Если вы приехали по делу в контору, находящуюся версты за три в Дантауне – в банковском, деловом Нью-Йорке, в каком-нибудь пятьдесят третьем этаже Вульворт Бильдинг и у вас совинный характер – вам незачем вылазить из-под земли. Здесь же, под землей, вы садитесь в вокзальный лифт, и он взвывает вас в вестибюль Пенсильвэния-отель, гостиницы с двумя тысячами всевозможных номеров.

Все, что нужно торгующему гражданину: почты, банки, телеграфы, любые товары – все найдешь здесь, не выходя за пределы отеля.

Здесь же сидят какие-то смысленные маменьки с недвусмысленными дочерьми.

Иди танцуй.

Шум и табачный чад, как в долгожданном антракте громадного театра после длинной скучной пьесы.

Тот же лифт опустит вас к подземке (собвей), берите экспресс, который рвет версты почище поезда. Слезаете вы в нужном вам доме. Лифт завинчивает вас в нужный этаж без всяких выходов на улицу. Та же дорога вывертит вас обратно на вокзал, под потолок-небо пенсильванского вокзала, под голубое небо, по которому уже горят Медведицы, Козерог и прочая астрономия. И сдержанный американец может ехать в ежеминутных поездах к себе на дачную качалку-диван, даже не взглянув на гоморный и содомный Нью-Йорк*.

Еще поразительнее возвышающийся несколькими кварталами вокзал Гранд-Централ.

Поезд несется по воздуху на высоте трех-четырёх этажей. Дымящий паровоз сменен чистеньким, не плюющим электровозом, – и поезд бросается под землю. С четверть часа под вами еще мелькают увитые зеленью решетки просветов аристократической тихой Парк-Авеню. Потом и это кончается, и полчаса длится подземный город с тысячами сводов и черных тоннелей, заштрихованных блестящими рельсами, долго бьется и висит каждый рев, стук и свист. Белые блестящие рельсы становятся то желтыми, то красными, то зелеными от меняющихся семафоров. По всем направлениям – задушенная сводами, кажущаяся путаница поездов. Говорят, что наши эмигранты, приехавшие из тихой русской Канады*, сначала недоумевающе вперяются в окно, а потом начинают реветь и голосить:

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

– Пропали, братцы, живьем в могилу загнали, куда ж отсюда выберешься?

Приехали.

Над нами ярусы станционных помещений, под залами – этажи служб, вокруг – необозримое железо дорог, а под нами еще подземное трехэтажное собвоя.

В одном из фельетонов «Правды»* товарищ Поморский скептически высмеял вокзалы Нью-Йорка и поставил им в пример берлинские загоны – Цоо и Фридрихштрассе.

Не знаю, какие личные счеты у товарища Поморского с ньюйоркскими вокзалами, не знаю и технических деталей, удобства и пропускных способностей, но внешне – пейзажно, по урбанистическому ощущению, ньюйоркские вокзалы – один из самых гордых видов мира.

Я люблю Нью-Йорк в осенние деловые дни, в будни.

6 утра. Гроза и дождь. Темно и будет темно до полудня.

Одеваешься при электричестве, на улицах – электричество, дома в электричестве, ровно прорезанные окнами, как рекламный плакатный трафарет. Непомерная длина домов и цветные мигающие регуляторы, движения двоятся, троятся и десятируются асфальтом, до зеркала вылизанным дождем. В узких ущельях домов в трубе гудит какой-то авантюристичный ветер, срывает, громыхает вывесками, пытается свалить с ног и убегает безнаказанный, никем не задержанный, сквозь версты десятка авеню, прорезывающих Мангеттен (остров Нью-Йорка) вдоль – от океана к Гудзону. С боков подвывают грозе бесчисленные голосенки узеньких стритов, также по линейному ровно режущих Мангеттен поперек от воды к воде. Под навесами, – а в бездождный день просто на тротуарах, – валяются кипы свежих газет, развезенные грузовиками заранее и раскиданные здесь газетчиками.

По маленьким кафе холостые пускают в ход машины тел, запихивают в рот первое топливо – торопливый стакан паршивого кофе и заварной бублик, который тут же в сотнях экземпляров кидает бубликоделательная машина* в кипящий и плюющийся котел сала.

Внизу сплошной человечинной течет, сначала до зари – черно-лиловая масса негров, выполняющих самые трудные, мрачные работы. Позже, к семи – непрерывно белые*. Они идут в одном направлении сотнями тысяч к местам своих работ. Только желтые просмоленные дождевики бесчисленными самоварами шумят и горят в электричестве, намокшие, и не могут потухнуть даже под этим дождем.

Автомобилей, такси еще почти нет.

Толпа течет, заливая дыры подземок, выпирая в крытые ходы воздушных железных дорог, несясь по воздуху двумя по высоте и тремя параллельными воздушными курьерскими, почти безостановочными, и местными, через каждые пять кварталов останавливающимися поездами.

Эти пять параллельных линий по пяти авеню несутся на трехэтажной высоте, а к 120-й улице вскарабкиваются до восьмого и девятого, – и тогда новых, едущих прямо с площадей и улиц вздымают лифты. Никаких билетов. Опустил в высокую, тумбой, копилку-кассу 5 центов, которые тут же увеличивает лупа и показывает сидящему в будке меняле, во избежание фальши.

5 центов – и ездай на любое расстояние, но в одном направлении.

Фермы и перекрытия воздушных дорог часто ложатся сплошным навесом во всю длину улицы, и вам не видно ни неба, ни боковых домов, – только грохот поездов по голове да грохот грузовозов перед носом, – грохот, в котором действительно не разберешь ни слова и, чтобы не разучиться шевелить губами, остается безмолвно жевать американскую жвачку, чуингам.

Утром и в грозу лучше всего в Нью-Йорке – тогда нет ни одного зеваки, ни одного лишнего. Только работники великой армии труда десятиmillionного города.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
Рабочая масса расплзается по фабрикам мужских и дамских платьев, по новым
роющим тоннелям подземок, по бесчисленности портовых работ – и к 8 часам улицы
заполняются бесчисленностью более чистых и холеных, с подавляющей примесью
стриженных, голоколенных, с закрученными чулками сухопарых девиц – работниц
контор и канцелярий и магазинов. Их раскидывают по всем этажам небоскребов
Дантауна, по бокам коридоров, в которые ведет парадный ход десятков лифтов.

Десятки лифтов местного сообщения с остановкой в каждом этаже и десятки
курьерских – без остановок до семнадцатого, до двадцатого, до тридцатого.
Своеобразные часы указывают вам этаж, на котором сейчас лифт, – лампы,
отмечающие красным и белым спуск и подъем.

И если у вас два дела – одно в седьмом, другое – в двадцать четвертом этаже, –
вы берете местный (локал) до седьмого, и дальше, чтобы не терять целых шести
минут – пересядьте в экспресс.

До часу стрекочут машины, потеют люди без пиджаков, растут в бумагах столбцы
цифр.

Если вам нужна контора, незачем ломать голову над ее устройством.

Вы звоните в какое-нибудь тридцатизэтажие: – Алло! Приготовить к завтраму контору
в 6 комнат. Посадить двенадцать машинисток. Вывеска – «Великая и знаменитая
торговля сжатым воздухом для тихоокеанских подводных лодок». Два боя в
коричневых гусарках – шапки со звездными лентами, и двенадцать тысяч бланков,
вышеупомянутого названия.

– Гуд бай.

Завтра вы можете идти в свою контору, и ваши телефонные мальчики будут вас
восторженно приветствовать:

– Гау-ду-ю-ду, мистер Маяковский.

В час перерыв: на час для служащих и минут на пятнадцать для рабочих.

Завтрак.

Каждый завтракает в зависимости от недельной зарплаты. Пятнацатидолларовые –
покупают сухой завтрак в пакете за никель* и грызут его со всем молодым
усердием.

Тридцатипятидолларовые идут в огромный механический трактир, всунув 5 центов,
нажимают кнопку, и в чашку выплескивается ровно отмеренный кофе, а еще два-три
никеля открывают на огромных, уставленных едой полках одну из стеклянных дверок
сандвичей.

Шестидесятидолларовые – едят серые блины с патокой и яичницу по бесчисленным
белым, как ванная, Чайльдсам – кафе Рокфеллера.

Стодолларовые и выше идут по ресторанам всех национальностей – китайским,
русским, ассирийским, французским, индусским – по всем, кроме американских
безвкусных, обеспечивающих катары консервированным мясом Армора, лежащим чуть не
с войны за освобождение*.

Стодолларовые едят медленно – они могут и опоздать на работу, – и после ухода их
под столом валяются пузырьки от восьмидесятиградусного виски (это прихваченный
для компании); другой стеклянный или серебряный пузырек, плоский и формой
облегающий ляжку, лежит в заднем кармане оружием любви и дружбы наравне с
мексиканским кольцом.

Как ест рабочий?

Плохо ест рабочий.

Многих не видел, но те, кого видел, даже хорошо зарабатывающие, в
пятнадцатиминутный перерыв успевают сглотать у станка или перед заводской стеной
на улице свой сухой завтрак.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Кодекс законов о труде с обязательным помещением для еды пока на Соединенные Штаты не распространился.

Напрасно вы будете искать по Нью-Йорку карикатурной, литературой прославленной организованности, методичности, быстроты, хладнокровия.

Вы увидите массу людей, слоняющихся по улице без дела. Каждый остановится и будет говорить с вами на любую тему. Если вы подымете глаза к небу и постоите минуту, вас окружит толпа, с трудом усовещиваемая полицейским. Способность развлекаться чем-нибудь иным, кроме биржи, сильно мирит меня с нью-йоркской толпой.

Снова работа до пяти, шести, семи вечера.

От пяти до семи самое бушующее, самое непроходимое время.

Окончившие труд еще разбавлены покупщиками, покупщицами и просто фланерами.

На люднейшей 5-й авеню, делящей город пополам, с высоты второго этажа сотней катящихся автобусов вы видите политые прошедшим дождем и теперь сияющие лаком десятки тысяч в шесть-восемь рядов рвущихся в обе стороны автомобилей.

Каждые две минуты тушатся зеленые огни на бесчисленных уличных полицейских маяках и загораются красные.

Тогда машинный и человеческий поток* застывает на две минуты, чтобы пропустить рвущихся с боковых стритов.

Через две минуты опять на маяках загорается зеленый огонь, а дорогу боковым преграждает красный огонь на углах стритов.

Пятьдесят минут надо в этот час потратить на поездку, которая утром отняла бы четверть часа, и по две минуты надо простаивать пешеходу без всякой надежды пересечь немедля улицу.

Когда вы запаздываете перебежать и видите срывающуюся с цепи отстоявшую две минуты машинную лавину, вы, забыв про убеждения, скрываетесь под полицейское крыло, – крыло, так сказать: на самом деле это – хорошая рука одного из самых высоких людей Нью-Йорка с очень увесистой палкой – клобом.

Эта палка не всегда регулирует чужое движение. Иногда она (во время демонстрации, например) – способ вашей остановки. Добрый удар по затылку, и вам все равно: Нью-Йорк ли это или царский Белосток, – так рассказывали мне товарищи.

С шести-семи загорается Бродвей – моя любимейшая улица, которая в ровных, как тюремная решетка, стритах и авеню одна своенравно и нахально прет навкось. Запутаться в Нью-Йорке трудней, чем в Туле. На север с юга идут авеню, на запад с востока – стриты. 5-я авеню делит город пополам на Вест и Ист. Вот и все. Я на 8-й улице, угол 5-й авеню, мне нужна 53-я, угол 2-й, значит пройди 45 кварталов и сверни направо, до угла 2-й.

Загорается, конечно, не весь тридцативерстный Бродвейце (здесь не скажешь: заходите, мы соседи, оба на Бродвее), а часть от 25-й до 50-й улицы, особенно Таймс-сквер, – это, как говорят американцы, Грэт-Уайт-Уэй – великий белый путь.

Он действительно белый, и ощущение действительно такое, что на нем светлей, чем днем, так как день весь светел, а этот путь светел, как день, да еще на фоне черной ночи. Свет фонарей для света, свет бегающих лампочками реклам, свет зарев витрин и окон никогда не закрывающихся магазинов, свет ламп, освещающих огромные маляваные плакаты, свет, вырывающийся из открывающихся дверей кино и театров, несущийся свет авто и элевейтеров*, мелькающий под ногами в стеклянных окнах тротуаров свет подземных поездов, свет рекламных надписей в небе.

Свет, свет и свет.

Можно читать газету, и притом у соседа, и на иностранном языке.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Светло и в ресторанах и в театральном центре.

Чисто на главных улицах и в местах, где живут хозяева или готовящиеся к этому.

Там, куда развозят большинство рабочих и служащих, в бедных еврейских, негритянских, итальянских кварталах – на 2-й, на 3-й авеню, между первой и тридцатой улицами – грязь почище минской. В Минске очень грязно.

Стоят ящики со всевозможными отбросами, из которых нищие выбирают не совсем объединенные кости и куски. Стынут вонючие лужи и сегодняшнего и позавчерашнего дождя.

Бумага и гниль валяются по щиколку – не образно по щиколку, а по-настоящему, всамделишно.

Это в 15 минутах ходу, в 5 минутах езды от блестящей 5-й авеню и Бродвея.

Ближе к пристаням еще темней, грязней и опасней.

Днем это интереснейшее место. Здесь что-нибудь обязательно грохочет – или труд, или выстрелы, или крики. Содрогают землю краны, разгружающие пароход, чуть не целый дом за трубу выволакивающие из трюма.

Ходят пикетчики в забастовку, не допуская штрейкбрехеров.

Сегодня, 10 сентября, ньюйоркский юнион моряков порта объявил забастовку в солидарность бастующим морякам Англии, Австралии и Южной Африки, и в первый же день приостановилась выгрузка 30 огромных пароходов.

Третьего дня, несмотря на забастовку, на пароходе «Мажестик», приведенном штрейкбрехерами, приехал богатый адвокат, лидер (здешних меньшевиков) социалистической партии Морис Хилквит, и тысячи коммунистов и членов Ай-добль-добль-ю* свистели ему с берега и кидали тухлые яйца.

Еще через несколько дней здесь стреляли в приехавшего на какой-то конгресс генерала – усмирителя Ирландии*, – и его выводили задворками.

А утром снова входят и разгружаются по бесчисленным пристаням бесчисленных компаний «Ля франс», «Аквитания» и другие гиганты по 50 000 тонн.

Авеню, прилегающие к пристаням, из-за паровозов, въезжающих с товарами прямо на улицу, из-за грабителей, начинающих кабачки, – зовутся здесь «Авеню смерти».

Отсюда поставляются грабители-голдапы* на весь Нью-Йорк: в отели вырезывать из-за долларов целые семьи, в собвей – загонять кассиров в угол меняльной будки и отбирать дневную выручку, меняя доллары проходящей, ничего не подозревающей публике.

Если поймут – электрический стул тюрьмы Синг-Синг. Но можно и вывернуться. Идя на грабеж, бандит заходит к своему адвокату и заявляет:

– Позвоните мне, сэр, в таком-то часу туда-то. Если меня не будет, значит надо нести за меня залог и извлекать из узилища.

Залоги большие, но и бандиты не маленькие и организованы неплохо.

Выяснилось, например, что дом, оцененный в двести тысяч долларов, уже служит залогом в два миллиона, уплаченных за разных грабителей.

В газетах писали об одном бандите, вышедшем из тюрьмы под залог 42 раза. Здесь на Авеню смерти орудуют ирландцы. По другим кварталам другие.

Негры, китайцы, немцы, евреи, русские – живут своими районами со своими обычаями и языком, десятилетия сохраняясь в несмешанной чистоте.

В Нью-Йорке, не считая пригородов, 1 700 000 евреев (приблизительно),

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
1 000 000 итальянцев,

500 000 немцев,

300 000 ирландцев,

300 000 русских,

250 000 негров,

150 000 поляков,

300 000 испанцев, китайцев, финнов.

Загадочная картинка: кто же такие, в сущности говоря, американцы, и сколько их сто процентных?

Сначала я делал дикие усилия в месяц заговорить по-английски; когда мои усилия начали увенчиваться успехом, то близлежащие (близстоящие, сидящие) и лавочник, и молочник, и прачечник, и даже полицейский – стали говорить со мной по-русски.

Возвращаясь ночью элевейтером, эти нации и кварталы видишь как нарезанные: на 125-й встают негры, на 90-й русские, на 50-й немцы и т. д., почти точно.

В двенадцать выходящие из театров пьют последнюю соду, едят последний айскрим* и лезут домой в час или в три, если часа два потрутся в фокстроте или последнем крике «чарлстон*». Но жизнь не прекращается, – так же открыты всех родов магазины, так же носятся собвей* и элевейтеры, так же можете найти кино, открытое всю ночь, и спите сколько влезет за ваши 25 центов.

Придя домой, если весной и летом, закройте окна от комаров и москитов и вымойте уши и ноздри и откашляйте угольную пыль. Особенно сейчас, когда четырехмесячная забастовка 158 000 шахтеров твердого угля лишила город антрацита и трубы фабрик копят обычно запрещенным к употреблению в больших городах мягким углем.

Если вы исцарапались, залейтесь иодом: воздух нью-йоркский начинен всякой дрянью, от которой растут ячмени, вспухают и гноятся все царапины и которым все-таки живут миллионы ничего не имеющих и не могущих никуда выехать.

Я ненавижу Нью-Йорк в воскресенье: часов в 10 в одном лиловом трико подымает штору напротив какой-то клерк. Не надевая, видимо, штанов, садится к окну с двухфунтовым номером в сотню страниц – не то «Ворлд», не то «Таймса». Час читается сначала стихотворный и красочный отдел реклам универсальных магазинов (по которому составляется среднее американское мирозерцание), после реклам просматриваются отделы краж и убийств.

Потом человек надевает пиджак и брюки, из-под которых всегда выбивается рубаха. Под подбородком укрепляется раз навсегда завязанный галстук цвета помеси канарейки с пожаром и Черным морем. Одетый американец с час постарается посидеть с хозяином отеля или со швейцаром на стульях на низких приступочках, окружающих дом, или на скамейках ближайшего лысого скверика.

Разговор идет про то, кто ночью к кому приходил, не слышно ли было, чтобы пили, а если приходили и пили, то не сообщить ли о них на предмет изгона и привлечения к суду прелюбодеев и пьяниц.

К часу американец идет завтракать туда, где завтракают люди богаче его, и где его дама будет млеть и восторгаться над пулярдкой в 17 долларов. После этого американец идет в сотый раз в разукрашенный цветными стеклами склеп генерала и генеральши Грант* или, скинув сапоги и пиджак, лежать в каком-нибудь скверике на прочитанном полотнище «Таймса», оставив после себя обществу и городу обрывки газеты, обертку чуингама и мятую траву.

Кто богаче – уже нагоняет аппетит к обеду, правя своей машиной, презрительно проносясь мимо дешевых и завистливо кося глаза на более роскошные и дорогие.

Особенную зависть, конечно, вызывают у безродных американцев те, у кого на

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский и
автомобильной дверце баронская или графская золотая коронка.

Если американец едет с дамой, евшей с ним, он целует ее немедленно и требует, чтобы она целовала его. Без этой «маленькой благодарности» он будет считать доллары, уплаченные по счету, потраченными зря и больше с этой неблагодарной дамой никуда и никогда не поедет, – и саму даму засмеют ее благоразумные и расчетливые подруги.

Если американец автомобилирует один, он (писаная нравственность и целомудрие) будет замедлять ход и останавливаться перед каждой одинокой хорошенькой пешеходкой, скалить в улыбке зубы и зазывать в авто диким вращением глаз. Дама, не понимающая его нервозности, будет квалифицироваться как дура, не понимающая своего счастья, возможности познакомиться с обладателем стосильного автомобиля.

Дикая мысль – рассматривать этого джентльмена как спортсмена. Чаще всего он умеет только править (самая мелочь), а в случае поломки – не будет даже знать, как накачать шину или как поднять домкрат. Еще бы – это сделают за него бесчисленные починочные мастерские и бензинные киоски на всех путях его езды.

Вообще в спортсменство Америки я не верю.

Спортом занимаются главным образом богатые бездельницы.

Правда, президент Кулидж даже в своей поездке ежечасно получает телеграфные реляции о ходе бейсбольных состязаний между питсбургской командой и Вашингтонской командой «сенаторов»; правда, перед вывешенными бюллетенями о ходе футбольных состязаний народу больше, чем в другой стране перед картой военных действий только что начавшейся войны, – но это не интерес спортсменов, это – хилый интерес азартного игрока, поставившего на пари свои доллары за ту или другую команду.

И если рослы и здоровы футболисты, на которых глядит тысяч семьдесят человек огромного ньюйоркского цирка, то семьдесят тысяч зрителей, это – в большинстве тщедушные и хилые люди, среди которых я кажусь Голиафом*.

Такое же впечатление оставляют и американские солдаты, кроме вербовщиков, выхваляющих перед плакатами привольную солдатскую жизнь. Недаром эти холеные молодцы в минувшую войну отказывались влезть во французский товарный вагон (40 человек или 8 лошадей) и требовали мягкий, классный.

Автомобилисты и из пешеходов побогаче и поизысканнее в 5 часов гонят на светский или полусветский фэйф-о-клок*.

Хозяин запасся бутылками матросского «джина» и лимонада «Джиннер Эйл», и эта помесь дает американское шампанское эпохи прогибишена.

Приходят девицы с завороченными чулками, стенографистки и модели.

Вошедшие молодые люди и хозяин, влекомые жадой лирики, но мало разбирающиеся в ее тонкостях, острят так, что покраснеют и пунцовые пасхальные яйца, а потеряв нить разговора, похлопывают даму по ляжке с той непосредственностью, с которой, потеряв мысль, докладчик постукивает папиросой о портсигар.

Дамы показывают колени и мысленно прикидывают, сколько стоит этот человек.

Чтоб фэйф-о-клок носил целомудренный и артистический характер – играют в покер или рассматривают последние приобретенные хозяином галстуки и подтяжки.

Потом разъезжаются по домам. Переодевшись, направляются обедать.

Люди победнее (не бедные, а победнее) едят получше, богатые – похуже. Победнее едят дома свежескупленную еду, едят при электричестве, точно давая себе отчет в проглатываемом.

Побогаче – едят в дорогих ресторанах поперченную портящуюся или консервную заваль, едят в полутьме потому, что любят не электричество, а свечи.

Эти свечи меня смешат.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Все электричество принадлежит буржуазии, а она ест при огарках.

Она неосознанно боится своего электричества.

Она смущена волшебником, вызвавшим духов и не умеющим с ними справиться.

Такое же отношение большинства и к остальной технике.

Создав граммофон и радио, они откидывают его плембу*, говорят с презрением, а сами слушают Рахманинова*, чаще не понимают, но делают его почетным гражданином какого-то города и преподносят ему в золотом ларце – канализационных акций* на сорок тысяч долларов.

Создав кино, они отшвыривают его демосу*, а сами гонятся за оперными абонементом в опере, где жена фабриканта Мак-Кормик, обладающая достаточным количеством долларов, чтобы делать все, что ей угодно, ревет белугой, раздирая вам уши. А в случае неосмотрительности капельдинеров закидывается гнилым яблоком и тухлым яйцом.

И даже когда человек «света» идет в кино, он бессовестно врет вам, что был в балете или в голом ревю.

Миллиардеры бегут с зашумевшей машинами, громимой толпами 5-й авеню, бегут за город в пока еще тихие дачные углы.

Не могу же я здесь жить, – капризно сказала мисс Вандербильд*, продавая за 6 000 000 долларов свой дворец на углу 5-й авеню и 53-й улицы, – не могу я здесь жить, когда напротив Чайльдс, справа – булочник, а слева – парикмахер.

После обеда состоятельным – театры, концерты и обозрения, где билет первого ряда на голых дам стоит 10 долларов. Дуракам – прогулка в украшенном фонариками автомобиле в китайский квартал, где будут показывать обыкновенные кварталы и дома, в которых пьется обыкновеннейший чай – только не американцами, а китайцами.

Парам победнее – многоместный автобус на «Кони-Айланд» – Остров Увеселений. После долгой езды вы попадаете в сплошные русские (у нас американские) горы, высоченные колеса, вздымающие кабины, таитянские киоски, с танцами и фоном – фотографией острова, чертовы колеса, раскидывающие ступивших, бассейны для купающихся, катание на осликах – и все это в таком электричестве, до которого не доплюнуть и ярчайшей международной парижской выставке.

В отдельных киосках собраны все отвратительнейшие уроды мира – женщина с бородой, человек-птица, женщина на трех ногах и т. п. – существа, вызывающие неподдельный восторг американцев.

Здесь же постоянно меняющиеся, за грош нанимаемые голодные женщины, которых засовывают в ящик, демонстрируя безболезненное прокалывание шпагами; других сажают на стул с рычагами и электрифицируют, пока от их прикосновения к другому не посыплются искры.

Никогда не видел, чтобы такая гадость вызвала бы такую радость.

Кони-Айланд – приманка американского девичества.

Сколько людей целовалось в первый раз по этим вертящимся лабиринтам и окончательно решало вопрос о свадьбе в часовой обратной поездке собеем до города!

Таким идиотским карнавалом кажется, должно быть, счастливая жизнь ньюйоркским влюбленным.

Выходя, я решил, что неудобно покинуть лунапарк, не испытав ни одного удовольствия. Мне было все равно, что делать, и я начал меланхолически накидывать кольца на вертящиеся фигурки кукол.

Я предварительно осведомился о цене удовольствия. Восемь колец – 25 центов.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Кинув колец шестнадцать, я благородно протянул доллар, справедливо рассчитывая половину получить обратно.

Торговец забрал доллар и попросил показать ему мою мелочь. Не подозревая ничего недоброго, я вынул* из кармана доллара на три центов.

Колечник сгрел мелочь с ладони в карман и на мои возмущенные возгласы ухватил меня за рукав, потребовав предъявления бумажек. В удивлении, я вытащил имеющиеся у меня десять долларов, которые моментально сграбастал ненасытный увеселитель, – и только после мольб моих и моих спутников он выдал мне 50 центов на обратный путь.

Итого, по утверждению владельца милой игрушки, я должен был закинуть двести сорок восемь колец, т. е., считая даже по полминуты на каждое, проработать больше двух часов.

Никакая арифметика не помогла, а на мою угрозу обратиться к полицейскому мне было отвечено долго не смолкавшим грохотом хорошего, здорового смеха.

Полицейский, должно быть, усвоил себе из этой суммы – колец сорок.

Позднее мне объяснили американцы, что продавца надо было бить правильным ударом в нос, еще не получив и требования на второй доллар.

Если вам и тогда не возвращают денег, то все же уважают вас как настоящего американца, веселого «аттабоя*».

Воскресная жизнь кончается часа в два ночи, и вся трезвая Америка, довольно пошатываясь, во всяком случае возбужденно идет домой.

Черты ньюйоркской жизни трудны. Легко наговорить ни к чему не обязывающие вещи, избитые, об американцах вроде: страна долларов, шакалы империализма и т. д.

Это только маленький кадр из огромной американской фильма.

Страна долларов – это знает каждый ученик первой ступени. Но если при этом представляется та погоня за долларом спекулянтов, которая была у нас в 1919 году во время падения рубля, которая была в Германии в 1922 году во время тарактения марки, когда тысячники и миллионеры утром не ели булки в надежде, что к вечеру она подешевеет, то такое представление будет совершенно неверным.

Скупые? Нет. Страна, съедающая в год одного мороженого на миллион долларов, может приобрести себе и другие эпитеты.

Бог – доллар, доллар – отец, доллар – дух святой.

Но это не грошовое скопидомство людей, только мирящихся с необходимостью иметь деньги, решивших накопить суммочку, чтобы после бросить наживу и сажать в саду маргаритки да проводить электрическое освещение в курятники любимых наседок. И до сих пор ньюйоркцы с удовольствием рассказывают историю 11-го года о ковбое* Даймонд Джиме.

Получив наследство в 250 000 долларов, он нанял целый мягкий поезд, уставил его вином и всеми своими друзьями и родственниками, приехал в Нью-Йорк, пошел обходить все кабаки Бродвея, спустил в два дня добрых полмиллиона рублей и уехал к своим мустангам* без единого цента, на грязной подножке товарного поезда.

Нет! В отношении американца к доллару есть поэзия. Он знает, что доллар – единственная сила в его стодесятимиллионной буржуазной стране (в других тоже), и я убежден, что, кроме известных всем свойств денег, американец эстетически любит зелененьким цветом доллара, отождествляя его с весной, и бычком* в овале, кажущимся ему его портретом крепыша, символом его довольства. А дядя Линкольн* на долларе и возможность для каждого демократа пробиться в такие же люди делает доллар лучшей и благороднейшей страницей, которую может прочесть юношество. При встрече американец не скажет вам безразличное:

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
– Доброе утро.

Он сочувственно крикнет:

– Мек моней? (делаешь деньги?) – и пройдет дальше.

Американец не скажет расплывчато:

– Вы сегодня плохо (или хорошо) выглядите.

Американец определит точно:

– Вы смотрите сегодня на два цента.

Или:

– Вы выглядите на миллион долларов.

О вас не скажут мечтательно, чтобы слушатель терялся в догадках, – поэт, художник, философ.

Американец определит точно:

– Этот человек стоит 1 230 000 долларов.

Этим сказано все: кто ваши знакомые, где вас принимают, куда вы уедете летом, и т. д.

Путь, каким вы добыли ваши миллионы, безразличен в Америке. Все – «бизнес», дело, – все, что растит доллар. Получил проценты с разошедшейся поэмы – бизнес, обокрал, не поймали – тоже.

К бизнесу приучают с детских лет. Богатые родители радуются, когда их десятилетний сын, забросив книжки, приволакивает домой первый доллар, вырученный от продажи газет.

– Он будет настоящим американцем.

В общей атмосфере бизнеса изобретательность растет.

В детском кемпе, в летнем детском пансионе-лагере, где закаляют детей плаванием и футболом, было запрещено ругаться при боксе.

– Как же драться, не ругаясь? – сокрушенно жаловались дети.

Один из будущих бизнесменов учел эту потребность.

На его палатке появилось объявление:

«За 1 никель выучиваю пяти русским ругательствам, за 2 никеля – пятнадцати».

Желающих выучиться ругаться без риска быть понятым преподавателями – набилась целая палатка.

Счастливый владелец русских ругательств, стоя посредине, дирижировал:

– Ну, хором – «дурак»!

– Дурак!

– Сволочь!

– Не «тволоч», а «сволочь».

Над сукиным сыном пришлось биться долго. Несмышленные американьши выговаривали «зукин-синь», а подсовывать за хорошие деньги недоброкачественные ругательства честный молодой бизнесмен не хотел.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
У взрослых бизнес принимает грандиозные эпические формы.

Три года тому назад кандидату в какие-то доходные городские должности – мистеру Ригельману надо было хвастнуть пред избирателями какой-нибудь альтруистической затеей. Он решил построить деревянный балкон на побережье для гуляющих по Кони-Айланду.

Владельцы прибрежной полосы запросили громадные деньги – больше, чем могла бы дать будущая должность. Ригельман плюнул на владельцев, песком и камнем отогнал океан, создал полосу земли шириной в 350 футов и на три с половиной мили оправил берег идеальным дощатым настилом.

Ригельмана выбрали.

Через год он с лихвой возместил убытки, выгодно продав, в качестве влиятельного лица, все выдающиеся бока своего оригинального предприятия под рекламу.

Если даже косвенным давлением долларов можно победить должность, славу, бессмертие, то, непосредственно положив деньги на бочку, купишь все.

Газеты созданы трестами; тресты, воротилы трестов запродались рекламодателям, владельцам универсальных магазинов. Газеты в целом проданы так прочно и дорого, что американская пресса считается неподкупной. Нет денег, которые могли бы перекупить уже запродавшегося журналиста.

А если тебе цена такая, что другие дают больше, – докажи, и сам хозяин набавит.

Титул – пожалуйста. Газеты и театральные куплетисты часто трунят над кинозвездой Глорией Свенсен, бывшей горничной, ныне стоящей пятнадцать тысяч долларов в неделю, и ее красавцем-мужем графом, вместе с пакеновскими моделями и анановскими туфлями* вывезенным из Парижа.

Любовь – извольте.

Вслед за обезьяньим процессом* газеты стали трубить о мистере Браунинге.

Этот миллионер, агент по продаже недвижимого имущества, под старость лет обуялся юношеской страстью.

Так как брак старика с девушкой вещь подозрительная, миллионер пошел на удочерение.

Объявление в газетах:

желает миллионер удочерить шестнадцатилетнюю

12 000 лестных предложений с карточками красавиц посыпались в ответ. Уже в 6 часов утра четырнадцать девушек сидело в приемной мистера Браунинга.

Браунинг удочерил первую (слишком велико нетерпение) – по-детски распутившую волосья, красавицу-чешку Марию Спас. На другой день газеты стали захлебываться Мариным счастьем.

В первый день куплено 60 платьев.

Привезено жемчужное ожерелье.

За три дня подарки перевалили за 40 000 долларов.

И сам папаша снимался, облапив дочку за грудь, с выражением лица, которое впору показывать из-под полы перед публичными домами Монмартра*.

Отцовскому счастью помешало известие, что мистер пытался попутно удочерить и еще какую-то тринадцатилетнюю из следующей пришедшей партии. Проблематичным извинением могло бы, пожалуй, быть то, что дочь оказалась девятнадцатилетней женщиной.

Там на три меньше, здесь на три больше; «фифти-фифти», как говорят американцы, –

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
в общем, какая разница?

Во всяком случае папаша оправдывался не этим, а суммой счета, и благородно доказывал, что сумма его расходов на этот бизнес определенно указывает, что только он является страдающей стороной.

Пришлось вмешаться прокуратуре. Дальнейшее мне неизвестно. Газеты замолчали, будто долларов в рот набрали.

Я убежден, что этот самый Браунинг сделал бы серьезные коррективы в советском брачном кодексе, ущемляя его со стороны нравственности и морали.

Ни одна страна не городит столько моральной, возвышенной, идеалистической ханжеской чуши, как Соединенные Штаты.

Сравните этого Браунинга, развлекающегося в Нью-Йорке, с какой-нибудь местечковой техасской сценкой, где банда старух в 40 человек, заподозрив женщину в проституции и в сожительстве с их мужьями, раздевает ее догола, окунает в смолу, вываливает в перо и в пух и изгоняет из городка сквозь главные сочувственно гогочущие улицы.

Такое средневековье рядом с первым в мире паровозом «Твенти-Сенчери» экспресса.

Типичным бизнесом и типичным ханжеством назовем и американскую трезвость, сухой закон «прогибишен».

Виски продают все.

Когда вы зайдете даже в крохотный трактирчик, вы увидите на всех столах надпись: «Занято».

Когда в этот же трактирчик входит умный, он пересекает его, идя к противоположной двери.

Ему заслоняет дорогу хозяин, кидая серьезный вопрос:

– Вы джентльмен?

– О да! – восклицает посетитель, предъявляя зелененькую карточку. Это члены клуба (клубов тысячи), говоря просто – алкоголики, за которых поручились. Джентльмена пропускают в соседнюю комнату – там с засученными рукавами уже орудут несколько коктейльщиков, ежесекундно меняя приходящим содержимое, цвета и форму рюмок длиннейшей стойки.

Тут же за двумя десятками столиков сидят завтракающие, любовно оглядывая стол, уставленный всевозможной питейностью. Пообедав, требуют:

– Шу бокс! (Башмачную коробку!) – и выходят из кабачка, волоча новую пару виски. За чем же смотрит полиция?

За тем, чтобы не надували при дележе.

У последнего пойманного оптовика «бутлегера*» было на службе 240 полицейских.

Глава борьбы с алкоголем плачется в поисках за десятком честных агентов и грозит, что уйдет, так как таковые не находятся.

Сейчас уже нельзя отменить закон, запрещающий винную продажу, так как это невыгодно прежде всего торговцам вином. А таких купцов и посредников – армия – один на каждые пятьсот человек. Такая долларовая база делает многие, даже очень тонкие нюансы американской жизни простенькой карикатурной иллюстрацией к положению, что сознание и надстройка определяются экономикой.

Если перед вами идет аскетический спор о женской красе и собравшиеся поделились на два лагеря – одни за стриженных американок, другие за длинноволосых, то это не значит еще, что перед вами бескорыстные эстеты.

Нет.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

За длинные волосы орут до хрипоты фабриканты шпилек, со стрижкой сократившие производство; за короткие волосы ратует трест владельцев парикмахерских, так как короткие волосы у женщин привели к парикмахерам целое второе стригущееся человечество.

Если дама не пойдет с вами по улице, когда вы несете сверток починенных башмаков, обернутых в газетную бумагу, то знайте – проповедь красивых свертков ведет фабрикант оберточной бумаги.

Даже по поводу такой сравнительно беспартийной вещи, как честность, имеющей целую литературу, – даже по этому поводу орут и ведут агитацию кредитные общества, дающие ссуду кассирам для внесения залогов. Этим важно, чтобы кассиры честно считали чужие деньги, не сбегали с магазинными кассами, и чтобы незыблемо лежал и не пропал залог.

Таковыми же долларными соображениями объясняется и своеобразная осенняя оживленная игра.

14 сентября меня предупредили – снимай соломенную шляпу.

15-го на углах перед шляпными магазинами стоят банды, сбивающие соломенные шляпы, пробивающие шляпные твердые днища и десятками нанизывающие продырявленные трофеи на руку.

Осенью ходить в соломенных шляпах неприлично.

На соблюдении приличий зарабатывают и торговцы мягкими шляпами и соломенными. Что бы делали фабриканты мягких, если бы и зимой ходили в соломенных? Что бы делали соломенные, если бы годами носили одну и ту же шляпу?

А пробивающие шляпы (иногда и с головой) получают от фабрикантов на чуингам пошляпно.

Сказанное о ньюйоркском быте, это, конечно, не лицо. Так, отдельные черты – ресницы, веснушка, ноздря.

Но эти веснушки и ноздри чрезвычайно характерны для всей мещанской массы – массы, почти покрывающей всю буржуазию; массы, заквашенной промежуточными слоями; массы, захлестывающей и обеспеченную часть рабочего класса. Ту часть, которая приобрела в рассрочку домик, выплачивает из недельного заработка за фордик и больше всего боится стать безработным.

Безработица – это пятенье обратно, выгон из неоплаченного дома, увод недоплаченного форда, закрытие кредита в мясной и т. д. А рабочие Нью-Йорка хорошо помнят ночи осени 1920–1921 года*, когда 80 000 безработных спали в Централ-парке.

Американская буржуазия квалификацией и заработками ловко делит рабочих.

Одна часть – опора желтых лидеров с трехэтажными затылками и двухаршинными сигарами, лидеров, уже по-настоящему, попросту купленных буржуазией.

Другая – революционный пролетариат – настоящий, не вовлеченный мелкими шефами в общие банковские операции, – такой пролетариат и есть и борется. При мне революционные портные* трех локалов (отделов) союза дамских портных – локалы второй, девятый и двадцать второй – повели долгую борьбу против «вождя», председателя Мориса Зигмана, пытавшегося сделать союз смиренным отделом фабрикантовых лакеев. 20 августа была объявлена «Объединенным комитетом действия» антизигмановская демонстрация. Демонстрировало в Юнион-сквере тысячи две человек, и 30 000 рабочих из солидарности приостановили работу на два часа. Не зря демонстрация была в Юнион-сквере, против окон еврейской коммунистической газеты «Фрайгайт».

Была и чисто политическая демонстрация, непосредственно организованная компартией – по поводу недопущения в Америку английского депутата коммуниста Саклатвалы*.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
В Нью-Йорке 4 коммунистических газеты: «Новый мир» (русская), «Фрайгайт»
(еврейская), «Щоденні вісті» (украинская) и финская.

«Дейли Воркер», центральный орган партии, издается в Чикаго.

Но эти газеты, при трех тысячах членов партии на Нью-Йорк, в одном Нью-Йорке имеют общий тираж в 60 000 экземпляров.

Переоценивать влияние этой коммунистически настроенной, в большинстве иностранной массы – не приходится, ждать в Америке немедленных революционных выступлений – наивность, но недооценивать шестьдесят тысяч – тоже было бы легкомыслием.

Америка

Когда говорят «Америка», воображению представляются Нью-Йорк, американские дядюшки, мустанги, Кулидж и т. п. принадлежности Северо-Американских Соединенных Штатов.

Странно, но верно.

Странно – потому, что Америк целых три: Северная, Центральная и Южная.

С.А.С.Ш. не занимают даже всю Северную – а вот поди ж ты! – отобрали, присвоили и вместили название всех Америк.

Верно потому, что право называть себя Америкой Соединенные Штаты взяли силой, дредноутами и долларами, нагоняя страх на соседние республики и колонии.

Только за одно мое короткое трехмесячное пребывание американцы погромыхивали железным кулаком перед носом мексиканцев по поводу мексиканского проекта национализации своих же неотъемлемых земельных недр; посылали отряды на помощь какому-то правительству, прогоняемому венецуэльским народом; недвусмысленно намекали Англии, что в случае неуплаты долгов может затрещать хлебная Канада; того же желали французам и перед конференцией об уплате французского долга то посылали своих летчиков в Марокко на помощь французам, то вдруг становились марокканцелюбцами и из гуманных соображений отзывали летчиков обратно.

В переводе на русский: гони монету – получишь летчиков.

Что Америка и САСШ одно и то же – знали все. Кулидж только оформил это дельце в одном из последних декретов, назвав себя и только себя американцами. Напрасен протестующий рев многих десятков республик и даже других Соединенных Штатов (например Соединенные штаты Мексики), образующих Америку.

Слово «Америка» теперь окончательно аннексировано.

Но что кроется за этим словом?

Что такое Америка, что это за американская нация, американский дух?

Америку я видел только из окон вагона.

Однако по отношению к Америке это звучит совсем немало, так как вся она вдоль и поперек изрезана линиями. Они идут рядом то четыре, то десять, то пятнадцать. А за этими линиями только под маленьким градусом новые линии новых железнодорожных компаний. Единого расписания нет, так как главная цель этих линий не обслуживание пассажирских интересов, а доллар и конкуренция с соседним промышленником.

Поэтому, беря билет на какой-нибудь станции большого города, вы не уверены, что это самый быстрый, дешевый и удобный способ сообщения между необходимыми вам городами. Тем более, что каждый поезд – экспресс, каждый – курьерский и каждый – скорый.

Один поезд из Чикаго в Нью-Йорк идет 32 часа, другой – 24, третий – 20 и все называются одинаково – экспресс.

В экспрессах сидят люди, заложив за ленту шляпы проездной билет. Так

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
хладнокровней. Не надо нервничать, искать билетов, а контролер привычной рукой
лезет вам за ленту и очень удивляется, если там билета не оказалось. Если вы
едете спальным пульмановским вагоном, прославленным и считающимся в Америке
самым комфортабельным и удобным, – то все ваше существо организатора будет
дважды в день, утром и вечером, потрясено бессмысленной, глупой возней. В 9
часов вечера дневной вагон начинают ломать, опускают востланные в потолок
кровати, разворачивают постели, прикрепляют железные палки, нанизывают кольца
занавесок, с грохотом вставляют железные перегородки – все эти хитрые
приспособления приводятся в движение,

чтобы по бокам вдоль вагона установить в два яруса двадцать спальных коек под
занавесками, оставив посередине узкий уже не проход, а пролаз.

Чтобы пролезть во время уборки, надо сплошь жонглировать двумя негритянскими
задами уборщиков, головой ушедших в постилаемую койку.

Повернешь, выведешь его чуть не на площадку вагона, – вдвоем, особенно с
лестницей для влезания на второй ярус, почти не разминешься, – затем меняешься с
ним местами и тогда обратно влазишь в вагон. Раздеваясь, вы лихорадочно
придерживаете расстегивающиеся занавески во избежание негодующих возгласов
напротив вас раздевающихся шестидесятилетних организаторш какого-нибудь общества
юных христианских девушек.

Во время работы вы забываете прижать вплотную высовывающиеся из-под занавесок
голые ноги, и – проклинаясь пятипудовый негр ходит вразвалку по всем мозолям. С
9 утра начинается вакханалия разборки вагона и приведения вагона в «сидящий
вид».

Наше европейское деление на купе даже жестких вагонов куда целесообразней
американской пульмановской системы.

Что меня совсем удивило – это возможность опоздания поездов в Америке даже без
особых несчастных причин.

Мне необходимо было срочно после лекции в Чикаго выехать ночью на лекцию в
Филадельфию* – экспрессной езды 20 часов. Но в это время ночи шел только один
поезд с двумя пересадками, и кассир, несмотря на пятиминутный срок пересадки, не
мог и не хотел гарантировать мне точности прибытия к вагону пересадки, хотя и
прибавил, что шансов на опоздание немного. Возможно, что уклончивый ответ
объяснялся желанием опозорить конкурирующие линии.

На остановках пассажиры выбегают, покупают пучки сельдерея и вбегают, жуя на
ходу корешки.

В сельдерее – железо. Железо – полезно американцам. Американцы любят сельдерей.

На ходу мелькают нерасчищенные лески русского типа, площадки футболистов с
разноцветными играющими – и техника, техника и техника.

Эта техника не застоялась, эта техника растет. В ней есть одна странная черта –
снаружи, внешне эта техника производит недоделанное, временное впечатление.

Будто стройка, стены завода не фундаментальные – однодневки, одногодки.

Телеграфные, даже часто трамвайные столбы сплошь да рядом деревянные.

Огромные газовые вместилища, спичка в которые снесет полгорода, кажутся
неохраняемыми. Только на время войны была приставлена стража.

Откуда это?

Мне думается – от рваческого, завоевательного характера американского развития.

Техника здесь шире всеобъемлющей германской, но в ней нет древней культуры
техники – культуры, которая заставила бы не только нагромождать корпуса, но и
решетки и двор перед заводом организовать сообразно со всей стройкой.

Мы ехали из Бикона (в шести часах езды от Нью-Йорка) и попали без всякого

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский предупреждения на полную перестройку дороги, на которой не было оставлено никакого места для автомобилей (владельцы участков мостили, очевидно, для себя и мало заботились об удобствах проезда). Мы свернули на боковые дороги и находили путь только после опроса встречных, так как ни одна надпись не указывала направление.

В Германии это немыслимо ни при каких условиях, ни в каком захолустье.

При всей грандиозности строений Америки, при всей недостижимости для Европы быстроты американской стройки, высоты американских небоскребов, их удобств и вместительности – и дома Америки, в общем, производят странное временное впечатление.

Может быть, это кажущееся.

Кажется оттого, что на вершине огромного дома стоит объемистый водяной бак. Воду до шестого этажа подает город, а дальше дом управляется сам. При вере во всемогущество американской техники такой дом выглядит подогнанным, наскоро переделанным из какой-то другой вещи и подлежащим разрушению по окончании быстрой надобности.

Эта черта совсем отвратительно выступает в постройках, по самому своему существу являющихся временными.

Я был на Раковой-бич (ньюйоркский дачный поселок; пляж для людей среднего достатка). Ничего гаже строений, облепивших берег, я не видел. Я не мог бы прожить в таком карельском портсигаре и двух часов.

Все стандартизированные дома одинаковы, как спичечные коробки одного названия, одной формы. Дома насажены, как пассажиры весеннего трамвая, возвращающегося из Сокольников в воскресенье вечером. Открыв окно уборной, вы видите все, делающееся в соседней уборной, а если у соседа приоткрыта дверь, то видите сквозь дом и уборную следующих дачников. Дома по ленточке улочек вытянулись, как солдаты на параде – ухо к уху. Материал строений таков, что слышишь не только каждый вздох и шепот влюбленного соседа, но сквозь стенку можешь различить самые тонкие нюансы обеденных запахов на соседском столе.

Такой поселок – это совершеннейший аппарат провинциализма и сплетни в самом мировом масштабе.

Даже большие новейшие удобнейшие дома кажутся временными, потому что вся Америка, Нью-Йорк в частности, в стройке, в постоянной стройке. Десятиэтажные дома ломают, чтобы строить двадцатиэтажные; двадцатиэтажные – чтоб тридцати – чтоб сорока и т. д.

Нью-Йорк всегда в горах камней и стальных переплетов, в визге сверл и ударах молотков.

Настоящий и большой пафос стройки.

Американцы строят так, как будто в тысячный раз разыгрывают интереснейшую разученнейшую пьесу. Оторваться от этого зрелища ловкости, сметки – невозможно.

На простую землю ставится землечерпалка. Она с лязгом, ей подобающим, выгрызает и высасывает землю и тут же плюет ее в непрерывно проходящие грузовозы. Посредине стройки поднимают фермчатый подъемный кран. Он берет огромные стальные трубы и вбивает их паровым молотом (сопящим, будто в насморке вся техника) в твердую землю, как мелкие обойные гвозди. Люди только помогают молоту усесться на трубу да по ватерпасу меряют наклоны. Другие лапы крана поднимают стальные стойки и перекладыны, без всяких шероховатостей садящиеся на место, – только сбей да свинти!

Подымается постройка, вместе с ней подымается кран, как будто дом за косу поднимают с земли. Через месяц, а то и раньше, кран снимут – и дом готов.

Это примененное к домам знаменитое правило выделки пушек (берут дырку, обливают чугуном, вот и пушка): взяли кубический воздух, обвинули сталью, и дом готов. Трудно отнестись серьезно, относишься с поэтической вдохновенностью к

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
какому-нибудь двадцатиэтажному Кливлендскому отелю, про который жители говорят:
здесь от этого дома очень тесно (совсем как в трамвае – подвиньтесь, пожалуйста)
– поэтому его переносят отсюда за десять кварталов, к озеру.

Я не знаю, кто и как будет переносить эту постройку, но если такой дом вырвется из рук, он раздавит много мозолей.

Бетонная стройка в десяток лет совершенно меняет облик больших городов.

Тридцать лет назад В. Г. Короленко*, увидев Нью-Йорк, записывал:

«Сквозь дымку на берегу виднелись огромные дома в шесть и семь этажей...»

Лет пятнадцать назад Максим Горький*, побывавши в Нью-Йорке, доводит до сведения:

«Сквозь косой дождь на берегу были видны дома в пятнадцать и двадцать этажей».

Я бы должен был, чтобы не выходить из рамок, очевидно, принятых писателями приличий, повествовать так:

«Сквозь косой дым можно видеть ничего себе дома в сорок и пятьдесят этажей...»

А будущий поэт после такого путешествия запишет:

«Сквозь прямые дома в неисследованное количество этажей, вставшие на ньюйоркском берегу, не были видны ни дымы, ни косые дожди, ни тем более, какие-то дымки».

Американская нация.

О ней больше, чем о какой-нибудь другой, можно сказать словами одного из первых революционных плакатов:

«Американцы бывают разные, которые пролетарские, а которые буржуазные».

Сынки чикагских миллионеров убивают детей (дело Лоеба и компании) из любопытства, суд находит их ненормальными, сохраняет их драгоценную жизнь, и «ненормальные» живут заведующими тюремных библиотек, восхищая сотюремников изящными философскими сочинениями.

Защитники рабочего класса (дело Ванцетти* и других товарищей) приговариваются к смерти – и целые комитеты, организованные для их спасения, пока не в силах заставить губернатора штата отменить приговор. Буржуазия вооружена и организована. Ку-Клукс-Клан* стал бытовым явлением.

Портные Нью-Йорка в дни маскарадного съезда кланцев публиковали рекламы, заманивая заказчиков высоких шапок и белых халатов:

– Вельком*, Ку-Клукс-Клан!

В городах иногда появляются известия, что такой-то куксин вождь убил такого-то и еще не пойман, другой (без фамилии) изнасиловал уже третью девушку и выкинул из автомобиля и тоже ходит по городу без малейшего признака кандалов. Рядом с боевой клановской организацией – мирные масонские. Сто тысяч масонов* в пестрых восточных костюмах в свой предпраздничный день бродят по улицам Филадельфии.

Эта армия еще сохранила логи и иерархию, попрежнему объясняется таинственными жестами, манипулированием каким-то пальцем у какой-то жилетной пуговицы рисует при встречах таинственные значки, но на деле в большей своей части давно стала своеобразным учраспредом крупных торговцев и фабрикантов, назначающим министров и важнейших чиновников страны. Дико, должно быть, видеть это средневековье, шествующее по филадельфийским улицам под окнами типографии газеты «The Philadelphia Inquirer»[4], выкидывающей ротационками 450 000 газет в час.

Рядом с этой теплой компанийкой – странное существование легализованной, очевидно, для верности наблюдения, рабочей компартии Америки и более чем странное – осмеливающихся на борьбу профессиональных союзов.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
Я видел в первый день приезда в Чикаго, в холод и проливной дождь, такую дикую картину.

Вокруг огромного фабричного здания без остановок ходят мокрые, худые, продрогшие люди, с мостовых зорко смотрят рослые, жирные, промакинтошенные полисмены.

На фабрике забастовка. Рабочие должны отгонять штрейкбрехеров и оповещать нанятых обманым путем.

Но останавливаться они не имеют права – остановившегося арестует полиция на основании законов против пикетчиков. Говори – на ходу, бей – на ходу. Своеобразный десятичасовой скороходный рабочий день.

Неменьшая острота и национальных взаимоотношений Америки. Я писал уже о массе иностранцев в Америке (она вся, конечно, объединение иностранцев для эксплуатации, спекуляции и торговли), – они живут десятками лет, не теряя ни языка, ни обычаев.

В еврейском Нью-Йорке на новый год, совсем как в Шавлях*, увидишь молодых людей и девушек, разодетых не то для свадьбы, не то для раскрашенной фотографии: лакированные башмаки, оранжевые чулки, белое кружевное платье, пестрый платок и испанский гребень в волосах – для женщин; а для мужчин при тех же туфлях какая-то помесь из сюртука, пиджака и смокинга. И на животе или настоящего или американского золота цепь – размером и весом цепей, закрывающих черный ход от бандитов. На помогающих службе – полосатые шали. У детей сотни поздравительных открыток с сердцами и голубками – открыток, от которых в эти дни беременют все почтальоны Нью-Йорка и которые являются единственным предметом широкого потребления всех универсальных магазинов во все предпраздничные дни.

В другом районе так же обособленно живут русские, и американцы ходят в антикварные магазины этого района покупать экзотический самовар.

Язык Америки – это воображаемый язык Вавилонского столпотворения*, с той только разницей, что там мешали языки, чтоб никто не понимал, а здесь мешают, чтоб понимали все. В результате из английского, скажем, языка получается язык, который понимают все нации, кроме англичан.

Недаром, говорят, в китайских лавках вы найдете надпись:

«Здесь говорят по-английски и понимают по-американски»

Мне, не знающему английский язык, все-таки легче понимать скупослового американца, чем сыплющего словами русского. Русский называет: трамвай – стриткарой, угол – корнером, квартал – блоком, квартиранта – бордером, билет – тикетом, а выражается так:

«Вы поедете без меняния пересядок».

Это значит, что у вас беспересадочный билет.

Под словом «американец» у нас подразумевают помесь из эксцентричных бродяг О'Генри, Ника Картера* с неизменной трубкой и клетчатых ковбоев киностудии Кулешова*.

Таких нет совсем.

Американцем называет себя белый, который даже еврея считает чернокожим, негру не подает руки; увидев негра с белой женщиной, негра револьвером гонит домой; сам безнаказанно насилует негритянок девочек, а негра, приблизившегося к белой женщине, судит судом Линча, т. е. обрывает ему руки, ноги и живого жарит на костре. Обычай почище нашего «дела о сожжении в деревне Листвяны цыган-конокрадов».

Почему американцами считать этих, а не негров например?

Негров, от которых идет и так называемый американский танец – фокс и шимми, и американский джаз! Негров, которые издают многие прекрасные журналы, например «Opportunity»[5]. Негров, которые стараются найти и находят свою связь с

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский и культура мира, считая Пушкина, Александра Дюма, художника Генри Тэна и других работниками своей культуры.

Сейчас негр-издатель Каспер Гольштейн объявил премию в 100 долларов имени величайшего негритянского поэта А. С. Пушкина* за лучшее негритянское стихотворение.

Первого мая 1926 года этот приз будет разыгран.

Почему неграм не считать Пушкина своим писателем? Ведь Пушкина и сейчас не пустили бы ни в одну «порядочную» гостиницу и гостиную Нью-Йорка. Ведь у Пушкина были курчавые волосы и негритянская синева под ногтями.

Когда закачаются так называемые весы истории, многое будет зависеть от того, на какую чашку положат 12 миллионов негров 24 миллиона своих увесистых рук. Подогретые тexasскими кострами, негры – достаточно сухой порох для взрывов революции.

Дух, в том числе и американский, вещь бестелая, даже почти не вещь; контор не нанимает, экспортируется слабо, тоннажа не занимает – и если что сам потребляет, то только виски, и то не американское, а привозное.

Поэтому духом интересуются мало, и то в последнее время, когда у буржуазии после разбойничьего периода эксплуатации появилось некоторое спокойное, уверенное добродушие, некоторый жировой слой буржуазных поэтов, философов, художников.

Американцы завидуют европейским стилям. Они отлично понимают, что за свои деньги они могли бы иметь не четырнадцать, а хоть двадцать восемь Людовиков, а спешка и привычка к точному осуществлению намеченного не дают им желания и времени ждать, пока сегодняшняя стройка утрясется в американский стиль. Поэтому американцы закупают художественную Европу – и произведения и артистов, дико украшая сороковые этажи каким-нибудь ренессансом, не интересуясь тем, что эти статуэтки да завитушки хороши для шестиэтажных, а выше незаметны вовсе. Помещать же ниже эти стильные финтифлюшки нельзя, так как они будут мешать рекламам, вывескам и другим полезным вещам.

Верхом стильного безобразия кажется мне один дом около публичной библиотеки: весь гладкий, экономный, стройный, черный, но с острой крышей, выкрашенной для красоты золотом.

В 1912 году одесские поэты вызолотили для рекламы нос кассирше, продававшей билеты на стиховечер.

Запоздавший гипертрофированный плагиат.

Улицы Нью-Йорка украшены маленькими памятничками писателей и артистов всего мира. Стены института Карнеги* расписаны именами Чайковского, Толстого и другими.

В последнее время против непереваренной эклектической пошлости подымается голос молодых работников искусства.

Американцы стараются найти душу, ритм Америки. Начинают выводить походку американцев из опасных шажков древних индейцев по тропинкам пустого Мангеттена. Уцелевшие индейские семьи тщательно охраняются музеями. Высшим шиком высшего общества считается древнее родство с какими-нибудь знатными индейскими родами, – вещь, еще недавно совершенно позорная в американских глазах. Деятели искусства, не родившихся в Америке, просто перестают слушать.

Начинает становиться модной всякая туземность.

Чикаго. В 1920 году в выдуманной поэме «150 000 000» я так изобразил чикаго:

Мир,
из света частей
собирая квинтет,
одарил ее мощью магической, –

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

город в ней стоит
на одном винте –
весь электро-динамо-механический.

В Чикаго
14 000 улиц –
солнц площадей лучи.

От каждой –
700 переулков
длиною поезду на год.
Чудно человеку в Чикаго!

Знаменитейший сегодняшний американский поэт Карл* Сандбург* – сам чикагец,
загнанный американским нежеланием вникать в лирику в отдел хроники и
происшествий богатейшей газеты «Чикаго Трибюн» – этот самый Сандбург описывает
Чикаго так:

Чикаго,
Свинобой мира,
Инструментчик, сборщик хлеба,
Играющий железными дорогами грузчик страны,
Бурный хриплый задира.
Город широких плеч...

«...Мне говорят: ты подл, и я отвечаю: да, это правда – я видел, как бандит убил и
остался безнаказанным. Мне говорят, что ты жесток, и мой ответ: на лицах женщин
и детей я видел следы бесстыдного голода. Бросая ядовитые насмешки за работой,
все наваливающейся работой, – это высокий дерзкий хулиган на фоне хрупких
городишек.

С непокрытой головой
роющий,
рушащий,
готовящий планы,
строящий, ломающий, восстанавливающий.
Смеющийся бурным, хриплым задорным смехом юности. Полуголый, пропотевший, гордый
тем, что он режет свиней, производит инструменты, наваливает хлебом амбары,
играет железными дорогами и перебрасывает грузы Америки».

Путеводители и старожилы говорят:

«Чикаго:

Самые большие бойни.

Самый большой заготовщик лесных материалов.

Самый большой мебельный центр.

Самый большой производитель сельскохозяйственных машин.

Самый большой склад пианино.

Самый большой фабрикант железных печей.

Самый крупный железнодорожный центр.

Самый большой центр по рассылке покупок почтой.

Самый людный угол в мире.

Самый проходимый мост на земном шаре Bush street bridge[6].

Самая лучшая система бульваров во всем земном шаре – ходи по бульварам, обходи
Чикаго, не выйдя ни на какую улицу.

Всё самое, самое самое...

Что это за город Чикаго*?

Если все американские города насыпать в мешок, перетряхнуть дома, как цифры

нений в тринадцать томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
лото, то потом и сами мэры города не смогут отобрать свое бывшее имущество.

Но есть Чикаго, и этот Чикаго отличен от всех других городов – отличен не домами, не людьми, а своей особой по-чикагски направленной энергией.

В Нью-Йорке многое для декорации, для виду.

Белый путь – для виду, Кони-Айланд – для виду, даже пятидесятиэтажный Вульворт-Бильдинг – для втирания провинциалам и иностранцам очков.

Чикаго живет без хвастовства.

Показная небоскрежная часть узка, притиснута к берегу громадой фабричного Чикаго.

Чикаго не стыдится своих фабрик, не отступает с ними на окраины. Без хлеба не проживешь, и Мак-Кормик выставляет свои заводы сельскохозяйственных машин центральной, даже более гордо, чем какой-нибудь Париж – какой-нибудь Нотр-Дам.

Без мяса не проживешь, и нечего кокетничать вегетарианством – поэтому в самом центре кровавое сердце – бойни.

Чикагские бойни – одно из гнуснейших зрелищ моей жизни. Прямо фордом вы въезжаете на длинейший деревянный мост. Этот мост перекинут через тысячи загонов для быков, телят, баранов и для всей бесчисленности мировых свиней. Визг, мычание, бляение – неповторимое до конца света, пока людей и скотину не прищелят сдвигающимися скалами, – стоит над этим местом. Сквозь сжатые ноздри лезет кислый смрад бычьей мочи и дерма скотов десятка фасонов и миллионного количества.

Воображаемый или настоящий запах целого разливного моря крови занимается вашим головокружением.

Разных сортов и калибров мухи с луж* и жидкой грязи перепархивают то на коровьи, то на ваши глаза.

Длинные деревянные коридоры уводят упирающийся скот.

Если бараны не идут сами, их ведет выдрессированный козел.

Коридоры кончаются там, где начинаются ножи свинобоев и быкобойцев.

Живых визжащих свиней машина подымает крючком, зацепив их за живую ножку, перекидывает их на непрерывную цепь, – они вверх ногами проползают мимо ирландца или негра, втыкающего нож в свинячье горло. По несколько тысяч свиней в день режет каждый – хвастался боенский провожатый.

Здесь визг и хрип, а в другом конце фабрики уже пломбы кладут на окорока, молниями вспыхивают на солнце градом выбрасываемые консервные жестянки, дальше грузятся холодильники – и курьерскими поездами и пароходами едет ветчина в колбасные и рестораны всего мира.

Минут пятнадцать едем мы по мосту только одной компании.

А со всех сторон десятки компаний орут вывесками.

Вильсон!

Стар!

Свифт!

Гамонд!

Армор!

Впрочем, все эти компании, вопреки закону, одно объединение, один трест. В этом тресте главный – Армор – судите по его охвату о мощи всего предприятия.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

У Армора свыше 100 000 рабочих; одних конторщиков имеет Армор 10–15 тысяч.

400 миллионов долларов – общая ценность арморских богатств. 80 000 акционеров разобрали акции, дрожат над целостью арморского предприятия и снимают пылинки с владельцев.

Половина акционеров – рабочие (половина, конечно, по числу акционеров, а не акций), рабочим дают акции в рассрочку – один доллар в неделю. За эти акции приобретается временно смирение отсталых боенских рабочих.

Армор горд.

Шестьдесят процентов американской мясной продукции и десять процентов мировой дает один Армор.

Консервы Армора ест мир.

Любой может наживать катар.

И во время мировой войны на передовых позициях были консервы с подновленной этикеткой. В погоне за новыми барышами Армор сбавлял четырехлетние яйца и консервированное мясо призывного возраста – в 20 лет!

Наивные люди, желая посмотреть столицу Соединенных Штатов, едут в Вашингтон. Люди искушенные едут на крохотную улочку Нью-Йорка – Волстрит, улицу банков, улицу – фактически правящую страной.

Это верней и дешевле вашингтонской поездки. Здесь, а не при Кулидже должны держать своих послов иностранные державы. Под Волстрит тоннель-собвей, а если набить его динамитом и пустить на воздух к чертям свинячим всю эту улочку!

Взлетят в воздух книги записей вкладов, названия и серии бесчисленных акций да столбцы иностранных долгов.

Волстрит – первая столица, столица американских долларов. Чикаго – вторая столица, столица промышленности.

Поэтому не так неверно поставить Чикаго вместо Вашингтона. Свинобой Вильсон не меньше влияет на жизнь Америки, чем влиял его однофамилец Вудро*.

Бойни не проходят бесследно. Поработав на них, или станешь вегетарианцем или будешь спокойно убивать людей, когда надоест развлекаться кинематографом. Недаром Чикаго – место сенсационных убийств, место легендарных бандитов.

Недаром в этом воздухе из каждых четырех детей – один умирает до года.

Понятно, что грандиозность армии трудящихся, мрак чикагской рабочей жизни именно здесь вызывают трудящихся на самый больший в Америке отпор.

Здесь главные силы рабочей партии Америки.

Здесь центральный комитет.

Здесь центральная газета – «Daily worker».

Сюда обращается партия с призывами, когда надо из скудного заработка создать тысячи долларов.

Голосом чикагцев орет партия, когда нужно напомнить министру иностранных дел мистеру Келлогу, что он напрасно пускает в Соединенные Штаты только служителей долларов, что Америка не келлоговский дом, что рано или поздно – а придется пустить и коммуниста Саклатвала и других посланцев рабочего класса мира.

Не сегодня и не вчера вступили рабочие-чикагцы на революционный путь.

Так же, как в Париже приезжие коммунисты идут к обстрелянной стене коммунаров, – так в Чикаго идут к могильной плите первых повешенных революционеров*.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

1 мая 1886 г. рабочие Чикаго объявили всеобщую забастовку. 3 мая у завода Мак-Кормик была демонстрация, во время которой полиция спровоцировала выстрелы. Выстрелы эти явились оправданием полицейской стрельбы и дали повод выловить зачинщиков.

Пять товарищей: Август Спайес, Адольф Фишер, Альберт Парсонс, Луи Линг и Жорж Энгель – были повешены.

Сейчас на камне их братской могилы слова речи одного из обвиняемых:

«Придет день, когда наше молчание будет иметь больше силы, чем наши голоса, которые вы сейчас заглушаете».

Чикаго не бьет в нос шиком техники – но даже внешность города, даже его наружная жизнь показывает, что он больше других городов живет производством, живет машиной.

Здесь на каждом шагу перед радиатором вздымается подъемный мост, пропуская пароходы и баржи к Мичигану*. Здесь, проезжая по висящему над железнодорожными линиями мосту, вы будете в любой час утра обволочены дымом и паром сотен бегущих паровозов.

Здесь на каждом повороте автомобильного колеса мелькают бензинные киоски королей нефти – Стандарт Ойл и Синклер.

Здесь всю ночь мигают предупреждающие автофонари перекрестков и горят подземные лампы, деля тротуары во избежание столкновений. Здесь специальные конные полицейские записывают номера автомобилей, простоявших перед домом более получаса. Если разрешать останавливаться на улицах всегда и всем, автомобили б стояли и в десять рядов и в десять ярусов.

Вот почему и весь в садах Чикаго должен быть изображаем на одном винте и сплошь электро-динамо-механическим. Это не в защиту собственной поэмы, это – в утверждение права и необходимости поэту организовывать и переделывать видимый материал, а не полировать видимое.

Путеводитель описал Чикаго верно и непохоже.

Сандбург описал и неверно и непохоже.

Я описал неверно, но похоже.

Критики писали, что мое Чикаго могло быть написано только человеком, никогда не выдавшим этого города.

Говорили: если я увижу Чикаго, я изменю описание.

Теперь я Чикаго видел. Я проверил поэму на чикагцах – она не вызвала у них скептических улыбок – наоборот, как будто показывала другую чикагскую сторону.

Детройт* – второй и последний американский город, на котором остановлюсь. К сожалению, мне не пришлось видеть деревенских хлебных мест. Американские дороги страшно дороги. Пульман до Чикаго 50 долларов (100 рублей).

Я мог ездить только туда, где большие русские и, конечно, рабочие колонии. Мои лекции устраивали «Новый мир» и «Фрайгайт» – русская и еврейская газеты рабочей партии Америки.

В Детройте 20 тысяч русских.

В Детройте 80 тысяч евреев.

В большинстве это бывшие нищие – россияне, поминающие о ней всякой дрянью, приехавшие лет 20 тому назад и поэтому дружелюбно, во всяком случае внимательно, относящиеся к Советскому Союзу. Исключение – группа врангельцев, вывезенных из Константинополя седыми и лысыми вождями союза христианской молодежи, но и эта

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский публикует скоро обомнется. Доллар лучше всякой агитации разлагает белую эмиграцию.

Пресловутая Кирилица*, которую американцы называли «принцесс Сирил», явившаяся в Америку за вашингтонским признанием, быстро сдала – нашла себе бойкого предпринимателя-менеджера и стала раздавать в целование свою ручку от 10 до 15 долларов в ньюйоркском Мондей-морнинг – опера-клуб.

Даже «принц» Борис* пустился в Нью-Йорке во все тяжкие.

Обрывая лавры Родченко*, он стал заниматься настоящим фотомонтажем, писал статьи из бывшей придворной жизни, точно перечислял, когда и с кем пьянствовали цари, иллюстрируя фельетоны царями с примонтированными им на колени балеринами, вспоминал, когда и с каким царем играл в карты, кстати и примонтировав бывших царей к пейзажам всехсветных казино. От этой борисовской литературы приуныли самые матерые белогвардейцы. Как, мол, с такими персонами вести агитацию за воцарение белогвардейщины? Даже белые газеты писали с грустью – такие выступления совсем засморкали идеи монархизма. Вновь привезенные, еще неученые белогвардейцы тычутся по предприятиям, многих усыновил благосклонный ко всякой белизне Форд.

Фордовские рабочие показывают таких русским новичкам: смотрите, здесь ваш царь работает. Царь работает мало – есть у Форда какой-то бессловесный приказ о моментальном приеме и незатруднении работой нанявшихся русских белых.

В Детройте много огромных мировых предприятий, например Парк Девис – медикаменты. Но слава Детройта – автомобили.

Не знаю, на сколько человек здесь приходится один автомобиль (кажется, на четыре), но я знаю, что на улицах их много больше, чем людей.

Люди заходят в магазины, конторы, в кафе и столовые – автомобили ждут их у дверей. Стоят сплошными рядами по обеим сторонам улицы. Митингами сгрудились на особых озаборенных площадях, где машину позволяют ставить за 25–35 центов.

Вечером желающему поставить автомобиль надо съехать с главной улицы в боковую, да и там поездить минут десять, а поставив в обнесенный загон, ждать потом, пока ее будут выволакивать из-за тысяч других машин.

А так как автомобиль больше человека, а человек, который выйдет, тоже садится в автомобиль, – то нерушимое впечатление: машин больше людей.

Здесь фабрики:

Пакард. Кадилак, бр. Дейч, вторая в мире – 1500 машин в день.

Но над всем этим царит слово – Форд.

Форд укрепился здесь, и 7000 новых фордиков выбегают каждый день из ворот его безостановочно работающей ночью и днем фабрики.

На одном конце Детройта – Гайланд-парк, с корпусами на 45 тысяч рабочих, на другом – Риверруж, с 60 тысячами. Да и еще в Дирборне, за 17 миль от Детройта – авиасборочный завод.

На фордовский завод я шел в большом волнении. Его книга, изданная в Ленинграде* в 1923 году, уже имеет пометку – 45-я тысяча; фордизм – популярнейшее слово организаторов труда; о предприятии Форда говорят чуть ли не как о вещи, которую без всяких перемен можно перенести в социализм.

Профессор Лавров в предисловии к 5-му изданию фордовской книги пишет: «Появилась книга Форда... непревзойденная модель автомобиля... последователи Форда жалки, причина последнего кроется в талантливости изобретенной Фордом системы, которая, как всякая совершенная система, только и гарантирует лучшую организацию...» и т. д. и т. д.

Сам Форд говорит: цель его теории – создать из мира источник радости (социалист!); если мы не научимся лучше пользоваться машинами, у нас не станет времени для того, чтобы наслаждаться деревьями и птицами, цветами и лугами.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
«Деньги полезны лишь постольку, поскольку они способствуют жизненной свободе (капиталиста?)». «Если служишь ради самого служения, ради удовлетворения, которое дается сознанием правоты дела, то деньги сами собой появляются в избытке» (не замечал!). «Шеф (Форд) компаньон своего рабочего, а рабочий товарищ своего шефа». «Мы не хотим тяжелого труда, истощающего людей. Каждый рабочий Форда должен и может обдумывать улучшение дела – и тогда он кандидат в Форды», и т. д. и т. д.

Я нарочно не останавливаюсь на ценных и интересных мыслях книги – о них раструблено достаточно, и не для них книга писана.

На завод водят группами, человек по 50. Направление одно, раз навсегда. Впереди фордовец. Идут гуськом, не останавливаясь.

Чтобы получить разрешение, заполняешь анкету в комнате, в которой стоит испещренный надписями юбилейный десятиллионный Форд. Карманы вам набивают фордовскими рекламами, груды лежащими по столам. У анкетчиков и провожающих вид как у состарившихся, вышедших на пенсию зазывал распродажных магазинов.

Пошли. Чистота вылизанная. Никто не остановится ни на секунду. Люди в шляпах ходят, посматривая, и делают постоянные отметки в каких-то листках. Очевидно, учет рабочих движений. Ни голосов, ни отдельных погромыхиваний. Только общий серьезный гул. Лица зеленоватые, с черными губами, как на киносъёмках. Это от длинных ламп дневного света. За инструментальной, за штамповальной и литейной начинается знаменитая фордовская цепь. Работа движется перед рабочим. Садятся голые шасси, как будто автомобили еще без штанов. Кладут надколесные крылья, автомобиль движется с вами вместе к моторщикам, краны сажают кузов*, подкатываются колеса, бубликами из-под потолка непрерывно скатываются шины, рабочие с-под цепи снизу что-то подбивают молотком. На маленьких низеньких вагонеточках липнут рабочие к бокам. Пройдя через тысячи рук, автомобиль приобретает облик на одном из последних этапов, в авто садится шофер, машина съезжает с цепи и сама выкатывается во двор.

Процесс, уже знакомый по кино, – но выходишь все-таки обалделый.

Еще через какие-то побочные отделы (Форд все части своей машины от нитки до стекла делает сам), с тюками шерсти, с летающими над головой на цепях подъемных кранов тысячами пудов коленчатых валов, мимо самой мощной в мире фордовской электростанции, выходим на Woodward – улица.

Мой сотоварищ по осмотру – старый фордовский рабочий, бросивший работу через два года из-за туберкулеза, видел завод целиком тоже в первый раз. Говорит со злостью: «Это они парадную показывают, вот я бы вас повел в кузницы на Ривер, где половина работает в огне, а другая в грязи и воде».

Вечером мне говорили фордовцы – рабкоры коммунистической чикагской газеты «Дейли Воркер»:

– Плохо. Очень плохо. Плевательниц нет. Форд не ставит, говорит: «Мне не надо, чтоб вы плевались, – мне надо, чтобы было чисто, а если плеваться надо вам* – покупайте плевательницы сами».

...Техника – это ему техника, а не нам.

...Очки дает с толстым стеклом, чтоб не выбило глаз – стекло дорогое. Человеколюбивый. Это он потому, что при тонком стекле глаз выбивает и за него надо платить, а на толстом только царапины остаются, глаз от них портится все равно года через два, но платить не приходится.

...На еду 15 минут. Ешь у станка, всухомятку. Ему бы кодекс законов о труде с обязательной отдельной столовой.

...Расчет – без всяких выходных.

...А членам союза и вовсе работы не дают. Библиотеки нет. Только кино, и то в нем показывают картины только про то, как быстрее работать.

...Думаете, у нас несчастных случаев нет? Есть. Только про них никогда не пишут, а

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
раненых и убитых вывозят на обычной фордовской машине, а не на красно-крестной.

...Система его прикидывается часовой (8-часовой рабочий день), на самом деле – чистая сдельщина.

...А как с Фордом бороться?

...Сыщики, провокаторы и клановцы, всюду 80% иностранцев.

...Как вести агитацию на 54 языках?

В четыре часа я смотрел у фордовских ворот выходящую смену, – люди валились в трамвай и тут же засыпали, обессилен.

В Детройте наибольшее количество разводов. Фордовская система делает рабочих импотентами.

Отъезд

Пристань компании «Трансатлантик» на конце 14-й улицы.

Чемоданы положили на непрерывно поднимающуюся ленту с планками, чтобы вещи не скатывались. Вещи побежали на второй этаж.

К пристани приставлен маленький пароходик «Рошамбо», ставший еще меньше от соседства огромной, как двухэтажный манеж, пристани.

Лестница со второго этажа презрительно спускалась вниз.

Просмотрев, отбирают выпускные свидетельства – свидетельство о том, что налоги Америки с заработавших в ней внесены и что в страну этот человек въехал правильно, с разрешения начальства.

Посмотрели билет – и я на французской территории, обратно под вывеску Фрэнчлайн* и под рекламу Бисквит-компани-нейшенал – нельзя.

Рассматриваю в последний раз пассажиров. В последний, потому что осень – время бурь, и люди будут лежать влежку все 8 дней.

При приезде в Гавр я узнал, что на вышедшем одновременно с нами с соседней пристани «Конард Лайн» пароходе шесть человек проломили себе насквозь носы, упав на умывальник во время качки, перекачивающей волны через все палубы.

Пароход плохонький – особый тип: только первый и третий класс. Второго нет. Вернее, есть один второй. Едут или бедные или экономные, да еще несколько американских молодых людей, не экономных, не бедных, а посылаемых родителями учиться искусствам в Париже.

Отплывал машущий платками, поражающий при въезде Нью-Йорк.

Повернулся этажами сорока, сквозной окнами Метрополитен-бильдинг. Накиданными кубами разворачивалось новое здание телефонной станции, отошло и на расстоянии стало видно сразу все гнездо небоскребов: этажей на 45 Бененсон-бильдинг, два таких же корсетных ящика, неизвестных мне по имени, улицы, ряды элеваторов, норы подземок закончились с пристанью Соутонфери*. Потом здания слились зубчатой обрывной скалой, над которой трубой вставал 57-этажный Вульворт.

Замахнулась кулаком с факелом американская баба-свобода*, прикрывшая задом тюрьму Острова Слез.

Мы в открытом обратном океане. Сутки не было ни качки, ни вина. Американские территориальные воды, еще текущие под сухим законом. Через сутки появилось и то и другое. Люди полегли.

Осталось на палубе и в столовых человек 20, включая капитанов.

Шестеро из них – американские молодые люди: новеллист, два художника, поэт, музыкант и девушка провожавшая, влезшая на пароход и любви ради уехавшая аж без французской визы.

Деятели искусства, осмыслив отсутствие родителей и прогибишена, начали пить.

Часов в пять брались за коктейли, за обедом уничтожали все столовое вино, после обеда заказывали шампанское, за десять минут до закрытия набирали бутылок под каждый палец; выпив все, слонялись по качающимся коридорам в поисках за спящим официантом.

Кончили пить за день до приплыва, во-первых, потому, что озверевший от вечного шума комиссар клятвенно обещал двух художников предать в руки французской полиции, не спуская на берег, а во-вторых, все шампанские запасы были уже выпиты. Может быть этим объяснялась и комиссарская грозность.

Кроме этой компании, слонялся лысый старый канадец, все время надоедавший мне любовью к русским, сочувственно называя и справляясь у меня о знакомстве с бывшими живыми и мертвыми князьями, когда-нибудь попадавшими на страницы газет.

Путались между дребезжащими столиками два дипломата: помощник парагвайского консула в Лондоне и чилийский представитель в Лигу Наций. Парагваец пил охотно, но никогда не заказывал сам, а всегда в порядке изучения нравов и наблюдения за молодыми американцами. Чилиец пользовался каждой минутой просветления погоды и вылаза женщин на палубу, чтобы проявить свой темперамент или хотя бы сняться вместе на фоне сирены или трубы. И, наконец, испанец-купец, который не знал ни слова по-английски, а по-французски только:

– регардэ* – даже, кажется, «мерси» не знал. Но испанец так умело обращался с этим словом, что, прибавив жесты и улыбки, он целыми днями перебежал от компании к компании в форменном разговорном ажиотаже.

Опять выходила газета, опять играли на скоростях, опять отпраздновали томболу.

На обратном безлюдии я старался оформить основные американские впечатления.

Первое. футуризм голой техники, поверхностного импрессионизма дымов да проводов, имевший большую задачу революционирования застывшей, заплывшей деревней психики* – этот первобытный футуризм окончательно утвержден Америкой.

Звать и вещать тут не приходится. Перевози в Новороссийск фордзоны*, как это делает Амторг*.

Перед работниками искусства встает задача Лефа: не воспевание техники, а обуздание ее во имя интересов человечества. Не эстетическое любовование железными пожарными лестницами небоскребов, а простая организация жилья.

Что автомобиль?.. Автомобилей много, пора подумать, чтобы они не воняли на улицах.

Не небоскреб – в котором жить нельзя, а живут.

С-под колес проносящихся элевейтеров плюет пыль и кажется – поезда переезжают ваши уши.

Не грохот воспевать, а ставить глушители – нам, поэтам, надо разговаривать в вагоне.

Безмоторный полет, беспроволочный телеграф, радио, бусы*, вытесняющие рельсовые трамваи, собвеи, унесшие под землю всякую видимость.

Может быть, завтрашняя техника, умильонивая силы человека, пойдет по пути уничтожения строек, грохота и прочей технической внешности.

Второе. Разделение труда уничтожает человеческую квалификацию. Капиталист, отделив и выделив материально дорогой ему процент рабочих (специалисты, желтые заправила союзов и т. д.), с остальной рабочей массой обращается как с неисчерпаемым товаром.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
Хотим – продадим, хотим – купим. Не согласитесь работать – выждем, забастуете – возьмем других. Покорных и способных облагодетельствуем, непокорным – палки казенной полиции, маузеры и кольты детективов частных контор.

Умное раздвоение рабочего класса на обыкновенных и привилегированных, невежество трудом высосанных рабочих, в которых после хорошо организованного рабочего дня не остается силы, нужной даже для мысли; сравнительное благополучие рабочего, выколачивающего прожиточный минимум; несбыточная надежда на богатство в будущем, смакуемая усердными описаниями вышедших из чистильщиков миллиардеров; настоящие военные крепости на углах многих улиц – и грозное слово «депортация*» далеко отдалают какие бы то ни было веские надежды на революционные взрывы в Америке. Разве что откажется от каких-нибудь оплат долгов революционная Европа. Или на одной вытянутой через Тихий океан лапе японцы начнут подстригать когти. Поэтому усвоение американской техники и усилия для второго открытия Америки – для СССР – задача каждого проезжающего Америками.

Третье. Возможно, фантастика. Америка жиреет. Люди с двумя миллиончиками долларов считаются небогатыми начинающими юношами.

Деньги взаймы даются всем – даже римскому папе, покупающему дворец напротив, дабы любопытные не заглядывали в его папские окна.

Эти деньги берутся отовсюду, даже из тощего кошелька американских рабочих.

Банки ведут бешеную агитацию за рабочие вклады.

Эти вклады создают постепенно убеждение, что надо заботиться о процентах, а не о работе.

Америка станет только финансовой ростовщической страной.

Бывшие рабочие, имеющие еще неоплаченный рассрочный автомобиль и микроскопический домик, политый потом до того, что неудивительно, что он вырос и на второй этаж, – этим бывшим может казаться, что их задача – следить, как бы не пропали их папские деньги.

Может статься, что Соединенные Штаты сообразно станут последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела, – тогда история сможет написать хороший, типа Уэльса, роман «Борьба двух светов»*.

Цель моих очерков – заставить в предчувствии далекой борьбы изучать слабые и сильные стороны Америки.

«Рошамбо» вошел в Гавр. Безграмотные домики, которые только по пальцам желают считать этажи, на час расстояния гавань, а когда мы уже прикручивались, берег усеялся оборванными калекками, мальчишками.

С парохода кидали ненужные центы (считается – «счастье»), а мальчишки, давя друг друга, дорывая изодранные рубахи зубами и пальцами, впивались в медяки.

Американцы жирно посмеивались с палубы и щелкали моментальными.

Эти нищие встают передо мной символом грядущей Европы, если она не бросит пресмыкаться перед американской и всякой другой деньгой.

Мы ехали к Парижу, пробивая тоннелями бесконечные горы, легшие поперек.

По сравнению с Америкой жалкие лачуги. Каждый вершок земли взят вековой борьбой, веками истощаем и с аптекарской мелочностью использован под фиалки или салат. Но даже это презираемое за домик, за земельку, за свое, даже это веками обдуманное цепляние казалось мне теперь невероятной культурой в сравнении с бивуачным строем, рваческим характером американской жизни.

Зато до самого Руана на бесконечных каштаных проселочных дорогах, на самом густом клочке Франции мы встретили всего один автомобиль.

[1925–1926]

нений в тринадцать томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Мексика*

Вера-Круц – порт Мексики.

Сюда подплывали открыватели Америки, отсюда в 1519 году напали на Мексику испанские завоеватели – войска генерала Кортеса. От этих маисовых полей к столице поднимаются восстания революционных крестьян, в эту гавань вплыл и я.

Первое бросившееся в глаза – красное знамя с серпом и молотом на одном из домов пристани, – нет, это не отделение советского консульства. Этот флаг вывешивают на доме члены «союза неплательщиков за квартиру» – организация – гроза домовладельцев. Въехали, вывесили флаги и даже не интересуются вершками жилплощади.

Как непохожи носильщики – индейцы на героев Купера, легендарных (только на мексиканских плакатах оставшихся) краснокожих, горящих перьями древней птицы Кетцаль, птицы – огонь.

«Гачупин» – добродушное презрительное название (время стерло злобу) первых завоевателей Мексики – испанцев.

«Гринго» – кличка американцам, высшее ругательство в стране.

Кактусовый «пульке» – полуводка, полупиво, – это все что осталось от древней и ацтекской Мексики.

Памятник Гватемоку, вождю ацтеков, отстаивавшему город от испанцев, да черная память о предавшем последнем индейском царе – Моктецуме.

Потом чехарда правительств. За 30 лет – 37 президентов: Гваделупы, Хуэрты, Хуаэрецы, Диецы.

И сейчас стоит в тропическом саду Чапультапеке дворец генерала Кайеса.

Быть министром Мексики – доходная профессия; даже министра труда, «рабочего министра» – Маронеса рисуют не иначе, как с бриллиантами во всех грудях и манжетах.

Кроме таких «рабочих вождей», есть и другие – водители молодой коммунистической партии Мексики.

Через расстрелянного вождя крестьянской революции Запату к коммунисту – депутату Вера-Круц (недавно убитому президентскими бандами) Морено – один путь, одна линия борьбы за свободу и жизнь мексиканских рабочих и крестьян.

Морено вписал в мою книжку, прослушав «Левый марш» (к страшному сожалению, эти листки пропали по «независящим обстоятельствам» на американской границе):

«Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваши марши, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше 33» (калибр кольта).

Морено убили.

Но товарищи, стоящие рядом, – Гальван, делегат Крестинтерна, Карйо – секретарь партии, Монсон и др. твердо верят и знают, что над мексиканским арбузом («зеленое, белое и красное» знамя Мексики введен «по преданию» отрядом, отдыхавшим после сражения, прельщенным цветами поедаемого ими арбуза), взметнется красное знамя первой коммунистической революции Америки.

[1925]

Американское кое-что*

Жителей в США миллионов сто десять. От Ларедо через Техас до Нью-Йорка – четверо суток курьерским. Вдоль. Поперек от того же Нью-Йорка до Сан-Франциско суток пять.

В такой стране надо жить.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

А я только был – и то всего три месяца. Америку я видел только из окон вагона. Однако по отношению к Америке это звучит совсем немало, так как вся она вдоль и поперек изрезана линиями. Они идут рядом то четыре, то десять, то пятнадцать. А за этими линиями только под маленьким градусом новые линии новых железнодорожных компаний.

Три поезда. Один из Чикаго в Нью-Йорк идет 32 часа, другой 24, третий 20, и все называются одинаково – экспресс.

В экспрессах – люди, заложив за ленту шляпы проездной билет. Так хладнокровней. В 9 часов вечера два негра начинают ломать дневной вагон, опускают выстланные в потолок кровати, разворачивают постель, прикрепляют железные палки, нанизывают кольца занавесок, с грохотом вставляют железные перегородки – все эти хитрые приспособления приводятся в движение, чтоб по бокам вдоль вагона установить в два яруса всего двадцать спальных коек под занавесками, оставив посередине узкий даже не проход, а пролаз. Чтоб пролезть во время уборки, надо сплошь жонглировать задами уборщиков, буквально с головой ушедших в постилаемую койку. Повернешь, выведешь его чуть не на площадку вагона, вдвоем, особенно с лестницей, влезая на второй ярус, почти не разминаешься, затем меняешься с ним местами и тогда обратно влазишь в вагон.

Раздеваясь, вы лихорадочно придерживаете расстегивающиеся занавески во избежание негодующих возгласов раздевающихся напротив вас шестидесятилетних организаторш какого-нибудь общества юных христианских девушек.

Во время работы вы забываете прижать вплотную (по-египетски!) высовывающиеся из-под занавесок голые ноги, и проклинаемый пятипудовый негр ходит вразвалку по всем мозолям. С 9-ти утра начинается вакханалия разборки вагона и приводки вагона в сидящий вид. На остановках пассажиры выбегают, жуя на ходу корешки.

В сельдерее железо – железо полезно американцам. Американцы любят сельдерей.

На ходу мелькают нерасчищенные лески русского типа, вывески университетов, под ними площадки футболистов с разноцветными играющими, и техника, техника и техника.

В этой технике есть одна странная черта – внешне эта техника производит недоделанное впечатление.

Будто стройка, стены завода не фундаментальные – однодневки, одногодки.

Телеграфные, даже часто трамвайные столбы сплошь да рядом деревянные. Впрочем, это может объясняться трамвайным обилием.

Говорят из Нью-Йорка в Чикаго можно проехать только трамваем – без применения поездов. Огромные газовые вместилища, способные от спички взорваться и снести полгорода, кажутся неохраняемыми. Только на время войны была приставлена стража.

Откуда это?

Мне думается, от рваческого, завоевательского характера американского развития.

Американская техника, пожалуй, шире всеобъемлющей германской, но в ней нет древней культуры техники, культуры, которая заставила бы не только нагромождать корпуса, но и решетки, и двор перед заводом организовать сообразно со всей стройкой.

Мы ехали из Бикона (в шести часах автомобильной езды от Нью-Йорка) и попали без всякого предупреждения на полную перестройку дороги, на которой не было оставлено никакого места для автомобилей (владельцы участков мостили очевидно для себя и мало заботились об условиях проезда). Мы свернули на боковые дороги и находили путь только после спроса встречных, так как ни одна надпись не указывала направление.

В Германии это немыслимо ни при каких условиях, ни в каком захолустье.

При всей грандиозности строений Америки, при всей недосыгаемости для Европы

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
быстроты американской стройки, высоты американских небоскребов, их удобств и
вместительности и дома Америки в общем производят странное временное
впечатление. Тем более, что рядом с небоскребом часто видишь настоящую
деревянную лачужку.

На вершине огромного дома стоит объемистый водяной бак. Воду до шестого этажа
подает город, а дальше дом управляется сам. При вере во всемогущество
американской техники такой дом выглядит подогнанным, наскоро переделанным из
какой-то другой вещи и подлежащий разрушению по окончании быстрой надобности.

Эта черта совсем отвратительно проступает в постройках, по самому своему
существованию являющихся временными.

Я был два часа на Раковой-бич (ньюйоркский дачный поселок – пляж для людей
среднего достатка). Ничего гаже строений, облепивших берег, я не видел.

Все стандартизированные дома одинаковы, как спичечные коробки одного названия,
одной формы.

Эти постройки, эти поселки – совершеннейший аппарат провинциализма и сплетни в
самом мировом масштабе.

Вся Америка – Нью-Йорк в частности – в постоянной стройке. Десятиэтажные дома
ломают, чтоб строить двадцатиэтажные; двадцатиэтажные – чтобы тридцати; тридцати
– чтобы сорока.

Проносья над Нью-Йорком в элевейтере, всегда видишь груды камней и других
строительных материалов – слышишь визг сверл и удары молотов.

Американцы строят так, как будто дают спектакль – в тысячный раз разыгрывают
интереснейшую, разученнейшую пьесу.

Оторваться от этого зрелища высшей ловкости и сметки невозможно.

На твердейшую землю ставится землечерпалка. Она с лязгом, ей подобающим,
выгрызает и высыпает землю и тут же плюет ее в непрерывно проходящие грузовозы.

Посередине стройки вздымается фермчатый подъемный кран. Кран берет стальные
трубы и вбивает их паровым молотом (сопящим, будто простудилась вся техника) в
землю, легко – как обойные гвозди. Люди только помогают молоту усесться на
трубу, да по ватерпасу меряют наклоны. Другие лапы крана поднимают стальные
стойки, и перекладки без всяких шероховатостей садятся на место. Только сбей да
свинти!

Трудно отнестись серьезно, относишься с поэтической вдохновенностью к
какому-нибудь двадцатиэтажному Кливлендскому отелю, про который жители говорят:
здесь ему тесно (совсем как в трамвае – подвиньтесь, пожалуйста), поэтому его
переносят отсюда за десять кварталов к озеру.

Но ни временные, ни стандартизированные постройки не идут в сравнение с жильем
низших по заработку рабочих.

Стандартизированный дачный домишко в сравнении с их жилищем – Зимний дворец. Я
смотрел в Кливленде вытянувшиеся вровень с трамвайной рельсой хибарки негров.
Негров с лежащих здесь же в безмерной канаве бесчисленных рокфеллеровских
заводов масел.

Грязные, с выбитыми стеклами, заклеенными газетами, с покосившимися, слезшими с
петель дверьми.

А главное без всяких надежд при теперешних американских условиях перелезть во
что-нибудь лучшее.

Когда еще вырастут в миллионы коммунистов эти отделы рабочей партии?

Когда еще вырастут в солдат революции эти чикагские пионеры?

Когда, не знаю – но раз есть, то вырастут.

[1926]

Свинобой мира*

У чикагца, знаменитейшего сегодняшнего поэта Соединенных Штатов Карла Сандбурга, революционера американской поэзии, вынужденного писать о пожарах в богатейшей газете – тираж 3 000 000 – «Чикаго-Трибюн», так описывается Чикаго:

Чикаго,
Свинобой мира,
Инструментщик, сборщик хлеба,
Играющий железными дорогами грузчик страны,
Бурный, хриплый задира.
Город широких плеч...

«...Мне говорят: ты подл, и я отвечаю: да, это правда – я видел, как бандит убил и остался безнаказанным. Мне говорят, что ты жесток, и мой ответ: на лицах женщин и детей я видел следы бесстыдного голода. Бросая ядовитые насмешки за работой, все наваливающейся работой, – это высокий дерзкий хулиган на фоне хрупких городишек.

С непокрытой головой
роющий,
рушущий,
готовящий планы,
строящий, ломающий, восстанавливающий.

Смеющийся бурным, хриплым задорным смехом юности. Полуголый, пропотевший, гордый тем, что он режет свиней, производит инструменты, наваливает хлебом амбары, играет железными дорогами и перебрасывает грузы Америки».

В Чикагском путеводителе написано:

«Чикаго:

Самые большие бойни.

Самый большой заготовщик лесных материалов.

Самый большой мебельный центр.

Самый большой производитель машин.

Самый большой склад пианино.

Самый большой фабрикант железных печей.

Самый крупный железнодорожный центр.

Самый большой центр по рассылке покупок почтой.

Самый людный угол в мире.

Самый проходимый мост на земном шаре – Bush street bridge[7]».

Все самое, самое, самое...

Чем же это город Чикаго?

Чикаго (несмотря на все противоречия с официальными указателями) – столица Соединенных Штатов.

Не официальная столица, вроде Вашингтона, не показная «для втирания очков» столица, вроде Нью-Йорка!

Настоящая столица, настоящее сердце промышленности, наживы и вместе с тем сердце борьбы американского пролетариата.

А чтоб это сердце и выглядело настоящим кровавым сердцем, то главное биение жизни города – это живодерня, это бойня.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Одна бы из них и то затмила наши места убиенья скотов – а их десятки!

Свифт! Стар! Вильсон! Гамонд! Армор! Впрочем, это для виду. Фактически это части одного убойного треста. Только выставили разные вывески, чтоб обойти антитрестовский закон.

Король треста – Армор.

По Армор у судите об остальных.

У Армора свыше 100 000 рабочих, одних конторщиков имеет Армор 10–15 тысяч.

400 миллионов долларов – общая ценность арморовских богатств. 80 000 акционеров разобрали акции, дрожат над целостью арморовского предприятия и снимают пылинки с владельцев.

Половина акционеров рабочие (половина, конечно, по числу акционеров, а не акций), рабочим дают акции в рассрочку – один доллар в неделю. За эти акции приобретается временно смирение остальных боенских рабочих.

Проводники по Арморовским предприятиям особенно упирают на этот пункт. Знаменитый тезис американских капиталистов: шеф – только компаньон своего рабочего.

Шестьдесят процентов американской мясной продукции и 10% мировой дает один Армор.

Консервы Армора ест весь мир.

Любой может наживать катар.

И во время мировой войны на передовых позициях были консервы с подновленной этикеткой. В погоне за новыми барышами Армор выпускал 4-летние консервированные яйца и двадцатилетнее мясо – добрый призывной возраст.

Чикагские бойни – одно из гнуснейших зрелищ моей жизни. Прямо фордом вы въезжаете на длиннейший деревянный мост. Этот мост перекинут через тысячи загонов для быков, телят, баранов и для всей бесчисленности мировых свиней. Визг, мычание, блеяние, – неповторимое до конца света, пока людей и скотину не прищмят сдвигающимися скалами, – стоит над этим местом. Сквозь сжатые ноздри лезет кислый смрад бычьей мочи и дерма миллионов скотов.

Воображаемый или настоящий запах целого разливного моря крови занимается вашим головокружением.

Разных сортов и калибров мухи с луж и жидкой грязи перепархивают то на глаза коровьи, то на ваши.

Длинные деревянные коридоры уводят упирающийся скот.

Если бараны не идут сами, их ведет выдрессированный козел.

Коридоры кончаются там, где начинаются ножи свинобоев и быкобойцев.

Живых визжащих свиней машина подымает крючком, зацепив их за их живую ножку, перекидывает их на непрерывную цепь – они вверх ногами проползают мимо ирландца или негра, втыкающего нож в свинячье горло. По несколько тысяч свиней в день режет каждый – хвастался боенский провожатый.

Здесь визг и хрип, а в другом конце фабрики уже пломбы кладут на окорока, молниями вспыхивают на солнце градом выбрасываемые консервные жестянки, дальше грузятся холодильники – и курьерскими поездами и пароходами едет ветчина в колбасные и рестораны всего мира.

Минут пятнадцать едем полным ходом по мосту арморовской компании.

Проводник по Армору с восторгом давал мне материал об Арморе. Реклама! А

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский упоминает об отсутствии спроса на их консервы в СССР вызвало чуть не слезы уныния.

[1926]

Америка в Баку*
Баку я видел три раза.

Первый – восемнадцать лет назад. Издали.

За Тифлисом начались странные вещи: песок – сначала простой, потом пустынный, без всякой земли, и наконец – жирный, черный. За пустыней – море, белой солью вылизывающее берег. По каемке бѣрега бурые, на ходу вырывающие безлистый куст верблюды. Ночью начались дикие строения – будто вынуты черные колодезные дыры и наскоро обиты доской. Строения обложили весь горизонт, выбегали навстречу, взбирались на горы, отходили вглубь и толпились тысячами. Когда подъехали ближе, у вышек выросли огромные черные космы, ветер за эти космы выдрал из колодцев огонь, от огня шарахнулись тени и стали качать фантастический выщечный город. Горело в трех местах. Даже на час загнув от Баку к Дербенту, видели зарево.

Промысла горели всегда.

Второй раз я видел Баку в 13-м*.

Несколько часов – от лекции до поезда. Меня повели смотреть город; Каспийское море, сажают бульвар, театр Маилова, Девичья башня, парашет.

– Нельзя ли на промысла? – заикнулся я.

– Бросьте! – отвечали мне. – Чего же там смотреть! Черный, грязный город. Промысла тоже – грязь да нефть. Вот разве что ночью – когда фонтаны горят...

Сейчас первый же встречный спросил:

– Вы видали промысла?

Второй:

– Вы уже были в черном городе?

– Как вам нравится Разинский поселок?

– Вот побывайте на заводе Шмидта...

– Посмотрите ленинские...

И т. д., и т. д.

Весь интерес города вертится вокруг промыслов. Не только интерес добычи и прибыли, а весь интерес внимания, культуры, подъема.

Черный город.

Сейчас уже название «Черный» стареет.

Сносятся мелкие отсталые заводики раньше конкурировавших фирм, и вся строительная энергия бросается на расширение, укрепление больших, по последнему слову оборудованных заводов вроде бывшего Нобеля. Железный и стальной лом свозится на фабрику Шмидта, и снова пойдут в работу раньше негодные миллионы пудов. Вместо отечественных лачуг с паршивым «дымом отечества» выводятся и растут рабочие поселки, с домами в террасах, с электричеством, на газе. В Разинском, в Романинском и Балаханском поселках уже исчезли чернота и дым.

И Черный и белеющий город, – конечно, не случайность и не благотворительность. Это – отражение, это – продолжение способов добычи нефти.

В изумлении хожу по промыслам.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
Вот старая желонная вышка. Прабабка грязи и копоты черного поселка.

К ней не то что не подойти в галошах, к ней в лодке не подплывешь.

Высоченная обитая дверка для подъема и спуска желонки (желонка – длинная труба-ведро и на 6 и на 8 пудов нефти). Чтоб выволочь ее из скважины, тарахтит машина вроде паровой лебедки, и 4–8 человек возятся вокруг всей этой ахинеи, опускают желонку, потом человек на верхушке смотрит, чтоб ее вздернули на нужную высоту; двое, раскачивая, подводят ее на нефтяной бак, и она выплевывает густую грязную жидкость и в бак, и в лицо, и на одежду, и в окрестности. С перерывами течет по открытым желобам в ожидании окурка незащищенная нефть.

Разве раньше можно было привести этот мрак в порядок? 200 хозяев и хозяйчиков конкурировали, дрались и расхищали нефть на этом маленьком клочке земли.

Расхищали, потому что рвачески выбиралась нефть, заливались водой из экономии неукрепленные скважины.

Высшее счастье – фонтан. Полмиллиона пудов нефти выкинет он в день – это 200–300 золотых тысяч Манташевым, Тамамшевым, Нобелям. И если у одного забил фонтан, сосед лихорадочно начинает рыть рядом, тут не до американизации добычи, тут не до укрепления. Фонтан надрывался, дав полмиллиона пудов в день и иссякнув, тогда как в правильные месяцы он дал бы миллионы пудов. Экономия? Экономия? Экономия на удобствах, на рабочих жилищах.

Снимайте галоши, выпустите кончики белого платочка и в кремowych (если хотите) брюках шагайте на сегодняшние промысла.

Низенькое игрушечное здание – просто комната с красной крышей. На высоте аршина от земли щель, из щели длинные железные тонкие лапы, дергающие рычаг глубокого насоса, без останков выкачивающие нефть в глухие трубы, из труб – в крытый бак. А под крышей мотор сил в 60 (а раньше 90 сил на одно тартание) вертит групповой прибор, сосущий сразу нефть из двадцати скважин. По вылизанному полу ходит всего один человек, да и тот может выйти без ущерба хоть на два часа. До революции попробовали глубокие насосы и бросили – слишком долгий способ. Сразу разбогатеть веселее. Осталось 10–12 насосов.

А групповых, «коллективных» приборов – ни одного. Куда ж заводчикам сообщать, – передерутся. А сейчас 40 групповых приборов, да еще и приборы-то сами на нашем заводе на 50% сделаны, а первые шли из Америки. Глубоких насосов 1200, и гордостью стоит тысячная «вышка» на промысле Кирова, оборудованная в честь XV бакинской партконференции. Это из общего количества 2350 работающих вышек. Еще полторы тысячи скважин ждут своей очереди.

Ненужный дорогой лес вышек снимают, везут на другие стройки.

Делалось не сразу.

Ощупью, понаслышке конструировали машины, стоящие по Америке. А когда дорвались до американских, увидели, что наврало мало, а кой в чем и превзошли свои стальные идеалы.

[1926]

Как я ее рассмешил*

Должно быть, иностранцы меня уважают, но возможно и считают идиотом, – о русских я пока не говорю. Войдите хотя бы в американское положение: пригласили поэта, – сказано им – гений. Гений – это еще больше чем знаменитый. Прихожу и сразу:

– Гив ми плиз сэм ти! [8]

Ладно. Дают. Подожду – и опять:

– Гив ми плиз...

Опять дают.

А я еще и еще, разными голосами и на разные выражения:

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

– Гив ми да сэм ти, сэм ти да гив ми, – высказываюсь. Так вечерок и проходит.

Бодрые почтительные старички слушают, уважают и думают: «Вон оно русский, слова лишнего не скажет. Мыслитель. Толстой. Север».

Американец думает для работы. Американцу и в голову не придет думать после шести часов.

Не придет ему в голову, что я – ни слова по-английски, что у меня язык подпрыгивает и завинчивается штопором от желания поговорить, что, подняв язык палкой серсо*, я старательно нанизываю бесполезные в разобранном виде разные там О и Ве. Американцу в голову не придет, что я судорожно рожаю дикие, сверханглийские фразы:

– Ее уайт плиз файф добль арм стронг... –

И кажется мне, что очарованные произношением, завлеченные остроумием, покоренные глубиной мысли, обомлевают девушки с метровыми ногами, а мужчины худеют на глазах у всех и становятся пессимистами от полной невозможности меня пересоперничать.

Но леди отодвигаются, прослышав сотый раз приятным баском высказанную мольбу о чае, и джентльмены расходятся по углам, благоговейно поостривая на мой безмолвный счет.

– Переведи им, – ору я Бурлюку*, – что если бы знали они русский, я мог бы, не портя манишек, прибить их языком к крестам их собственных подтяжек, я поворачивал бы на вертеле языка всю эту насекомую коллекцию...

И добросовестный Бурлюк переводит:

– Мой великий друг Владимир Владимирович просит еще стаканчик чаю.

Ладно.

Дома отговорюсь.

Я поговорю!

Я поговорю так, что обхохочется не знавший улыбки редактор «Крокодила», я поговорю так, что суровые судебные исполнители, описывающие мебель за неуплату налога, мебель вдовы, голодной старушки, – эти суровейшие чиновники, рискуя потерять службу, будут прыскать со смеху, вспоминая мои слова.

И вот я дома.

Вы поймете меня.

С разинутым ртом, с уже свисающим с губы словом бросаюсь всюду, где есть хоть маленькая надежда поговорить.

С риском возбудить фантастические подозрения, ввязываюсь в меланхолические разговоры выворачивающих сундучки пограничников; встречаю в семейный спор красноармейца и его бабы и, моментально заставив их замолчать, обращаю семейство в бегство; весь в ораторском напряжении, я стою поперек вагонного коридорчика, готовясь на первого вышедшего обрушиться всеми залежавшимися вопросами и ответами.

Оратору поезд, идущий из-за границы, плохая пожива. Направо в купе японцы, и язык у них японский; налево – француз безмолвный, все шире и шире открывающий испуганные глаза с каждым новым километром российского снега.

Лишь одно купе показалось мне подозрительным по возможной русскости, и я повел организованную осаду.

Час тому назад прошмыгнул человек в кашне, весело проорав, ни к кому не обращаясь:

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

– Они дают 15 градусов мороза, не вижу десять!

Кто ему дает? Почему 15? Отчего он не видит? Ничего не понятно.

Проорал, захлопнул дверь и набросил цепочку.

Еще через час задверный храп убедил меня ослабить осаду. Я поспал на скорую щеку и в 7 утра уже стоял на посту.

В одиннадцать распахнулась дверь, и появилась женщина, запахнутая в три пары всего заграничного.

Она держала в руках огромную зубную щетку, хотя золото, кажется, лучше чистить замшей.

Женщина деловито обратилась ко мне:

– Кто есть в уборной?

На это я не приготовил ответа и как-то замялся плечами.

– Не заметили? – сказала женщина с таким презрением, что я до Москвы уселся на свое место. Отучился говорить. Крыть нечем. Я ехал из Нью-Йорка, как-то не заметил Москвы и почти что прямо подъезжал к Краснодару*. Все-таки я буду говорить.

Я буду говорить с казаками и казачками. Краснодар – это столица Адыгеи, не коридор, не бездарный коридор интернационального, видите ли, общества спальных вагонов.

Уже скопились за день слова и фразы, уже я обернул их так, что должны, не могут не смеяться любые носители русских безграничных слов.

На первом встречном, – говорил я себе, взволакивая чемодан на второй этаж Первой советской гостиницы, – на первом встречном – испробую я веселящую силу слова.

В 8 часов утра в гостиницах еще пусто, но я пережал весь тариф звонков, обозначенный в белой, прислуженной к стенке бумажке.

Пришла молодая, красивая, большая женщина.

– Дайте чаю, – сказал я, справедливо рассчитывая вовлечь ее в разговор, используя посудную волокиту.

Надо расположить ее к себе. Помогая поднять самовар, я уже весело спрашивал:

– Вы по-русски разговариваете? или по-адыгейски?

– Чего? – переспросила она.

– А то вот я из Украины, там столб: направо писано «Бахмач» для русских, и налево такой же самый «Бахмач» – только для украинцев.

– Чтоб не запутались, – согласилась она сочувственно.

– А в вашем городе есть и улица Энгельса и переулок Луначарского?

– Это которые? – спросила она.

Видя несоответствие реплик, я перешел на бытовые темы.

– Шашлыку мне вчера в духане не дали, говорят, неурожай барашков.

– Барашки, правда, не уродились, – согласилась она, уже покончив с посудой, повидимому, недоумевая и силясь понять, куда я клоню разговор.

– В вагоне, – продолжал я, повышая голос и теряя самообладание, – ко мне

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
человечка посадили, маленький, а копун, утром полчаса одевается. Я ему говорю:
чего возитесь? Это мне трудно одеваться, а вам что – брючки у вас крохотные!

Женщина вспыхнула, насупилась и сказала грубо:

– Оставьте насчет штанов и их снимания, я член профсоюза, – сказала и вышла, хлопнув дверью.

Озлобленный и униженный, я расстелил мой каучуковый таз-ванну, тяжелыми шагами пошел в уборную и, не доходя до прислужьей комнаты, крикнул в пространство:

– Ведро холодной воды в 16-й номер!

Возвращаясь из уборной, я вдруг встал. Встал, как вкопанный. Несся смех. Этот смех несся из моего номера. Я поднялся на цыпочки и пошел, как лунатик, к щели, к щели. Я хочу видеть того, я хочу пожать руку тому, кто сумел рассмешить эту памятникую женщину.

Завистливый, уткнулся я в дверную расселину. Женщина стояла над моим каучуковым тазом, женщина уперлась в таз слезящимися от смеха глазами и хохотала. Хохотала так, что по ванной воде ходили волны, и не свойственные стоячим водам приливы и отливы роднили таз и море.

* * *

В этот день я понял многое: и трудность писательского ремесла, и относительность юмора.

[1926]

Другие редакции
Мелкая философия на глубоких местах*
Превращусь

□□□не в Толстого, так в тѳлстого, –
ем,

пишу,

от жары балда.

Кто над морем не философствовал?

Вода.

Вчера

океан был злой,

как черт,

сегодня

смирней

голубицы на яйцах.

Какая разница?

Все течет...

Все меняется.

Рассыпается волна

и опять взбухать.

Горю кажется

на этакое расстоянии.

Тут и водоросль,

и вода,

и прочая труха –

обрастание!

Есть у воды своя пора,

часы прилива,

часы отлива.

А у Стеклова

вода

не сходила с пера.

Несправедливо.

Дохлая рыбка

плышет одна.

Висят плавнички,

как подбитые крылышки.

Плышет недели,

и нет ей ни дна,

ни покрышки.
Волны
друг друга
лупят плашмя.
И так и этак,
то всыпят, то высыпят,
и вновь водословят,
звеня и шумя...
Диспут...
Это кит, говорят.
Возможно и так.
Вроде рыбьего Бедного –
обхвата в три.
Только у Демьяна
усы наружу,
а у кита
внутри.
Годы – чайки.
Вылетят в ряд –
и в воду –
брюшко рыбешкой пичкать.
Скрылись чайки.
В сущности говоря,
где птички?
Я родился,
рос,
кормили соскою, –
жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.

Этот стих – скелет, который может и должен обрастать при моей помощи и вашей, товарищи поэты, мясом злободневных строк. Так строки про «обрастание» и «диспут» – новы. Другие – устаревшие – вычеркнуты. Таковым скелетом, например, была моя «Схема смеха».

В. М.

Приложение
Коллективное
Первый Первомай*
откуда повел рабочий класс 1-е мая в первый раз

I
В Америке
сорок годов назад,
когда в России
еще не светало,
уже яснили
рабочие глаза
на жирную
власть капитала.
В штате Техасе
и в штате Миссури,
там, где уголь,
нефть и руда,
глухо копились
рабочие бури
в Американской
Федерации труда.
Раньше,
с буржуем боясь задираться, –
с зари до зари
работал бедняк.
Но вот,
решил Совет Федерации:
восемь часов

рабочего дня!
Новым порядком
старый ломая,
чтоб право на отдых
добыть труду,
решили бороться с первого мая
в восемьдесят шестом году.
Хозяевам
внове такая отвага;
стремясь забастовку
сломить вконец,
против рабочих
ими в Чикаго
были пущены штык и свинец.
Тогда-то,
запомнив кровавую баню,
узнавши,
как пули
звенят и свистят,
рабочие
снова
без колебанья
за павших
поднялись
два года спустя.
Их масса
меньше уже слюится,
гудки к забастовке
дружнее гудут:
назначил стачку
конгресс в Сан-Луисе
на 1-е мая
в 90-м году.
Хоть это и было
событием местным,
волнение рабочих
росло и росло,
и стало
далёко повсюду известным,
и красным
сделалось
это число.
Из штата в штат
его переносят
сутулые плечи
борьбы и труда, –
и вот –
и в Детройте
и в Иллинойсе
сгасают мартены,
молчат привода.
II
В Париже
за год до этого срока
был созван
международный конгресс.
В нем –
гнева рабочего
будущий рокот,
он –
бури грядущей
дыханьем согрет.
Здесь классовый разум
взвивал
свое пламя,
пути освещая
великой вражде:
на нем –

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
знаменитейшими умами
представлены силы
тогдашних вождей:
Из Франции –
Гэд;
от Германии –
Бебель;
от Австрии –
Адлер;
суровая рать;
и наши
российские
топи да степи
Плеханов с Лавровым
пришли представлять.
И по предложенью
француза Лявиня,
чтоб воля трудящихся
стала видней,
Конгресс
постановление принял
о международном
рабочем дне.
А так как сказано
было выше,
что к 1-му мая
призвал Сан-Луис, –
решили,
чтоб всюду рабочий вышел
в тот день
демонстрировать
силы свои.
Француз Трессó
сказал, что постольку
манифестации
хороши,
поскольку
всеобщая забастовка
мир
буржуазии
устрашит.
И вот,
когда – казалось бы – вспыхнет
в рукоплесканиях
бурных зал,
от Германии
Вильгельм Либкнехт
вышел
и слово «против»
взял.
Он – был против
немедленных действий,
против
возможности их провести.
Так
на заре партийного детства
порыв борьбы
осторожно стих.
Либкнехт искренне
предан долгу,
давит собрание
доводов пресс,
и –
всеобщую забастовку
большинством
отвергает конгресс.
III
Красный флаг

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п

над миром вздымая,
свежий ветер
повсюду струя,
все же родилось
Первое Мая –
праздник рабочих
во всех краях.
Но –
постановленье конгресса –
как над ним головы ни ломай, –
отвергнувши стачку,
лишило веса
в первые годы
Рабочий Май.
Ему суждено
еще долго остаться
мирной маевкою
у леска...
Но даже и этаких
манифестаций
мир буржуазный
не допускал.
Везде шуцмана,
жандармы,
констэбли,
рабочих
расстроив,
сквозь ряды
бегущие толпы
косили, как стебли,
чтоб после
над ними ж
строить суды.
В Европе
в течение первых лет
кой где лишь
гремят первомайские
песни.
В Германии –
праздник сведен на нет:
на то воскресенье,
празднуй «воскресник».
Чтобы
не прерывать на богатых работ,
чтоб
не дремало в котлах кипенье,
переносят
от сред и суббот
1-е мая на воскресенье.
В Англии
действуют
доводы те же:
нельзя допускать
рабочий прогул,
праздник рабочий
и здесь обезврежен
на радость
классовому врагу.
И только по Австрии
волнами стачек
рабочий протест
разливался горячий.
Вот он –
первого мая исход:
Первое Мая
в первый год.
IV
Теперь посмотрим –

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
что было в России.
Еще не проснулся
огромный край,
в нем
рабочий
еще бессилён
и так же бессилён
1-й Май.
Но, как ни крепко
жандармы держали
Россию
под властью слепой и тупой,
лозунг
«долой самодержавье»
взлетает вскоре
над майской толпой.
И чем в России
мрачней и беднее,
чем больше
смяли
рабочих права –
тем чаще
горят и трепещут над нею
в процессиях майских
эти слова.
И вот в девятьсотом,
вспыхнувши ярко,
казацкою лавою
окаймлен,
встает
железнодорожный Харьков,
из красных рубашек
наделав знамен.
За первую вспышкой –
вторая и третья.
Тифлис и Варшава,
Минск,
Батум.
Ими
Россия готовилась встретить
славные битвы
в пятом году.
Год
незабываемый этот
рабочим запомнился
хорошо...
И говор про русский
действенный метод
майской грозой
по Европе прошел.
И
хотя во 2-м Интернационале
«покорность судьбе»
была привита –
станки
мертво по заводам стояли,
и красный флаг
в городах трепетал.
У
С годами
крепла
закалка суровая,
окончены дни
страды боевой.
Теперь,
у леса
полян не своровывая,
открыто празднуем

праздник свой.
Но, выйдя на улицу,
мы вспоминаем,
что чем рабочих
ряды тесней,
чем больше их сдвинуто
Первым маем,
тем ближе
планета
к рабочей весне.
Напрасны
в Европе
цепи тугие,
напрасны
крепкие двери тюрьмы:
мы знаем,
сделают то же другие
в каждой стране,
что сделали мы.
Пусть пролетарии,
в майском потоке,
в общем движеньи
силу растя,
припоминают,
что здесь,
на востоке,
вместе шагают
Май и Октябрь.

VI

Четок их шаг
□□□и песня вольна –
слушай ее,
за страню страну,
Жуликам наций
разнообразных
не по душе
пролетарский праздник.
Для жен их пудренных,
одеколонных –
мало поэзии
□□□в наших колоннах.
Но, плечи сомкнув,
□□□за рядом ряд –
идет к победе
пролетариат.
Нэпманы смотрят –
щурятся еле:
«Эти процессии
нам надоели,
как в позапрошлом
□□□и прошлом
□□□годе,
ходят,
глазами мозоля,
и ходят».
Мимо их злобы,
за рядом ряд –
идет к победе
пролетариат.
Графы,
маркизы,
бароны,
синьоры,
скройтесь скорее
в семейные норы!
К яркому солнцу
□□□зрачки ваши слабы,
ниже надвиньте

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

цилиндры
и шляпы.
Полымем вея,
за рядом ряд –
идет к победе
пролетариат.
Лица заройте
в квартирные плюши,
уши
заткните
плотнее и глуше!
Чтоб
ни одной не осталось
щели –
окна пускай
занавесит челядь.
В ногу шагая,
за рядом ряд,
идет к победе
пролетариат.
Слушайте, лорды,
банкиры,
синьоры!
Вам не в помощь
замки и затворы.
В сейфы запретесь
тройными ключами –
солнце прощупает
сейфы лучами.
Слишком упорно,
за рядом ряд –
идет к победе
пролетариат.
Этот затвор
не надежен,
не крепок;
лучшая крепость –
в фамильных склепах.
Там, превращаясь
в пепел и в плесень,
этих
вы не услышите
песен.
Там не слышать,
как
за рядом ряд
идет к победе
пролетариат.
Там,
среди могильного
тлена и праха,
успокоенье –
от злобы и страха.
Можно грозиться,
челюсть ощерив:
солнце
не тронет
оскаленный череп.
Вас,
отошедших
в наследное лоно,
майская
даже не вспомнит колонна.
Путь свой наметив,
за рядом ряд –
движется дальше
пролетариат.
Ты же,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

земля заалевшая,
здравствуй,
здравствуй
и властвуй!
Жги границы
стран и наций,
огонь демонстраций.
Выше краснейте,
□□□лучи и знамена,
вал повернувши
многоремённый.
Год за годом,
за рядом ряд –
шествуй,
победный
пролетариат!
[1926]

Частушки для книгонош*

1
Подходи-ка, дёвица,
подходи, парнишка!
Здесь у нас имеется
всяческая книжка!
Без науки нынче жить –
на печи коптиться!
Эй, прочтите, как ходить
за домашней птицей!
Я – с котомкой на плече
сквозь поля и просеки...
Книжки есть о саранче
и о долгоносике!
Ты купи, товарищ, вот
книжечку про борова,
и, увидишь, боров тот –
разжиреет здорово!
А не купишь,
друг родной, –
то слезу просачивай!
Боров вырастет – худой,
роста пороссячьего!
Вот вам книжечка про пчел,
сел за чаем и прочел.
Кто прочтет,
да кто поймет,
тот – вдвойне
получит мед!
Есть книжоночки в коробке
про дела коровьи –
очень важно для коровки
охранять здоровье!
Ой, от груза у меня
аж болят подмышки!
Подходите, ребятня,
покупайте книжки!
Ты – мальчонка
□□□в самый раз,
позови родителей
и скажи,
что есть у нас
книжки про вредителей!
Я скажу, ребята,
кстати –
книжки пишут
в Госиздате.
Эти госиздатели –
книжные создатели!

2

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Подходи-ка, де́вица,
подходи, парнишка!
Здесь у нас имеется
всяческая книжка.
Что ты встал березняком?
Будем, парень, в дружбе!
А с законом ты знаком
о военной службе?
Эх, не выучил, браток!
Что ж, почти за́дарма
книжку дам тебе про то,
что такое армия.
Что, товарищ, обомлел?
Что стоишь –
суконный?
Посмотри-ка
о земле
разные законы!
Разбирай мое добро,
тута книжки разные,
про Советы есть
и про
страны буржуазные.
Книжка есть про Рыкова,
есть и про Калинина,
кто Коммуну выковал,
кем Коммуна вклинена.
Пользы – пуд, а стоит грош,
что стоишь, как камень ты,
что ты книжку не берешь?
Али ты неграмотный?
Забирайте веселей
книжку, покупатели,
о политике в селе
большевистской партии.
Ты, парнишечка, с умом,
мускулы – железные,
почитай про комсомол
книжечку полезную!
Будешь глуп – твоя вина,
спрашивать и не́ с кого.
Вот вам книжка для звена
да для пионерского.
Я скажу, ребята,
кстати –
книжки пишут
в Госиздате.
Эти госиздатели –
книжные создатели!
З
Подходи-ка, де́вица,
подходи, парнишка!
Здесь у нас имеется
всяческая книжка!
Выходи на книжный рынок
да гляди внимательно!
Покупай себе новинок
самых замечательных.
Книжка – солнце в небосводе!
Венчана не венчана –
прочитай-ка о разводе,
дорогая женщина.
Нынче – ново времечко,
девки да парнишки!
Не грызите семечки,
а грызите книжки!
Чем впустую спирт глушить,
взяли книжку вы бы,

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

стоит книжечка гроши,
в рупь от книжки прибыль!
Кто таковские попы,
ясно в библиотеке –
треснут со смеху пупы,
заболят животики!
Если каплют слезы с глаз,
щеки – цвета бледного,
то для смеха в самый раз
стих Демьяна Бедного!
Я гуляю да пою,
веселá частушка,
книжки разные даю
по копейке штучка!
Коль купчина частный вам
очень опротивел –
я сейчас книжонку дам
о кооперативе!
Если хочешь умным стать,
хочешь стать сознательней –
прочитай-ка про Христа,
про богов-создателей.
В наших книжках
нет ни яти,
ни фиты, ни ижицы*,
ну-ка, братец
покупатель,
навались на книжицы!
Я скажу, ребята,
кстати –
книжки пишут
в Госиздате.
Эти госиздатели –
книжные создатели!
[1926]

Стихи и картинки эти вот про стрелочников и лесопильный завод*

Теперь проедем
в дождь трамваем...
Народ у трамвая
дождем омываем.
Стрелочник всегда
торчит на посту.
Дождь ли,
мороз ли –
стой! не бастуй!
И если случается
хоть малюсенький дождь –
вымачивает стрелочника
вдрызг
и в дрожь.
В дождь не поможет
ни молитва, ни плач;
лучшая помощь –
брезентовый плащ!
Какой же может быть
вывод из этого?
Выдать
стрелочникам
плащи брезентовые!
Казалось бы – просто!
Но хозяйственники-разини
взяли и выдали
□□□плащи на резине.
Плащ не пропускает
водицы дождевой.
Но стрелочник,
избавясь от внешних купаний,

стоит
и исходит, еле живой,
паром,
как в страшно распаренной бане.
Преет и мается,
шапку насупив,
и мокнет,
и мокнет,
как клетка в супе.
В чем же дело?
В чем же загвоздка?
Резиновый плащ
не пропускает воздуха,
и пот
до того возмутительно прет,
что шуба дымится,
как горячий пирог.
А шубе стоит потом упиться,
и через год –
не шуба – тряпица.
А шуба –
тоже казенная,
кстати...
Как же
хозяйственников
не упрекнуть в растрате,
когда из-за этого
тыщи четыре
улетучатся запахом нашатыря!
Хозяйственник!
Не гляди на рабочих Кашеем,
выдай немедленно
брезентовых плащей им.
Вреден
для республики
пальцев разжим
в деле –
над рабочими – заботы и опеки.
Товарищи!
□□□□Уничтожьте
бессмысленный режим,
режим экономии на рабочей копейке.
* * *

По шоссе Ленинградскому,
грязному,
□□□пыльному,
подъедем теперь к заводу лесопильному.
На 11-ой версте –
завод «Братуево».
А ну, «Рабочая Москва»,
ату его!
Хозяйственники
для этого завода несчастного
старый двигатель
купили у «частного».
Работающие
над починкой двигателя
глаза от удивления выкатили:
двигатель внутри, как гнилой орех –
и смех
и грех!
И зря
рабочее время соря,
над этим двигателем
потели слесаря.
Хозяйственники
ходят с экономной рожей,
а двигатель

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
выходит
нового дороже.
И на заводе, где пилят бревна,
тоже не всё гладко и ровно.
Напилят доски,
□□□свезут на склад
и скажут,
бросив на доски взгляд:
– Не годятся,
очень узки,
вези обратно,
пили бруски...
А результат простой:
где 3-х,
где 4-х-часовой простой.
Решенье огульное:
штрафовать рабочих
за часы прогульные.
И выгнали...
Безработный голодает и воет,
а на заводе –
простоев вдвое.
И выходит –
не рабочие,
а хозяйственники виноваты..
Очевидно, уши у них длинноваты.
[1926]

Комментарии

Прижизненные издания произведений В.В. Маяковского, вошедших в седьмой том Открытие Америки. Изд. «Нью Уорлд пресс», Нью-Йорк, 1925, 32 стр., рисунки Д. Бурлюка (вышло в октябре).

Сергею Есенину. Изд. «Заккнига», Тифлис, 1926, 15 стр. (вышло в апреле).

Первый первомай (Откуда повел рабочий класс 1-е мая в первый раз). Изд. «Прибой», л. 1926, 16 стр. (вышло в мае).

Разговор с фининспектором о поэзии. Изд. «Заккнига», Тифлис, 1926, 15 стр. (вышло в июне).

Сифилис. Изд. «Заккнига», Тифлис, 1926, 15 стр. (вышло в июне).

Мое открытие Америки. Гиз, М. 1926, 142 стр. (вышло в августе).

Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка. Гиз, М. 1926, 93 стр. (вышло в августе).

Избранное из избранного. Изд. «Огонек», М. 1926, 54 стр. (вышло в октябре).

Мы и прадеды. Изд. «Молодая гвардия», М. 1927, 35 стр. (вышло в марте).

Сочинения. Т. 5, Гиз, М. 1927, 435 стр. (вышел в июне).

Школьный Маяковский. Гиз, М. 1929, 104 стр. (вышло в сентябре).

Принятые сокращения

БММ – Библиотека-Музей В. В. Маяковского.

ЦГАОР – Центральный Государственный архив Октябрьской революции.

Стихотворения

Стихи об Америке (1925–1926)

Этот цикл из двадцати двух стихотворений Маяковский создал в результате поездки в Америку в 1925 году. 25 мая поэт покинул Москву и после трехнедельного пребывания в Париже сел во французском порту Сен-Назер на пароход «Эспань», отправлявшийся в Мексику. Отплыв 21 июня из Франции, пароход на следующий день зашел на несколько часов в испанский порт Сантандёр. В тот же день Маяковским

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский было написано стихотворение «Испания», за которым последовал ряд произведений, составивших своеобразный поэтический «дневник» путешествия.

5 июля, после двухнедельной поездки через Атлантический океан, пароход прибыл в порт Гавану (остров Куба), где стоял в течение суток. Наконец, 8 июля Маяковский сошел на мексиканский берег в порту Вера-Круц (Веракрус) и на другой день приехал в столицу страны – Мехико. В Мексике поэт находился около трех недель.

27 июля, с трудом получив визу, Маяковский пересек границу Соединенных Штатов Америки[9]. 30 июля поэт прибыл в Нью-Йорк и прожил здесь почти три месяца, выезжая в крупнейшие города восточных штатов (Кливленд, Детройт, Чикаго, Филадельфия, Питсбург) и выступая на многочисленных вечерах и митингах.

В течение всего путешествия Маяковский не прекращал большой творческой работы; к моменту отъезда из США «американская» записная книжка поэта содержала семнадцать стихотворений.

В США он читал большинство из этих стихотворений, неизменно встречавших горячий прием аудитории. В газетном отчете об одном из его вечеров в Чикаго говорится: «...Публика едва не сорвала крышу неистовыми криками восторга от его стихов, посвященных Америке: «Открытие Америки», «Вульворт и барышня», «Вилли из Гаваны». Пятьсот экземпляров его стихов были распроданы на месте» («Дейли Уоркер». Чикаго, 1925, № 206, 5 октября).

28 октября Маяковский отплыл из Нью-Йорка на пароходе «Рошамбо» и 5 ноября прибыл в Гавр (Франция). На пароходе было начато стихотворение «Домой!», которое тематически завершало стихи о поездке в Америку. 22 ноября 1925 года поэт возвратился в Москву.

В тот же день в беседе с корреспондентом он сказал: «Слухи о моих успехах в Америке несколько не преувеличены. Я нахожу, что иметь аудиторию в полторы тысячи человек в течение ряда недель – это, конечно, успех. Думаю, что, кроме литературного, мои лекции имели некоторое значение еще и в смысле революционном...

Для печати я привез книгу стихов о Мексике, об Испании и об Атлантическом океане. Есть у меня и новая книга о Соединенных Штатах» («Новая вечерняя газета», л. 1925, № 213, 23 ноября).

За границей Маяковский опубликовал два стихотворения: «Испания» (в Нью-Йорке) и «Христофор Колумб» (в Нью-Йорке и Париже). Ранее, еще в середине июля, находясь в Мексике, поэт послал в Москву Л. Ю. Брик четыре стихотворения – «Испания», «6 монахинь», «Атлантический океан» и «Христофор Колумб» – с просьбой передать их в журналы и газеты[10]. До возвращения поэта в Москву эти стихи – за исключением стихотворения «Испания» – были опубликованы в советской печати (см. прим. к этим стихотворениям).

В течение декабря 1925 – февраля 1926 года Маяковский опубликовал в газетах и журналах остальные пятнадцать стихотворений. Кроме того, 3 января 1926 года поэт сдал в Госиздат сборник «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» (вышедший в том же году), в который вошли все «американские» стихи, за исключением стихотворения «Вызов».

Но работа поэта над стихами об Америке на этом не прекратилась. Весной 1926 года Маяковский в статье «А что вы пишете?» говорит, что он продолжает «дорабатывать стихи об американском путешествии» (см. т. 12 наст. изд.). В течение весны – лета 1926 года Маяковский закончил и опубликовал еще четыре стихотворения об Америке: «Сифилис», «Свидетельствую», «Мексика – Нью-Йорк», «Тропики».

Следует отметить и неосуществленный замысел, о котором он упоминает в статье «Как делать стихи»: «Есть темы разной ясности и мутности. 1) Дождь в Нью-Йорке...» (см. т. 12 наст. изд.). Кроме того, по свидетельству американской газеты, поэт собирался написать стихи о Детройте (см. «Русский голос», Нью-Йорк, 1925, № 561, 28 сентября).

В 5 том своего Собрания сочинений Маяковский включил все стихи, связанные с поездкой, кроме стихотворения «Вызов», и объединил их в разделе «Стихи об Америке». Этот раздел представляет цикл, последовательно рассказывающий о путешествии поэта.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

В данном томе, в соответствии с общим построением томов настоящего Полного собрания сочинений, стихи об Америке размещаются в хронологическом порядке их написания. Но четыре стихотворения, написанные в 1926 году, расположены в той последовательности, какая была установлена для них самим автором в 5 томе его Собрания сочинений.

Большинство стихотворений, написанных в США, поэтом не датировано. В то же время можно почти с полной уверенностью сказать, что порядок размещения черновиков этих стихотворений в записной книжке поэта точно соответствует последовательности их написания. Первое («Бродвей») и последнее («Кемп «Нит гедайге») из написанных в США стихотворений датированы; это позволяет установить, что стихотворения о Соединенных Штатах написаны в Нью-Йорке в период с 6 августа по 20 сентября.

Публикуя стихи об Америке, Маяковский в ряде случаев давал к ним примечания. Эти примечания воспроизводятся в комментариях к отдельным стихотворениям.

Ряд важных пояснений к стихотворениям читатель найдет также в очерках «Мое открытие Америки», помещенных в данном томе.

При подготовке текстов стихотворений (а также очерков) об Америке были упорядочены некоторые написания иностранных слов и собственных имен. Одни из этих написаний выправлены по рукописям и авторизованным публикациям произведений Маяковского, другие уточнены в соответствии с современными правилами транскрипции. Изменения эти (за исключением отдельных случаев) не оговариваются.

Испания (стр. 7) [11]. Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Новый мир», Нью-Йорк, 1925, № 871, 14 августа; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 5.

Написано на борту парохода «Эспань» и датировано в записной книжке: «22.VI. Santander».

В газете «Новый мир» – органе русской секции Рабочей (коммунистической) партии США – было напечатано вместе с приветствием Маяковскому на странице, специально посвященной его приезду в Америку.

Поэт неоднократно читал это стихотворение после возвращения из Америки во время своих выступлений в различных городах СССР. (В афишах оно иногда названо по последней строке: «Как собаке здрасите».) По свидетельству организатора этих выступлений П. И. Лавута, Маяковский обычно перед чтением этого стихотворения говорил:

«– Я должен сказать вам несколько слов по поводу этой самой Испании. Ко мне часто обращаются, особенно девушки: «Ах, какой вы счастливый, вы были в Испании, какая очаровательная страна! Там тореадоры, быки, испанки и вообще много страсти». Я тоже был готов к тому, чтобы увидеть что-нибудь в этом роде. Но ничего подобного. Пароход подплыл к испанскому берегу, и первое, что мне бросилось в глаза, это довольно прозаическая вывеска грязного склада «Леопольдо Пардо». Правда, веера у испанок есть, – жарко, вполне понятно. А так ровно ничего примечательного, если не считать, что по-русски – телефон, а по-испански – телефонос...» (П. Лавут, Маяковский едет по Союзу, журн. «Знамя», М. 1940, № 4–5, стр. 202).

Santander (Сантандёр) – портовый и курортный город в Испании на берегу Бискайского залива. В письме, отправленном отсюда в Москву, Маяковский писал: «Так как показалась Испания, пользуюсь случаем известить вас, что я ее благополучно сейчас огибаю и даже захожу в какой-то маленький портик, смотри на карте Santander» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр.231).

Строка 4. Бард – странствующий поэт, певец.

6 монахинь (стр. 9). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Прожектор», М. 1925, № 16, 31 августа (под названием «Монашки» и с

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
обозначением места написания: «Атлантический океан. Пароход «Эспань»); «Испания.
Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5; сб. «Антирелигиозный
чтец-декламатор», изд. «Безбожник», М. 1929.

Ньюйоркская газета «Новый мир» (1925, 3 октября) сообщала: «Сегодня выходит из
печати первый номер ежемесячного журнала «Спартак»... Среди разнообразного
материала имеется неизданное еще стихотворение Владимира Маяковского». По
свидетельству советского литературоведа М. О. Мендельсона, в то время
находившегося в Америке, в журнале «Спартак» (Нью-Йорк, 1925, № 1, октябрь) было
опубликовано стихотворение «6 монахинь».

Строки 64 и 92 печатаются по текстам записной книжки и журн. «Прожектор»: «и
ночью, и в утра, и в полдни» вместо: «и ночью, и в утро, и в полдни»; и: «почему
вы не летаете?» вместо: «то почему вы не летаете?»

В записной книжке дата: «26/VI. Атлантический океан».

Маяковский читал стихотворение на многих своих вечерах и сопровождал его, как
свидетельствует П. И. Лавут, таким комментарием: «На пароходе «Эспань»... я
наблюдал совершенно чудовищных монашенок. Если сам не увидишь, не поверишь, что
такие существуют в природе. Вот о них я вам и прочту. Здесь встречается не всем
понятное слово «квота». «Квота» – это норма, по которой американцы впускают к
себе эмигрантов» (П. Лавут, Маяковский едет по Союзу, журн. «Знамя», М. 1940, №
4–5, стр. 201).

10 июня 1929 года Маяковский прочитал стихотворение «6 монахинь» на II съезде
Союза воинствующих безбожников в Москве. Заседание съезда транслировалось по
радио.

Строки 48–49 ...медали со Львом и с Пием. – Повидимому, речь идет о медалях с
изображениями римских пап Льва XIII и Пия IX.

Строки 55–58 ...оркестром без дирижера шесть дорожных вынимают евангелишек. – В
1920–е годы в Москве был популярен так называемый «Персимфанс» (Первый
симфонический ансамбль) – оркестр, выступавший без дирижера.

Атлантический океан (стр. 12). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33
(БММ); белой автограф (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ.
«Известия ЦИК» (ЦГАОР); фонографическая запись авторского чтения (БММ); газ.
«Известия ЦИК», М. 1925, № 185, 15 августа; «Испания. Океан. Гавана. Мексика.
Америка»; Сочинения, т. 5; «Школьный Маяковский».

Написано на борту парохода «Эспань». Датировано в машинописной копии: «2.VII.
Океан».

Читая стихотворение на своих вечерах, Маяковский, по свидетельству П. И. Лавута,
говорил:

«– Я вам сейчас прочту стихотворение, которое называется, – и подчеркнуто громко
объявлял: – «Атлантический океан».

Начало он читал медленно и немного растянуто. Затем, говоря «за океан»:

«Мне бы, братцы,
к Сахаре подобраться», побряхтыванием и покачиванием всего корпуса и голосом он
передавал впечатление неуклюжей громады. К концу он снова замедлял и чеканил,
усиливая голос:

По шири,
по делу,
по крови,
по духу –

моей революции... (и, резко обрывая последнюю строку, поднимал вверх руки)
...старший брат». (П. Лавут, Маяковский едет по Союзу, журн. «Знамя», М. 1940, №
4–5, стр. 200–201).

Строки 1–17. Испанский камень слепящ и бел... Европа скрылась, мельчася. – В этих

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский в строках говорится об отплытии из испанского порта Ла Корунья. В очерках «Мое открытие Америки», указывая маршрут путешествия, Маяковский дал французское название этого порта – «Ла-Коронь» (см. стр. 265 данного тома). Порт Ла Корунья расположен на берегу Атлантического океана, на крайнем западе Европы.

Строка 78. ...порфиру пены в клочки изодрав. – Порфира – бархатная мантия, подбитая горностаем, – символ монархической власти.

Строка 92. Цик – Центральный Исполнительный Комитет Советов – верховный орган Советской власти до 1936 года – до принятия новой конституции СССР.

Мелкая философия на глубоких местах (стр. 17). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Вечерняя Москва», М. 1925, № 285, 14 декабря; газ. «Киевский пролетарий», Киев, 1926, № 25, 2 февраля; журн. «Лава», Ростов н/Д., 1926, № 2, февраль; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

В мае 1926 года Маяковский опубликовал в ленинградской «Красной газете» (вечерний выпуск, № 117, 20 мая) другую редакцию стихотворения. Однако в Собрание сочинений вошла первоначальная. (Вторую редакцию см. стр. 367).

Написано на борту парохода «Эспань». В записной книжке дата: «3 июля. Атлантический океан». В этот же день поэт писал в Москву:

«Жара несносная. Сейчас как раз прем через тропик... Направо начинает выявляться первая настоящая земля Флорида. (Если не считать мелочь вроде Азорских островов...)»

Нельзя сказать, чтоб на пароходе мне было очень весело. 12 дней воды это хорошо для рыб и для профессионалов открывателей, а для сухопутных это много...» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 231–232).

При опубликовании стихотворения в «Вечерней Москве» фамилия бывшего редактора газеты «Известия ЦИК» Стеклова (строка 22) была заменена точками. Выступая в тот же день на диспуте «Больные вопросы советской печати», Маяковский сказал по этому поводу:

«Сегодня появилось в «Вечорке» мое стихотворение «Мелкая философия на глубоких местах». Редактор спросил: Можно ли не включать слова: «А у Стеклова вода не сходила с пера»? Если бы я тогда, когда писал, знал, что Стеклов не является уже редактором «Известий», я бы вычеркнул эти слова сам, они были для меня ценны в работе. Я не протестовал, черкайте, потому что каждый включит свою фамилию на место вычеркнутого Стеклова, если захочет. Каждый может поставить себя: «а у Луначарского вода не сходила с пера», «а у такого-то вода не сходила с пера» и т. п. Это одно и то же. И если я не протестовал, то только из затаенного желания досадить сразу 30 человекам, а не только одному» (см. т. 12 наст. изд.).

Стеклов Ю. М. (1873–1941) – публицист и общественный деятель, первый редактор «Известий ЦИК» (1917–1925). Его длинные статьи – передовицы Маяковский иронически называл «стекловицами».

Строка 45. Вроде рыбьего Бедного...– Демьян Бедный (1883–1945), известный советский поэт.

Строки 55–56. В сущности говоря, где птички? – «Одно время, в 1923 году, – рассказывает Л. Ю. Брик, – Маяковский увлекался птицами и купил их массу, самых разнообразных. Они быстро надоели ему, и он всех их выпустил на волю. Пришел к нам как-то обедать отец Осипа Максимовича Брика и направился прямо к птичкам. Их не оказалось. У него сделалось страшно удивленное лицо, он оглянулся на Маяковского и недоуменно спросил его: «В сущности говоря, где птички?» Вопрос этот показался Маяковскому необычайно забавно-глубокомысленным. Он долго носился с этой фразой, пока, наконец, не нашел ей место в «Мелкой философии на глубоких

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п местах» (Л. Брик, Из воспоминаний о стихах Маяковского, журн. «Знамя», М. 1941, № 4, стр. 233).

Строки 63–65. Вот и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова.

В воспоминаниях одного из современников поэта приводится шуточный рассказ Маяковского: «Я огибаю Азорские острова. И, как это ни странно, мне впервые в жизни взгрустнулось, никогда не грустящему. Здесь я плыву. А дальше? И Азорские плывут... И на самом этом месте я написал неглубокую философию на глубоком месте» (И. Кривошеев, Два вечера, газ. «Красная Мордовия», Саранск, 1940, № 86, 14 апреля).

Блек энд уайт (стр. 20). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); жури. «Красная новь», М. 1926, № 1, январь (с подзаголовком «Черные и белые»); «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 5; «Школьный Маяковский».

Строка 36 печатается по тексту записной книжки и журн. «Красная новь»: «портовой инспектор» вместо: «портовый инспектор».

Датировано в записной книжке: «5.VI. Гавана». Месяц указан неправильно. Поэт находился в Гаване в начале июля, и стихотворение, очевидно, написано 5.VII 1925 года.

Читая стихотворение «Блек энд уайт» на литературных вечерах, поэт нередко изменял его заглавие. Известны следующие варианты: «Негр Вилли», «Вилли из Гаваны», «Сахарный король», «Черные и белые», «Черное и белое».

В сб. «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» стихотворение опубликовано с примечаниями самого поэта. Они воспроизводятся ниже – см. примечания к строкам 10, 11, 52 и 98.

Заглавие. Блек энд уайт. – Черное и белое (англ.).

Строка 2. Гавана – столица республики Кубы.

Строка 8. фламинго – птицы из отряда аистообразных.

Строка 10. Коларио – гаванские цветы.

Строка 11. Ведадо – загородный квартал богачей.

Строка 20. «Энри Клей энд Бок, лимитейд» – крупная табачная фирма.

В 1947 году в Берлине был издан на немецком языке сборник произведений Маяковского, в который вошло и «Блек энд уайт». Сын упоминаемого в стихотворении «сигарного короля» Энри Клея, генерал Люшьес Клей, занимавший пост верховного комиссара США в Германии, отдал приказ об уничтожении всех экземпляров этого сборника в американской зоне оккупации (см. «Литературная газета», М. 1949, № 14, 16 февраля, стр. 4).

Строка 52. Прадо – главная улица Гаваны.

Строка 69. Масео, Антоньо (1845–1896) – один из руководителей борьбы кубинского народа за независимость.

Строка 98. Ай бэг ёр пардон – прошу прощения.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Сифилис (стр. 24). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (БММ);
авторизованная машинописная копия (хранится у В. А. Катаняна); журн. «Молодая
гвардия», М. 1926, № 4, апрель; отдельное издание; Сочинения, т. 5; сб.
«Антирелигиозный чтец-декламатор», изд. «Безбожник», М. 1929.

Строка 189 печатается по тексту записной книжки: «узор непонятный впеппен»
вместо: «узор непонятный влеппен».

Строка 191 печатается по тексту журнала: «у матери в животе» вместо: «у матерей
в животе».

Написано после возвращения из Америки, в январе – марте 1926 года.

Весной 1926 года Маяковский, рассказывая о своих творческих планах, писал:
«Особняком стоят стихи об американском путешествии, дорабатываемые сейчас;
такова поэма «Сифилис»... Это стих о занятиях прогнанных хозяев в завоеванных
долларом колониях...» (статья «А что вы пишете?», см. т. 12 наст. изд.).

Христофор Колумб (стр. 31). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33
(БММ); авторизованная машинописная копия (БММ); отдельное издание; газ. «Красная
газета», вечерний выпуск, л. 1925, № 270, 6 ноября (под заглавием «Открытие
Америки»); газ. «Парижский вестник», Париж, 1925, № 162, 13 ноября (под
заглавием «Открытие Америки» и с подзаголовком «Поэма»); «Испания. Океан.
Гавана. Мексика. Америка». Сочинения, т. 5.

В текстах записной книжки и машинописной копии, сделанной, повидимому, в
Нью-Йорке (текст переписан на американской бумаге), эпиграф отсутствует и вместо
«Колумб» везде дано общепринятое начертание «Колумб». С этим начертанием
стихотворение было еще в середине июля 1925 года послано Маяковским из Мексики в
Москву для опубликования в журнале «Леф». Но «Леф» в это время перестал
выходить, и стихотворение было напечатано лишь 6 ноября в ленинградской «Красной
газете».

Между тем еще в первой половине октября стихотворение вышло отдельным изданием в
Нью-Йорке. Готовя текст к этому изданию, Маяковский предпослал стихотворению
шутливый эпиграф[12] и ввел начертание «Колумб», которое, по всей вероятности,
исходит из американского произношения имени великого мореплавателя. Все
последующие авторизованные публикации стихотворения давались с этим последним
начертанием.

Стихотворение написано на борту парохода «Эспань» и датировано в машинописной
копии: «7.VII. Атлантический океан».

В письме от 3 июля поэт, сообщая о том, что он приближается к американскому
континенту, шутил: «Приходится писать стихи о Христофоре Колумбе, что очень
трудно, так как за неимением одесситов трудно узнать, как уменьшительное от
Христофор[13]. А рифмовать Колумба (и без того трудного) наудачу на тропиках
дело героическое...» (см. «Знамя», М. 1941, № 4, стр. 230).

Строка 14. Сион – «священная» гора в Иерусалиме, столице древнееврейского
государства.

Строка 72. Флорины и пезеты – флорентийские и испанские монеты.

Строка 114. Жижон – французское название испанского порта Хихон.

Строка 144. ...лучки травы волокни. – Сарагоссово (точнее – Саргассово) море
изобилует пловучими водорослями.

Строка 153. Сан-Сальвадор – остров в Саргассовом море, принадлежащий к группе
Багамских островов. Предполагают, что Сан-Сальвадор был первым островом,
открытым Колумбом во время путешествия.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строки 193–195. ...фокус со знаменитым Колумбовым яйцом. – Имеется в виду предание о находчивости Колумба, который сумел поставить яйцо стоймя, надколов его снизу.

Строка 231. «Мажестик» – название одного из крупнейших трансатлантических кораблей первой четверти XX века.

Тропики (стр. 39). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 36 (БММ); газ. «Красный Крым», Симферополь, 1926, № 156, 11 июля; журн. «Красная нива», М. 1926, № 36, 29 августа (вместе с тремя рисунками Маяковского, сделанными в Гаване и в Мексике); Сочинения, т. 5.

Написано после возвращения из Америки в мае – начале июля 1926 года.

В статье, опубликованной в мае этого же года, поэт привел одну из рифм стихотворения в качестве примера «поэтической заготовки».

«Хорошую поэтическую вещь можно сделать к сроку, только имея большой запас поэтических заготовок.

Например...

(окрашены) нагусто

(и дни и ночи) августа...

Способ грядущего их применения мне неведом, но я знаю, что применено будет все» (см. «Как делать стихи», в т. 12 наст. изд.).

Строка 25. Шантеклер – петух (франц.); персонаж из одноименной аллегорической пьесы французского драматурга Э. Ростана (1868–1918).

Мексика (стр. 41). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Огонек», М. 1926, № 1, 3 января; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Строка 77 печатается по тексту записной книжки: «сомбреро нахлобуча» вместо: «сомбреро нахлобучив».

В т. 5 Сочинений стихотворение датировано: «Мехико-Сити. 20/VI-1925». Месяц указан неправильно. Маяковский находился в Мексике с 8 по 27 июля, и стихотворение написано, очевидно, 20 июля 1925 года.

Газета «Эксцельсиор» (Мехико, 1925, 10 июля) напечатала интервью с Маяковским, в котором, ссылаясь на слова самого поэта, писала о его творческих планах: «...Он постарается выразить в своих стихах национальный дух нашего народа» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 234).

В афише об одном из выступлений поэта в декабре 1925 года стихотворение «Мексика» было объявлено под заглавием «Индийская история». Заслуживает внимания также выдержка из другой афиши (Москва, 19 декабря 1925 года): «...Моктецума – ястребиный коготь. Сто этажей. Маркита. Гав-ду-ю-ду. Бой быков...» Повидимому, речь идет здесь о двух частях стихотворения «Мексика»: первая из них – «Моктецума – ястребиный коготь» – посвящена историческому прошлому, а вторая – «Бой быков» – современной Мексике.

В журнале «Огонек» стихотворение было опубликовано вместе с шестью фотографиями, привезенными Маяковским из Мексики, и очерком, который представляет расширенный комментарий к стихотворению и фотографиям. Этот очерк публикуется отдельно (стр. 347). Читатель найдет в нем данные поэтом объяснения некоторых мексиканских выражений и собственных имен, вошедших в текст стихотворения (Кетцаль, пульке, Гватемок, Моктецума, Кортес, Чапультапек и др.).

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
В сб. «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» Маяковский также сделал к этому
стихотворению несколько примечаний, которые воспроизводятся ниже – см.
примечания к строкам 60, 67, 215, 277–279 и 286–288.

Строка 1. О, как эта жизнь читалась взасос! – В детстве Маяковский увлекался романами из жизни индейцев. «Я лет до двенадцати бредил индейцами по Куперу и Майн-Риду», – вспоминал он впоследствии (см. стр. 272).

Строка 6. Лассо (испанск.) – аркан для ловли животных.

Строка 8. Мустанг – одичавшая лошадь в степях Америки.

Строка 16. Мокасины – род обуви у индейцев.

Строка 18. Бульдог – система револьвера.

Строки 33–35. И берет набитый «Лефом» чемодан. – Стремясь познакомить прогрессивных зарубежных деятелей культуры с редактируемым им журналом «Леф» («Левый фронт»), Маяковский во время поездок за границу обычно брал с собой большое число экземпляров этого журнала.

Строки 36–43. Монтигомо Ястребиный Коготь...«Бледнолицый Брат». – Прозвища увлекавшихся «индейскими» романами гимназистов – героев рассказа А. П. Чехова «Мальчишки».

Строки 48–50. ...стрелами, отравленными в Кутаисе...– В г. Кутаисе (Кутаиси) прошли отроческие годы поэта.

Строка 60. ...гачупины с гринго – испанцы, американцы – презрительные мексиканские прозвища.

Строка 67. Пульке – полуводка.

Строка 69. Сантим (точнее – сентаво) – мелкая монета в Мексике.

Строка 77. Сомбреро – широкополая шляпа.

Строка 105. ...вторая сестра Элладова. – Эллада – древняя Греция.

Строки 112–114. ...Изабелла, жена короля Фердинанда. – Имеются в виду завершившие объединение Испании арагонский король Фердинанд (1452–1516) и кастильская королева Изабелла (1451–1504), в годы царствования которых началась испанская колонизация Америки.

Строка 132. ...двумордые идолы – индейские боги ветра, изображаемые с двумя лицами.

Строки 154–157. Он умер, чтоб в бронзе веками стоять наискосок от полпредства. – Около памятника Гватемоку помещалось здание советского полпредства (полномочного представительства) в Мексике.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Строки 186–189. ...в какой труппе теперь найдешь сарапе и Гвадалупу? – Сарапе – старинная национальная верхняя одежда мексиканцев. Гвадалупа (точнее – Гвадалупе) – здесь: название традиционного в Мексике образа богоматери.

Строки 190–191. Что Рига, что Мехико – родственный жанр. – За три года до поездки в Америку Маяковский посетил Латвию, которая в те время была буржуазным государством.

Строка 197. «Смит и Вессон» – система револьвера.

Строка 215. Чапультапек – сад в Мехико.

Строка 261. Камарада (испанск.) – товарищ.

Строки 268–270. ...ацтек, метис и креол. – Ацтеки – индейская народность, сыгравшая большую роль в истории страны; креолы – потомки испанцев, завоевавших Мексику; метисы – потомство от смешанных браков между индейцами и испанцами, составляют основную часть населения страны.

Строка 276. Запата (точнее – Сапата), Эмильяно (1877–1919) – один из вождей крестьянского революционного движения в Мексике, предательски убитый реакционерами.

Строки 277–279. Гальван, Морено, Карйо – коммунисты Мексики.

Строки 286–288. Скорей над мексиканским арбузом, багровое знамя, взметись! – Цвета мексиканского знамени – цвета арбуза: зеленый, белый, красный.

Богомольное (стр. 49). Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 46, 23 февраля; журн. «Новый мир», М. 1926, № 6, июнь; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка», сб. «Антирелигиозный чтец-декламатор», изд. «Безбожник», М. 1929.

Написано, как это можно установить по расположению автографа в записной книжке, между 20 и 27 июля в Мексике.

На литературных вечерах поэт иногда изменял заглавие этого стихотворения, называя его «Собор» и «Донна Эсперанца Хуан де Лопец».

Строка 18. Кафедраль – центральный собор епархии.

Строка 27. «Площадь Сокола» – точнее площадь Сóкало (от испанск. zócalo – цоколь, пьедестал). На этой площади в течение долгого времени оставался пьедестал разрушенного народом памятника испанскому королю Карлу IV.

Строка 30. Пакард – марка автомобиля американской фирмы.

Строка 85. ...в пумовой ярости. – Пума – хищное животное из семейства кошачьих.

Мексика – Нью-Йорк (стр. 53). Журн. «Шквал», Одесса, 1926, № 25, 26 июня (под названием «От кактусов до железа»); Сочинения, т. 5.

Строка 35 печатается по тексту журнала «Шквал»: «шпалы сыпятся» вместо: «шпалы сыплются».

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Написано в январе – начале июня 1926 года. (В середине июня Маяковский сдал это
стихотворение в журнал «Огонек», но там оно не было опубликовано.)

Строка 10. Ларедо – город на границе Мексики и США; пограничная река делит его
на две части – мексиканскую и американскую.

Строки 26–31. И сразу рябит тюрьма решета вам для знакомства для первого. – В
Ларедо Маяковский провел несколько часов в «комнате с решетками» (см. стр. 292).

Следует отметить, что в эти строки, возможно, вкралась ошибка при опубликовании
стихотворения (рукопись его не сохранилась). Можно предположить, что они должны
быть прочитаны так: «И сразу рябит тюрьма-решето»...

Строки 46–48. «Сан Луис», «Мичиган», «Иллинойс» – названия штатов.

Строки 55–56. «Твэнти-сёнчери экспресс» – экспресс «Двадцатый век», название
поезда.

Строка 58. Репид – скорый поезд.

Бродвей (стр. 55). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ);
журн. «Красная нива», М. 1926, № 4, 24 января вместе с двумя фотографиями,
привезенными Маяковским из Америки; «Испания, Океан, Гавана, Мексика, Америка»;
Сочинения, т. 5.

Датировано в журнале «Красная нива»: «6 августа. Нью-Йорк».

Впервые прочитано поэтом на вечере в Нью-Йорке 14 августа

1925 года под заглавием «Нью-Йорк». Из афиш выступлений Маяковского известны
также другие варианты заглавия: «Гав-ду-ю-ду» и «Мать моя мамочка».

Напечатано в журнале «Красная нива» с примечаниями Маяковского, которые
воспроизводятся ниже – см. примечания к строкам 32, 34, 45, 51, 53, 73–75 и 90.

Строка 32. Чуингам – жвачка, которую жует вся Америка.

Строка 34. «Мек моней?» – «Делаешь деньги?» – вместо привета.

Строка 45. Бизнес – дело.

Строка 51. Собвей – подземная городская железная дорога.

Строка 53. Элевейтер – воздушная городская железная дорога.

Строка 65. Гудзон – река, при устье которой стоит Нью-Йорк.

Строки 73–75. Кофе Максвел гуд ту ди ласт друп. – Реклама Нью-Йорка: «Кофе
Максвел хорош до последней капли».

Строка 90. Гау ду ю ду – привет при встрече.

Свидетельствую (стр. 58). Беловой автограф в записной книжке 1926 г., № 34
(БММ); журн. «Красная нива», М. 1926, № 17, 25 апреля; Сочинения, т. 5.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Напечатано в журнале с двумя фотографиями: 1. Индейцы в Нью-Йорке (на снимке – индейцы на крыше небоскреба); 2. Современная Америка. Улица в Детройте. Новые небоскребы.

Написано после возвращения из Америки, в январе – апреле 1926 года.

Строка 9. «Пенсильвэния Стэйшен» – Пенсильванский вокзал в Нью-Йорке.

Строки 10–12. Им Кулиджи пару пальцев суют. – Поэт иронизирует над одной из формально-демократических традиций в США: каждый американский гражданин имеет право в определенный день посетить президента и пожать ему руку. Кулидж, Калвин – президент США в 1923–1929 годах.

Строки 39–42. Тишь да гладь да божья благодать – сплошное луначарство. Маяковский имеет в виду, что А. В. Луначарский, известный широтой своих эстетических взглядов, порой одинаково благожелательно относился к представителям полемизировавших друг с другом литературно-художественных группировок.

Строка 51. Жаров А. А. (р. 1904) – советский поэт.

Строки 55–60. Придет и расскажет на весь вигвам, в чем красота жизни. – Вигвам (род шалаша) – жилище североамериканских индейцев. В этих строках, возможно, содержится намек на состоявшийся 17 марта 1926 года в Москве публичный диспут на тему «В чем красота и смысл жизни?»

Строки 80–81. ...деда, искателя скальпов. – Скальп – кожа с волосами, снятая с головы побежденного врага.

Барышня и Вульворт (стр. 62). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Экран», М. 1925, № 37, 25 декабря; газ. «Красная Татария», Казань, 1926, № 31, 7 февраля; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

В журнале напечатано с двумя фотографиями: 1. «Вульворт, самый высокий небоскреб в Нью-Йорке (57 этажей), сплошь занятый конторами»; 2. «...И чудится девушке...» (на снимке – Маяковский у витрины магазина. За стеклом сидит девушка).

Строки 3 и 88 печатаются по тексту записной книжки № 33: «Бегня и гулево» вместо: «Бегня и гуллево» и: «Девушке мнится» вместо: «Девушке снится».

Строка 14 печатается по тексту журн. «Экран»: «тайпистки» вместо: «тописты».

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 10 сентября 1925 г. (10 сентября впервые прочитано на вечере в Нью-Йорке).

12 сентября прочитано вторично во время выступления в Куни-Айланде. В газетном отчете по этому поводу говорится: «Маяковский прочел одно из своих последних стихотворений «Вульворт бильдинг», и это вызвало шумное одобрение» (еврейская коммунистическая газета «Фрайгайт», Нью-Йорк, 1925, № 170, 20 сентября).

Напечатано в журнале со следующими примечаниями Маяковского:

Строка 14. Тайпистки – машинистки.

Строки 17–18. «Дрэгс сода грет энд фэймус кóмпани нейшенал». – «Великая и знаменитая национальная компания шипучих напитков» – название парфюмерного магазина, при котором всегда имеется стойка для питья вод и еды мороженого.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строки 72–73. «Óпен, óпен ди дор» – Открой, открой дверь.

Строка 82. «Ай лов ю» – я люблю вас.

Строка 90. «Май гóрл» – Моя девочка.

Строка 101. Волстрит – улица банков в Нью-Йорке.

Небоскреб в разрезе (стр. 66). Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Красная нива», М. 1926, № 1, 3 января; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Строка 46 печатается по тексту записной книжки: «над очагом» вместо: «под очагом».

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 10 сентября 1925 года (10 сентября Маяковский впервые читал эти стихи под заглавием «Внутри небоскреба» на вечере). В записной книжке под текстом имеется дата: «16/Х-21». Дата, проставленная фиолетовыми чернилами (текст стихотворения написан черными), либо вообще не имеет отношения ко времени окончания стихотворения, либо является результатом ошибки. В последнем случае ее можно понять как «16 августа».

В начале августа (не позже 8 августа) Маяковский в беседе с американским писателем Майклом Голдом высказал некоторые идеи, легшие в основу стихотворения «Небоскреб в разрезе» (запись этой беседы см. в т. 13 наст. изд.).

Кроме того, уже в первые дни по приезде в Нью-Йорк Маяковский внес в записную книжку набросок строфы, который представляет начальный вариант заключительной строфы стихотворения «Небоскреб в разрезе» (см. в разделе «Варианты и разночтения», стр. 420). Этот вариант записан перед черновиком стихотворения «Бродвей», законченного 6 августа 1925 года.

В афише одного из литературных вечеров поэта стихотворение было объявлено под заглавием «Сто этажей».

Строки 81–82. ...чтоб Кúлидж дал развод, детективы...– Кулидж – см. примечание к стих. «Свидетельствую». Детективы – сыщики. Для развода в США требуется доказать «измену» одного из супругов, для чего прибегают к услугам частных сыскных агентов.

Порядочный гражданин (стр. 70). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 49, 26 февраля; журн. «Новый мир», М. 1926, № 3, март; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября 1925 года.

В афише одного из литературных вечеров Маяковского стихотворение было названо «Статуя свободы».

В журнале опубликовано с примечаниями Маяковского, которые воспроизводятся ниже (см. примечания к строкам 24, 32, 51, 69, 89 и 91).

Строка 24. Бусы – автобусы.

Строка 32. Элевейтер – воздушная железная дорога.

Строка 51. Кúни-Айланд – остров увеселений.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строка 52. Луна-парк – сад с развлекательными аттракционами.

Строка 64. Отель Плаза – одна из роскошнейших гостиниц Нью-Йорка.

Строка 69. Сенк'ю – благодарствую.

Строки 76–80. ...барабаны «армий спасения» вашу в мир трубят добродетель. – «Армия спасения» – реакционная религиозно-филантропическая организация, имеющая ответвления во многих странах. Финансируется крупными капиталистами. «Армия» организована по военному образцу и устраивает своеобразные демонстрации, сопровождаемые барабанным боем.

Строка 88. Ризница – помещение при храме для церковной утвари.

Строка 89. Менаджер – представитель, организатор.

Строка 90. Поп Платон – митрополит Платон Рождественский, был в то время главой православной церкви в США.

Строка 91. Клоб – палка полицейского.

Строка 95. Кулидж – см. примечание к стих. «Свидетельствую», (стр. 481).

Строки 103–107. ...пялит руку ваша свобода над тюрьмой Элис-Айланд. – Имеется в виду гигантская статуя женщины с факелом в поднятой руке, олицетворяющая свободу. Статуя стоит на небольшом островке Бедлоу при въезде в ньюйоркский порт. Рядом, на острове Элис-Айланд, находится пункт проверки лиц, въезжающих в США. Своим режимом этот пункт напоминает тюрьму, и Элис-Айланд известен под названием «Острова слез».

Вызов (стр. 73). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); газ. «Коммунист», Харьков, 1926, № 36, 14 февраля; газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 45, 22 февраля; «Красная газета», вечерний выпуск, л. 1926, № 130, 4 июня; журн. «Шквал», Одесса, 1926, № 26, 3 июля.

Печатается по тексту «Красной газеты».

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября 1925 года. Имеются основания предполагать, что стихотворение написано еще в августе, поскольку в нем говорится: «Сплюнул я, не доев и месяца вашу доблесть, законы, вкус». Из этих строк явствует, что к моменту их написания поэт пробыл в США менее месяца. (Дата въезда в США – 27 июля.)

Известны варианты заглавия стихотворения «Вызов»: «Злоба» и «Первое предостережение».

Публиковалось в журнале с примечаниями Маяковского – см. примечания к строкам 10, 70, 74, 96.

Строка 10. Риверсайд – богатая часть города (Нью-Йорка).

Строки 16–17. ...впереди американский флот. – Риверсайд (букв. речная сторона) расположен на берегу реки Гудзон.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Строки 20–22. Ники Картеры мою не доглядели визу. – Ник Картер – персонаж
детективной литературы, ловкий сыщик.

Строка 68. прогибишен – запрещение (англ.); здесь – закон о запрещении торговли вином.

Строка 70. «Белая лошадь» – марка водки-виски.

Строка 74. Депортация – высылка.

Строки 86–88. Вандерлип, Рокфеллер, Форд – американские миллиардеры.

Строка 96. Порфира – см. примечание к стих. «Атлантический океан» (стр. 471).

Строка 96. Бродвей – ярчайшая улица Нью-Йорка.

100% (стр. 76). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Новый мир», М. 1926, № 1, январь; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября.

Впервые прочитано под названием «Ол райт» во время выступления Маяковского в Нью-Йорке 4 октября 1925 года. В газетном отчете об этом выступлении поэта говорилось: «Что его особенно поразило в этой стране, так это флегматичное поведение наших жителей... Временами ему казалось, что американцы совсем утеряли молодой, полный сил энтузиазм тех дней, когда они были в этой стране пионерами...» («Нью-Йорк Таймс», Нью-Йорк, 1925, 11 октября.)

Строка 1. Шеры – акции.

Строка 15. Ол райт – все правильно (прим. Маяковского в сб. «Испания...»).

Строка 86. Кольт – система револьвера.

Американские русские (стр. 80). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); «Новая вечерняя газета», Л. 1926, № 8, 9 января; газ. «Известия Одесского окружкома КП(б)У, окрисполкома и ОПБ» (вечерний выпуск), Одесса, 1926, № 804, 20 января; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября 1925 года.

Известны следующие варианты заглавия: «Русский язык в Нью-Йорке», «Одесса и Нью-Йорк», «Их язык», «Одесса-отец».

Читая это стихотворение во время своих выступлений в СССР, Маяковский, по свидетельству П. И. Лавута, рассказывал:

«– Все языки в Америке перемешались. Например, английский понимают все, кроме англичан. Русские называют трамвай – стриткарой, угол – корнером, квартал – блоком... Еврей прибавляет к английскому и русскому еще некоторые слова. Иногда получаются такие переводы: «беру билет с менянием пересядки...»

Слова Каплана из стихотворения он произносил с легким акцентом, очень мягко утрируя интонацию и подчеркивая их жестами. Особенно смешно получалось у него слово «тудой»: он на несколько секунд растягивал конечное «ой» и произносил его нараспев... Он читал «сюдой», хотя в книгах стоит «судой».

Под конец открыто и широко в своей обычной манере:

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Горланит
по этой Америке самой
стоязыкий
народ-оголтец, –
– и затем, сразу переходя на разговорную речь в стиле самого Каплана:

уж если
Одесса – Одесса-мама,
то Нью-Йорк –
Одесса-отец,
– резко обрывая, как бы отбрасывая последние два слова в публику» (П. Лавут,
Маяковский едет по Союзу, журн. «Знамя», 1940, № 4–5, стр. 202–203).

Строка 26. Дрогс ликет (американизм) – аптека.

Строка 28. Пинта – единица измерения жидкостей.

Строка 31. Севен оклок (англ.) – семь часов.

Строка 51. Вест – запад.

Строка 53. Ист – восток.

Строки 54–59. Здесь, извольте видеть, «джаб», а дома «цуп» да «цус». С насыпи язык летит на полном спуске. – Говоря о том, что выходцы из России называют свою работу английским словом «джаб», Маяковский одновременно высмеивает чрезмерно распространившееся в то время в СССР употребление сокращенных названий учреждений (ЦУП, ЦУС и т. п.).

Стихотворение напечатано в сборнике «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» со следующими примечаниями Маяковского:

Строка 9. Апойнтман – свидание.

Строка 12. Апартман – квартира.

Строка 13. Блок – квартал.

Строка 17. Стриткара – трамвай.

Строка 20. Трен – поезд.

Строка 22. Тикет – билет.

Строка 25. Корнер – угол.

Строка 29. Бутлегер – торговец спиртом.

Строка 37. Бордер – квартирант.

Строка 38. Джаб – работа.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строка 45. Офис – место службы.

Бруклинский мост (стр. 83). Беловой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (строки 141–152 записаны отдельно) (БММ); журн. «Прожектор», М. 1925, № 24, 31 декабря (с фотоснимком Бруклинского моста); «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Строка 140 печатается по тексту сб. «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»: «взлетали по аэро» вместо: «взлетели по аэро».

Написано в Нью-Йорке между 6 августа и 20 сентября.

Четырнадцатая строфа стихотворения («Здесь жизнь была одним – беззаботная, другим – голодный протяжный вой. Отсюда безработные в Гудзон кидались вниз головой») записана в книжке № 33 на отдельной странице и другими чернилами. Повидимому, поэт написал эту строфу позднее. Об этом свидетельствует и статья ньюйоркской газеты, в которой уже после отъезда Маяковского из США говорилось об одном из его выступлений: «Когда Маяковский прочел пред многочисленной рабочей аудиторией Нью-Йорка свое новое стихотворение «Бруклинский мост», в котором поэт выразил восхищение гигантской техникой человеческого гения, кто-то с балкона бросил:

– Не забудьте, товарищ Маяковский, что с этого же моста часто безработные бросаются в воду, разочарованные и измученные жизнью» (Зах. Гисенькин, Два Нью-Йорка. «Русский голос», Нью-Йорк, 1925, № 3680, 13 декабря, воскресное приложение).

Заглавие. Бруклинский мост в Нью-Йорке – в те годы один из крупнейших мостов мира (общая протяженность 2,5 км., длина пролета – 486 м.).

Строка 1. Кулидж – см. примечание к стих. «Свидетельствую», стр. 481.

Строки 9–11. Юнайтед стетс оф Америка (англ.) – Соединенные Штаты Америки.

Строка 55. Элевейтер – см. примечание к стих. «Бродвей», стр. 480.

Строки 64–68. Когда ж, казалось, с под речки начатой развозит с фабрики сахар лавочник...– В этих строках необычный порядок слов, нередко затрудняющий их понимание. Смысл строк таков: «Когда ж лавочник развозит сахар с фабрики, казалось, начатой с под речки...» (т. е. стоящей на самом берегу реки).

Строки 95–105. ...как из косточек, тоньше иголок, тучнеют в музеях стоящие ящеры, так с этим мостом столетий геолог сумел воссоздать бы дни настоящие. – Эти и дальнейшие (106–152) строки перекликаются с высказыванием Карла Маркса: «Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций» (К. Маркс, Капитал, кн. 1, Госполитиздат, М. – Л. 1952, стр. 187).

Строки 122–127. ...став стальной ногой на Мангётен, к себе за губу притягивать Бруклин? – Мангетен – остров, на котором расположена центральная часть Нью-Йорка; Бруклин – один из основных районов Нью-Йорка. Бруклин отделяет от Мангетена рукав реки Гудзон – Ист-Ривер, через который и переброшен Бруклинский мост.

Кемп «Нит гедайге» (стр. 88). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Красная новь», М. 1926, № 2, февраль; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5; «Мы и прадеды».

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строка 59 печатается по тексту журн. «Красная новь»: «с мостища с этого» вместо: «с мостищи с этого».

Датировано в журнале «Красная новь»: «20.IX. Нью-Йорк».

В этом же журнале есть следующее примечание Маяковского: «Кемп – лагерь (англ.); «Нит гедайге» – «Не унывай» (еврейск.) – название летнего рабочего поселка, организованного под Нью-Йорком еврейской комгазетой «Фрайгайт».

Строки 6–8. Я лежу, – палатка в кемпе «Нит гедайге». – Маяковский неоднократно приезжал в лагерь в конце августа – сентябре 1925 года. «Он неутомимо читал свои стихи перед внимательной рабочей аудиторией, его львиный голос часто раздавался над горами, над рекой Гудзоном», – вспоминал один из участников этих встреч (Шахно Эпштейн, Встречи с Владимиром Маяковским, журн. «Червоний шлях», Харьков, 1930, № 5–6, июнь, стр. 148).

Строка 82. Кулидж – см. примечание к стих. «Свидетельствую», стр. 481.

Строка 99. М. К. Х. – Московское коммунальное хозяйство (отдел Моссовета).

Домой! (стр. 92). Черновой автограф в записной книжке 1925 г., № 33 (БММ); журн. «Молодая гвардия», М. 1926, № 1, январь; газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 43, 19 февраля; «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка»; Сочинения, т. 5.

Начато по пути из Нью-Йорка в Гавр на пароходе «Рошамбо» (28 октября – 5 ноября 1925 года) и закончено уже после возвращения поэта в Москву. Стихотворение не датировано, но время его окончания можно установить из сопоставления двух фактов. Две последних строфы стихотворения связаны с отчетным докладом Центрального Комитета на XIV съезде ВКП(б), который был сделан И. В. Сталиным 18 декабря 1925 года. 19 декабря Маяковский прочитал стихотворение «Домой!» (под заглавием «Маркита») на вечере в Политехническом музее. Исходя из этого, можно заключить, что стихотворение «Домой!» закончено 18–19 декабря 1925 года.

В журнале и газете стихотворение было опубликовано с четырнадцатой заключающей строфой, которая впоследствии была отброшена поэтом. В 1928 году Маяковский писал об этом: «Нюющее делать легко – оно щиплет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом параллельными нюющими воспоминаниями. Одному из своих неуклюжих бегемотов-стихов я приделал такой райский хвостик:

Я хочу быть понят моей страной,
А не буду понят –
что ж.

По родной стране
пройду стороной,
Как проходит
косой дождь.

Несмотря на всю романсовую чувствительность (публика хватается за платки), я эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвал» (см. «Письмо Равича и к Равичу» в т. 12 наст. изд.).

Помимо заглавия «Маркита», из афиш вечеров поэта известны также два других варианта заглавия стихотворения «Домой!»: «Возвращение» и «Заданья на год».

Строки 56–62. ...слов ржавеет сталь, чернеет баса медь. Почему под иностранными дождями вымокать мне, гнить мне и ржаветь? – Длительное заграничное путешествие вызвало у поэта чувство глубокой тоски по родине. Позднее он вспоминал в своей автобиографии «Я сам»: «...После полугода езды пулей бросился в СССР. Даже в Сан-Франциско (звали с лекцией) не поехал» (т. 1 наст. изд., стр. 27). Незадолго до отъезда из Нью-Йорка Маяковский телеграфировал Л. Ю. Брик: «Очень скучаю... Здесь отвратительно» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 449).

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Строки 111–112. ...выше довоенной нормы...– то есть выше уровня 1913 года,
последнего года перед первой мировой войной.

Стихотворения (1926)

Краснодар (стр. 96). Журн. «Красная нива», М. 1926, № 24, 13 июня (под заглавием
«Собачья глушь»); «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 5.

В журнале напечатано с посвящением Л. Ю. Брик.

Связано с поездкой в Краснодар 12–15 февраля 1926 года.

По словам одного из присутствовавших на вечере Маяковского в Краснодаре, «когда
он признался, что пишет стихи об этом городе, с разных мест понеслось:

– Прочтите их, прочтите!

– Нет, товарищи, стихотворение только вылупляется» (журн. «30 дней», М. 1937, №
4).

Строка 38. Этцетера (латинск.) – и прочее.

Строго воспрещается (стр. 98). Беловой автограф в записной книжке 1926 г., № 34
(БММ); газ. «Известия Одесского окружкома КП(б)У, окрисполкома и ОПБ», вечерний
выпуск, Одесса, 1926, № 931, 24 июня; журн. «Красная нива», М. 1926, № 30, 25
июля; Сочинения, т. 5.

В первой публикации датировано: «Одесса 23.VI.26 г.» Однако стихотворение
написано раньше. Уже в конце февраля 1926 года оно было сдано в газ. «Заря
Востока» (Тбилиси); напечатано там не было (см. В. Катанян, Маяковский.
Литературная хроника, Государственное издательство художественной литературы, М.
1956, стр. 262–263).

В статье «А что вы пишете?» Маяковский заявляет:

«Настоящая поэзия всегда, хоть на час, а должна опередить жизнь. Я стараюсь
сейчас писать как можно меньше, выбирая сложные, висящие в воздухе вопросы, –
чиновничество, бюрократизм, скука, официальщина.

Этот ряд стихов я начал с маленького «Строго воспрещается», выходящего в
«Красной ниве». Это стих о вывеске краснодарского вокзала «Задавать вопросы
контролеру строго воспрещается» (см. т. 12 наст. изд.).

Сергею Есенину (стр. 100). Беловой автограф (БММ); газ. «Заря Востока», Тифлис,
1926, № 1152, 16 апреля; отдельное издание; газ. «Ленинградская правда», 1926, №
117, 23 мая; газ «Смена», Л. 1926, № 117, 23 мая; журн. «Новый мир», М. 1926, №
5, май; Сочинения, т. 5.

Маяковский работал над стихотворением около трех месяцев (см. статью «Как делать
стихи?» в т. 12 наст. изд.). Рукопись сдана в издательство «Заккнига» 25 марта
1926 года.

Стихотворение «Сергею Есенину» Маяковский считал «наиболее действенным» из своих
стихов первой половины 1926 года. «Для него, – писал поэт, – не пришлось искать
ни журнала, ни издателя, – его переписывали до печати; его тайком вытащили и
напечатали в провинциальной газете, чтения его требует сама аудитория, во время
чтения слышны летающие мухи, после чтения люди жмут лапы, в кулуарах бесятся и
восхваляют, в день выхода появилась рецензия одновременно из ругни и
комплиментов» («Как делать стихи?», см. т. 12 наст. изд.).

В той же статье, представляющей собой очень ценный авторский комментарий к
стихотворению, Маяковский рассказывает, «как работался этот стих».

«...Конец Есенина, – писал Маяковский, – огорчил, огорчил обыкновенно,
по-человечески... но утром газеты принесли предсмертные строки:

В этой жизни умереть не ново,
Но и жить, конечно, не новей...

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
После этих строк смерть Есенина стала литературным фактом.

Сразу стало ясно, скольких колеблющихся этот сильный стих, именно – стих подведет под петлю и револьвер.

И никакими, никакими газетными анализами и статьями этот стих не аннулируешь.

С этим стихом можно и надо бороться стихом, и только стихом»...

«...Осматривая со всех сторон эту смерть и перетряхивая чужой материал, – я сформулировал и поставил себе задачу... обдуманно парализовать действие последних есенинских стихов, сделать есенинский конец неинтересным, выставить вместо легкой красоты смерти другую красоту, так как все силы нужны рабочему человечеству для начатой революции, и оно, несмотря на тяжесть пути, на тяжелые контрасты нэпа, требует, чтобы мы славили радость жизни, веселье труднейшего марша в коммунизм».

В другой статье («А что вы пишете?»), рассказав о своих последних стихах, посвященных борьбе за качество поэзии, Маяковский продолжает:

«Рядом с этой работой приходится выполнять и работу, потребованную нашими днями:

Стихотворение «Сергею Есенину», имеющее целью разбить поэтическую цыганщину и пессимизм...»

Строки 1–3. Вы ушли, как говорится, в мир в иной. – Выдающийся советский поэт Есенин, Сергей Александрович (1895–1925), покончил с собой 27 декабря 1925 года.

Приведя в статье «Как делать стихи?» несколько вариантов первых трех строк стихотворения, Маяковский пишет: «И вот окончательная редакция: «Вы ушли, как говорится, в мир в иной». В томе 5 Сочинений осталось: «в мир иной». Здесь эта строка печатается по тексту «Как делать стихи?».

Строки 16–20. Вижу – взрезанной рукой помешкав, собственных костей качаете мешок. – Есенин повесился, написав предсмертное письмо кровью из вскрытой вены.

Строки 41–42. ...а главное, что смычки мало. – Смычка – термин, выразивший в первые годы после революции идею союза рабочего класса с крестьянством («смычка города с деревней»).

Строки 45–48. Дескать, заменить бы вам богему классом...– «Богемой» в буржуазном обществе называют людей «свободных профессий» (писателей, художников, артистов), ведущих беспорядочный, рассеянный образ жизни. «Слово «богема» стало нарицательным для всякой художественно-обывательской бытовщины», – писал Маяковский («Как делать стихи?»).

Строки 56–58. Дескать, к вам приставить бы кого из напостóв...– Напостовцы – писатели и критики, группировавшиеся вокруг журнала «На посту» (с 1925 года – «На литературном посту»), руководящего органа РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей); считали себя призванными направлять развитие всего литературного процесса в СССР и нередко применяли «методы» командования вопреки указаниям партии о необходимости проявлять тактичность по отношению к литературным группам и объединениям, близким Советской власти.

Строки 66–68. ...утомительно и длинно, как Доронин. – Доронин, И. И. (р. 1900) – советский поэт, опубликовал в 1925 году поэму «Тракторный пахарь». В статье «Как делать стихи?» Маяковский писал: «4000 строк Доронина поражают однообразием 16 тысяч раз виданного словесного и рифменного пейзажа».

Строка 84. «Англетер» – гостиница в Ленинграде, в которой покончил с собой Есенин.

Строки 111–112. И несут стихов заупокойный лом...– Смерть Есенина вызвала широкий отклик в литературе. «Появились стихи, воспоминания, очерки и даже драмы. По-моему, 99% написанного об Есенине просто чушь или вредная чушь» («Как делать стихи?»).

Строки 134–135. ...ваше слово слюнявит Собинов...– Собинов, Л. В. (1872–1934) – выдающийся русский певец; выступал 18 января 1926 года на вечере памяти Есенина в МХАТе. Объясняя свой полемический выпад, Маяковский, по словам П. И. Лавута, говорил:

«Вскоре после смерти Есенина в помещении Художественного театра состоялся вечер его памяти. На фоне тощей, надломившейся березки выступали с «прочувствованными» речами ораторы. Затем Собинов тоненьким голоском запел: «Ни слова, о друг мой, ни вздоха, мы будем с тобой молчаливы»... хотя молчалив был один Есенин, а Собинов продолжал петь. Вот вся эта обстановка произвела на меня удручающее впечатление» (журн. «Знамя». 1940, № 4–5, стр. 209–210).

Строки 138–140. «Ни слова, о друг мой, ни вздоха». – Романс П. И. Чайковского на слова А. Н. Плещеева.

Строки 141–144. Эх, поговорить бы иначе с этим самым Леонидом Лознгриным! – Одной из лучших ролей Леонида Витальевича Собинова считалась роль Лознгина в одноименной опере Вагнера.

Строки 160–165. ...чтобы врассыпную разбежался Коган, встреченных калеча пиками усов. – Коган, П. С. (1872–1932) – советский критик и историк литературы. В статье «Как делать стихи?» Маяковский подчеркивает, что образ Когана в стихотворении является собирательным.

Строки 206–210. В этой жизни помереть не трудно. Сделать жизнь значительно трудней. – Перефразировка последних строк предсмертного стихотворения Есенина: «В этой жизни умереть не ново, но и жить, конечно, не новей».

Марксизм – оружие, огнестрельный метод. Применяй умючи метод этот! (стр. 106). Беловой автограф (БММ); «Журналист», М. 1926, № 5, май; Сочинения, т. 5.

Датировано в автографе: «19.IV.26». Судя по автографу, Маяковский предполагал предпослать стихотворению два эпитафия:

«1. То самое затаенное, что думал Пушкин о Радищеве, о Пестеле, о декабристах и революции, но чего сказать не мог своим современникам в форме ясного бытового сюжета, он передал в картинах и образах из египетской жизни, превратив Сенатскую площадь в ложе Клеопатры, а первые смертельные поцелуи русской свободы в поцелуи любви, оплаченной смертью (Л. Войтоловский, Ист. Русск. Лит., ч. I, стр. 5).

2. Какое разнообразие животного царства проходит перед воображением читателя, когда он перелистывает страницы Ф. Гладкова! Поросенок, цапля, кошка, змея, орел, мопс, паук, сорока, голубь, индюк, ворона, теленок, цыпленок, галка, собака, медведь, вол, жеребец, ястреб, петух, кабан, лягушка, саранча, пиявка, волчица и многие другие, которых я не выписал (В. Вешнев, газ. «Известия ЦИК», 18/IV 1926 г.)».

Обе эти цитаты, предназначавшиеся, очевидно, для иллюстрации разоблачаемых в стихотворении методов вульгаризаторской критики, зачеркнуты.

Стихотворение является откликом на дискуссию «Наша критика и библиография», развернувшуюся в 1926 году на страницах журнала «Журналист».

Напечатано в разделе «Дискуссия» под рубрикой «Писатели о критике», со сноской: «см. «Журналист», №№ 1 и 4».

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Редакция «Журналиста» провела в 1925–1926 годах две анкеты: 1. «Что говорят
писатели о постановлении ЦК» (1925, № 8–9 и 10), 2. «Наша критика и
библиография» (1926, № 1, 4).

В резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от
18 июня 1925 года, о которой идет речь, указывалось: «Марксистская критика
должна решительно изгонять из своей среды всякое претенциозное, полуграмотное и
самодовольное комчванство... давать отпор всякой макулатуре и отсебятине в своей
собственной среде».

Строки 1–4. Штыками двух столетий стык закрепляет рабочая рать. – В декабре 1925
года исполнилось сто лет со дня восстания декабристов.

Строки 67–69. Целые хоры небесных светил и ни слова об электрификации;

и строки 85–89. ...светила у Лермонтова ходят без ветрил, а некоторые – и без
руля. – Имеются в виду следующие строки из поэмы «Демон» (ч. I, XV):

На воздушном океане
Без руля и без ветрил –
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.
В статье «А что вы пишете?» Маяковский говорит:

«Интересно, что мои язвительные слова относительно Лермонтова – о том, что у
него «целые хоры небесных светил и ни слова об электрификации», изрекаемые в
стихе глупым критиком, писавший отчет в «Красной газете» о вечерах Маяковского
приписывает мне, как мое собственное недотепистое мнение. Привожу это как
образец вреда персонификации поэтических произведений» (см. т. 12 наст. изд.).

Строка 84. ...милюковски юля. – Милюков, П. Н. (1859–1943) – один из лидеров
русской буржуазии, глава партии кадетов, член Временного правительства в 1917
году. Стремясь согласовать интересы буржуазии с интересами царизма, Милюков
лабировал между правым и «левым» крылом своей партии.

Строка 96. Эдем (библейск.) – рай.

Строка 97. Смычка – см. примечание к стих. «Сергею Есенину» (стр. 492).

Строка 126. Аллитерация – повторение однородных согласных в словах, входящих в
строфу или фразу, для усиления ее выразительности.

Строки 154–157. Лежнев зарадуется – «он про Вешнева». Вешнев – «он про Лежнева».
– Лежнев, А. З. и Вешнев, В. Г. – советские критики и литературоведы.

Первомайское поздравление (стр. 111). Беловой автограф (БММ); авторизованная
машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», м.
1926, № 100, 1 мая; «Красная газета», утренний выпуск, л. 1926, № 100, 1 мая;
Сочинения, т. 5.

В машинописной копии, «Известиях» и томе 5 напечатано без разбивки на
стихотворные строки, как прозаический текст. В беловом автографе и тексте
«Красной газеты» имеет обычную для Маяковского разбивку на строки «лесенкой».

На четвертой, свободной от текста, странице автографа и в машинописной копии
имеется следующее примечание Маяковского: «В целях эстетики и экономии бумаги
пробую стихи печатать без разделов на строчки» (зачеркнуто в машинописной
копии).

Строки 6–7. ...а кругом пока – толпа беспризорных...– В результате первой мировой
Страница 212

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский войны, иностранной интервенции и голода в Поволжье в 1921–1922 годах в Советском Союзе к середине двадцатых годов насчитывалось несколько сот тысяч беспризорных (см. также стихотворение «Беспризорщина», стр. 170).

Строка 14. Наводнение видели? – Весной 1926 года большинство рек Европейской России вышло из берегов. Наводнение было одним из сильнейших за много лет.

Строка 15. Режим экономии. – В апреле 1926 года ЦК ВКП(б) принял резолюцию о режиме экономии, в которой призвал к борьбе с излишествами во всех областях социалистического строительства и советской жизни.

Строки 25–26....если есть свободные три дня подряд. – В 1926 году Первомайский праздник длился три дня: субботу (1 мая), воскресенье и понедельник.

Четырехэтажная халтура (стр. 112). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 34 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1926, № 101, 5 мая; Сочинения, т. 5.

В настоящем издании в текст 5 тома Сочинений внесено исправление ошибки: в строке 73 вместо «под заглавьем» – «под заглавием».

Этим стихотворением начинается сотрудничество Маяковского в газете «Комсомольская правда».

В статье «А что вы пишете?», подчеркнув, что качество писательской продукции понизилось, Маяковский заявляет:

«Ответственность за халтуру и декавалификацию лежит на всех. У каждого своя роль, выведенная в моем стихе «Четырехэтажная халтура»... (см. т. 12 наст. изд.).

Строка 2. Гиз – Государственное издательство.

Строки 13–15. Вшивают в Маркса Аверченковы листы...– Аверченко, А. Т. (1881–1925) – буржуазный писатель-юморист, после революции эмигрировал за границу.

Намек на подлинный случай в типографии Госиздата, когда, по небрежности брошюровщицы, в один из томов собрания Сочинений Маркса вшили несколько страниц из сборника фельетонов Аверченко, печатавшегося там же.

Строка 16. ...выписывают гонорары Цицеронам. – Цицерон, Марк Туллий (106–43 гг. до н. э.) – древнеримский оратор и политический деятель. В основе этой строки также лежит реальный факт. Бухгалтерия Госиздата выписала Цицерону гонорар за перевод его произведений.

Строки 40–41. В Африки, вослед за Бенуями. – Бенуа, Пьер (р. 1886) – французский писатель, автор ряда авантюрных романов, действие которых происходит преимущественно в экзотических странах. Произведения Бенуа усиленно переводились в то время.

Строки 44–45. Званье – «пролетарские» – нося как эполеты...– Неправильно понимая свою роль в литературе, часть руководства РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) противопоставляла себя, как якобы единственных выразителей пролетарской идеологии, другим советским литераторам.

Строки 70–74. Это, в лапти нарядившись, выступают дачники под заглавием – крестьянские писатели. – Маяковский имеет в виду стилизацию, которая была характерна для некоторых литераторов, входивших в состав существовавшего в 20-х годах Союза крестьянских писателей.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Строки 78–80. Чего только стоит один Радимов с греко-рязанским своим
гекзаметром! – Радимов, П. А. (р. 1887) – поэт и художник, уроженец б. Рязанской
губернии. В статье «Как делать стихи?», критикуя попытки «накинуть старую форму
на новый факт», Маяковский пишет:

«...форма чаще всего не по росту: или факт совсем затеряется, как блоха в брюках –
например, радимовские поросята в его греческих, приспособленных для «Илиад»,
пентаметрах, – или факт выпирает из поэтической одежды и делается смешным вместо
величественного».

Говоря о «радимовских поросятах», Маяковский имеет в виду стихотворение П. А.
Радимова «Свиное стадо» (сб. «Телега», М. 1920).

Строки 88–90. ...честно пишут про Октябрь попутчики. – Попутчиками в двадцатые
годы представители РАПП называли советских писателей – выходцев из
непролетарской среды, сочувствовавших Советской власти, считая, что они
недостаточно прониклись коммунистической идеологией.

Строки 91–92. Раньше маленьким казался и Лесков...– Лесков, Н. С. (1831–1895) –
выдающийся русский писатель.

Строка 98. Лидин, В. Г. (р. 1894) – советский беллетрист.

Строки 114–116. ...всякую уху сожрет читатель – Фока. – Фока – персонаж из басни И.
А. Крылова «Демьянова уха».

Строка 125. Казин, В. В. (р. 1898) – советский поэт.

Строка 126. Санников, Г. А. (р. 1899) – советский поэт.

Английскому рабочему (стр. 116). Авторизованная машинописная копия архива газ.
«Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 104, 8 мая; Сочинения,
т. 5.

Строка 63 печатается по тексту машинописной копии: «наши копейки» вместо: «наша
копейка».

Написано в связи с всеобщей забастовкой английских рабочих 4–12 мая 1926 года.
Напечатано в газете с примечанием:

«Вношу гонорар за это стихотворение в забастовочный фонд и вызываю товарищей
поэтов. Вл. М.».

Всеобщая забастовка английских рабочих в 1926 году явилась выдающимся событием в
истории английского и международного рабочего движения и вызвала горячее
сочувствие в советском народе. 9 мая в Москве, в Театре Революции, состоялся
вечер «Советские писатели – английским рабочим» с участием Маяковского.

Строки 3–4. Посты полиции, заводчикам в угоду. – Напуганное размерами
забастовки, английское правительство объявило страну на чрезвычайном положении.
Были мобилизованы войска и полиция.

Строка 31. Болдуин, Стэнли (1867–1947) – английский реакционный политический
деятель; в 1924–1929 годах – премьер-министр Великобритании. Руководил
подавлением всеобщей забастовки.

Строки 33–34. ...сэр Макдональд пошел церетелить. – Макдональд, Джемс Рамсей
(1866–1937) – английский политический деятель, вождь лейбористов, сыграл

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
предательскую роль во время забастовки. Церетелить – от фамилии Церетели И. Г. –
одного из лидеров русских меньшевиков.

Разговор с фининспектором о поэзии (стр. 119). Черновой автограф в записной
книжке 1926 г., № 34 (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ.
«Известия ЦИК» (БММ); отдельное издание; журн. «За 7 дней», М. 1926, № 6, август
(строки 228–310); журн. «Новый мир», М. 1926, № 10, октябрь; Сочинения, т. 5.

Написано во второй половине апреля 1926 года или в самом начале мая (14 мая
рукопись стихотворения была сдана издательству «Заккнига»). Отдельным изданием
вышло в июне 1926 года.

О мотивах, побудивших его выступить со стихотворением, Маяковский говорил:

«Качество писательской продукции (в связи с этим и положение писателя в нашем
советском обществе) чрезвычайно пошатнулось, понизилось, дискредитировалось.

Здесь были и объективные причины временного понижения, многолетняя работа
последнего времени от срочного задания к срочному заданию, отсутствие времени на
продумывание формальной стороны работы. Это сознательное временное
приспособление слова имело и свои положительные результаты – очищение языка от
туманной непонятности, сознательный выбор, поиск целевой установки.

Значительно хуже субъективные причины принижения качества. Это писательская
бессовестная, разухабистая халтурщина: постоянное предпочтение фактических
заказов всем социальным, циничное предположение, что неквалифицированный
читатель сожрет все, и т. д.

Этому способствует, конечно, и скверная постановка литературного дела вообще:
странное поведение Гиза[14], при котором исчезла связь читателя с массой,
вручение критики безответственным губошлепам, непригодным ни к какому другому
труду, и т. д.

Ощущению квалификации посвящено мое главное стихотворение последних недель –
«Разговор с фининспектором о поэзии...». («А что вы пишете?», см. т. 12 наст.
изд.).

Интересным авторским комментарием к стихотворению может служить также текст
вполне реального «разговора с фининспектором» – заявление от 26 августа 1926
года, в котором Маяковский просит Мосфинотдел снизить ему ставку подоходного
налога на этот год. «Это заявление, – пишет поэт, – не является случайным, а
продумано и выведено мной из всей моей поэтической и теоретической работы...» Поэт
требует, чтобы при исчислении суммы подоходного налога к нему относились, как к
трудящемуся (см. т. 13 наст. изд.).

Строки 20–21. ...и двадцать пять за неподачу деклараций. – Торговцы и лица
«свободных профессий» обязаны были ежегодно подавать заявления (декларации) о
своих предполагаемых доходах за год. Уклонившиеся от подачи деклараций
штрафовались.

В своем заявлении в Мосфинотдел Маяковский писал:

«Неподача мною декларации объяснена отнюдь не уклонением от сообщения о своих
заработках, а только тем, что в сложном поэтическом производстве почти
невозможно точно учесть производственные расходы и способ их определения. Для
этой только начатой работы нужны целые научные труды.

Ввиду этого я вместо подачи декларации регулярно бывал лично у фининспектора и
указывал и на свои доходы и на проценты моих расходов к общей сумме заработка».

Строка 168. Пегас – в древнегреческой мифологии – крылатый конь, символ
поэтического вдохновения.

Строки 240–242. я в долгу перед Бродвейской лампионией...– Бродвей – см.
примечания к ст. «Вызов» (стр. 484).

нений в тринадцать томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строки 243–244. ...перед вами, багдадские небеса...– селение Багдади, ныне Маяковски, в Грузии – родина Маяковского.

Строка 246. ...перед вишнями Японии. – Маяковский собирался в 1925 году, кроме Америки, посетить также Японию.

Строка 270. Энкапез – Народный Комиссариат путей сообщения.

Московский Китай (стр. 127). Журн. «Прожектор», М. 1926, № 9, 15 мая; Сочинения, т. 5.

Связано с событиями в Китае в 1924–1927 годах. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Китае начался в эти годы мощный подъем революционного и национально-освободительного движения, к которому в течение ряда лет было приковано внимание всего мира (см. также «Лучший стих», т. 8 наст. изд.).

Строки 1–2. Чжан Цзо-лин и У Пей-фу – реакционные китайские генералы, ставленники иностранного империализма.

Строка 19. «Китайский труд» – название прачечной в Москве. В двадцатых годах в крупнейших городах СССР существовало много прачечных, в которых работали исключительно китайцы.

Строка 23. «Шибак» – искаженное «шибко» (очень).

Строки 48–52. А на родине мукденцы да маньчжурцы.. Снимут голову – не отрастишь еще. – Чжан Цзо-лин и У Пей-фу свирепо подавляли революционное и национально-освободительное движение на северо-востоке Китая. (Мукден – город в Маньчжурии.)

Строки 70–71. Не лучший труд – бумажные розы. – Часть китайцев, живших в Москве, занималась изготовлением и продажей бумажных цветов.

Строка 82. Мандарин – здесь: высокопоставленный чиновник в старом Китае.

Передовая передового (стр. 130). «Красная газета», вечерний выпуск, л. 1926, № 122, 26 мая; журн. «На литературном посту», М. 1926, № 4, май; Сочинения, т. 5.

В статье «А что вы пишете?», подчеркнув, что «ответственность за халтуру и деградацию (в области литературы. – Ред.) лежит на всех», – Маяковский продолжает:

«С этим должны бороться все. Об этом орет мой стих «Передовая передового» (см. т. 12 наст. изд.).»

Строки 37–41. Каждый рад подставить бородавки под увековечливую ахровскую кисть. – Ахровскую – от слова АХРР (Ассоциация художников революционной России). Маяковский выступал против натуралистических тенденций свойственных некоторым художникам – членам АХРР.

Строки 67–68. ...ариями Альфреда и Травиаты? – Альфред и Травиата (Виолетта) – герой и героиня оперы Дж. Верди «Травиата».

Взяточники (стр. 134). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 129, 30 мая; «Тамбовская правда», 1926, № 124, 2 июня (под заглавием «Взяточник»); Сочинения, т. 5.

нений в тринадцать томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строка 48. Тантьема – одна из форм вознаграждения высших служащих предприятия, выдававшаяся обычно из прибылей.

Строка 114. «Абрау» – марка шампанского.

В повестку дня (стр. 139). Газ. «Комсомольская правда», М. 1926, № 123, 30 мая; Сочинения, т. 5.

Строка 68. Трехгорное – марка пива.

Протекция (стр. 142). Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 129, 6 июня; Сочинения, т. 5.

Строка 7. Квартхоз милиции – уполномоченный милиции по квартальному хозяйству.

Строки 44–47. А главшвейцар, – да Винчи с лица, весь в бороде, – как картина в раме...– Леонардо да Винчи (1452–1519) изображается обычно на портретах с большой бородой.

Строки 98–100. «И пойдут они, солнцем палимы, и застонут...» – Маяковский соединил здесь две строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: 1) «И пошли они, солнцем палимы»; 2) «И пойдут, побираясь дорогой, и застонут...»

Любовь (стр. 146). Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР), газ. «Известия ЦИК»; М. 1926, № 134, 13 июня; Сочинения, т. 5.

Послание пролетарским поэтам (стр. 151). «Комсомольская правда», М. 1926, № 134, 13 июня (в «Литературной странице»); Сочинения, т. 5.

Строки 8–10. Безыменский, А. И. (р. 1898), Светлов, М. А. (р. 1903), Уткин, И. П. (1903–1944) – популярные в то время молодые советские поэты.

Строки 11–12. Мы спорим, аж глотки просят лужения...– Ближайшим поводом для «Послания» явилась «Ода скромности» («Комсомольская правда», 1926, № 129, 6 июня), в которой А. Безыменский упрекал Маяковского в том, что последний якобы слишком много пишет «о себе». Но смысл стихотворения значительно шире этой частной полемики: Маяковский призывает к объединению всех передовых сил советской литературы для общей борьбы за дело социализма.

Строки 25–27. ...розданные Луначарским венки лавровые...– А. В. Луначарский написал ряд предисловий к первым сборникам стихов молодых поэтов.

Строки 65–70. Многие пользуются напостóвской тряскою, с тем чтоб себя обозвать получше. – Напостóвской – от слова «напостовцы» (см. примечание к стих. «Сергею Есенину», стр. 492). Среди напостовцев существовало несколько направлений, враждовавших друг с другом.

Строки 135–139. Одного называют красным Байроном, другого – самым красным Гейнем. – В ряде статей того времени творчество Светлова сравнивали с творчеством Гейне, в произведениях Уткина находили черты литературного сходства с Байроном.

Строка 147. Раешник – рифмованный монолог на злободневную тему, изобилующий шутками, прибаутками и т. д.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

фабрика бюрократов (стр. 157). Авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 140, 20 июня; Сочинения, т. 5.

Строки 1–2. Его прислали для проведения режима. – Имеется в виду режим экономии (см. примечания к стихотворению «Первомайское поздравление», стр. 495).

Товарищу Нетте пароходу и человеку (стр. 162). Черновой автограф в записной книжке 1926 г. (июль – сентябрь), № 37 (БММ); авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 192, 22 августа; Сочинения, т. 5.

Датировано в газете: «15 июля. Ялта».

Неоднократно читалось Маяковским на его вечерах. По свидетельству П. И. Лавута, прежде чем прочитать стихотворение, Маяковский рассказывал:

«Нетте – наш дипломатический курьер – погиб в Латвии при исполнении служебных обязанностей, отстреливаясь от нападавших на него контрразведчиков... Я хорошо знал товарища Нетте. Это был коренастый латыш, с приятной улыбкой, в больших роговых очках. Я встречался с ним много раз. Приходилось ездить с ним за границу в одном купе. Здесь встречается фамилия Якобсон, Ромка – это наш общий знакомый. В Ростове на улице я услышал – газетчики кричат: «Покушение на наших дипкурьеров Нетте и Махмастья». Остолбенел. Это была моя первая встреча с Нетте уже после его смерти. Вскоре первая боль улеглась. Я попадаю в Одессу. Пароходом направляюсь в Ялту. Когда наш пароход покидал гавань, навстречу нам шел пароход, и на нем золотыми буквами, освещавшимися солнцем, два слова: «Теодор Нетте», – это была моя вторая встреча с Нетте, но уже не с человеком, а с пароходом.

– «Товарищу Нетте – пароходу и человеку», – объявлял он, медленно и значительно, делая ударение на «человеку». Читая. в строке:

В коммунизм из книжки
верят средне,

– менял слово «верят» на «веришь» (журн. «Знамя», М. 1940, № 4–5, стр. 210–211).

Нетте Теодор Иванович (1896–1926) – сын сапожника, в юности сам был подмастерьем. В 1914 году вступил в партию большевиков. Во время гражданской войны командовал батальоном, был политработником.

Строки 3–5. В порт, горящий, как расплавленное лето...– Встреча с пароходом «Теодор Нетте» произошла 28 июня 1926 года.

Строки 31–32. ...напролет болтал о Ромке Якобсоне...– Якобсон, Р. О. (р. 1897), ученый, филолог. Познакомил Маяковского с Нетте.

Строки 49–53. Будто навеки за собой из битвы коридоровой тянешь след героя, светел и кровав. – Нетте погиб 5 февраля 1926 года в поезде, следовавшем через латвийскую территорию в Берлин, куда он вез дипломатическую почту.

Ужасающая фамильярность (стр. 165). Черновая запись отдельных строк (1–5, 10–16, 21–23 и 44–53) в записной книжке 1926 г. (июль – сентябрь), № 37 (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 196, 27 августа; Сочинения, т. 5.

Строка 7. ...улица Розы. – Роза Люксембург (1871–1919), выдающаяся деятельница революционного рабочего движения в Германии и Польше.

Строка 30. Коллонтай – коллонтай, А. М. (1872–1952) – известная деятельница русского и международного женского рабочего движения; с 1923 года – советский дипломат.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строка 32. Мейерхольд, В. Э. (1874–1940) – выдающийся советский режиссер, Народный артист РСФСР с 1923 года. Театр имени Мейерхольда пользовался в те годы большой популярностью.

Строка 36. Семашко, Н. А. (1874–1949) – первый Народный комиссар здравоохранения (1918–1930).

Строки 44–53. По свидетельству Л. Ю. Брик, стихотворение первоначально «кончалось так:

Но и я
взываю к вам
от всех великих:
– Милые,
не обращайтесь с нами фамильярно! –
О. М. Брик удивился:

– Ты же говоришь: «Я к великим не суюсь в почетнейшие лики, я солдат в шеренге миллиардной». Как же тогда – «с нами»? – С великими?

Маяковский тут же переделал «с нами» на «с ними» (Л. Брик, Воспоминания о стихах Маяковского, журн. «Знамя», М. 1941, № 4, стр. 228).

В машинописной копии сохранились следы этой правки. Из нее видно, что, исправив «с нами» на «с ними», поэт вынужден был сделать еще одно исправление. Он зачеркнул предлог «от» и поставил вместо него «за».

Но и я
взываю к вам
за всех великих:
– Милые,
не обращайтесь с ними фамильярно!
В таком виде стихотворение было напечатано в «Известиях».

Готовя к печати 5-й том, Маяковский восстановил предлог «от», однако «с ними» осталось:

Но и я
взываю к вам
от всех великих:
– Милые,
не обращайтесь с ними фамильярно!
Канцелярские привычки (стр. 167). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 198, 29 августа; Сочинения, т. 5.

Напечатано в «Известиях» со следующей шуточной датировкой: «Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алушка и т. д. 1, 2, 3, 4/1, II, III, IV, V и т. д.».

Строки 1–3. Я два месяца шатался по природе...– с 20 июня по 20 августа Маяковский был в Крыму.

Строки 16–17. ...на пузе лошади Петра Великого...– Имеется в виду памятник Петру I в Ленинграде.

Строки 70–73. Эх! Поставь меня часок на место Рыкова...– Рыков, А. И. (1881–1937) – в те годы председатель Совета Народных Комиссаров СССР.

Строка 93. Ай-Петри – гора в Крыму.

Беспризорщина (стр. 170). Черновая запись отдельных строк (1–8 и 56–63) в записной книжке 1926 г. (июль – сентябрь), № 37 (БММ); авторизованная

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», м. 1926, № 203, 4 сентября;
Сочинения, т. 5.

Строки 12–13. ...в дни, что волжский голод прорвал. – Имеется в виду голод на Волге в 1921–1922 годах.

Строка 45. Дуглас. – Популярный американский киноартист Дуглас Фербенкс (1883–1939).

Строка 48. Муур – Московское управление уголовного розыска.

«МЮД» (стр. 173). Черновая запись строк 34–50 в записной книжке 1926 г. (июль – сентябрь), № 37 (БММ); авторизованная машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», м. 1926, № 204, 5 сентября; Сочинения, т. 5.

Написано к XII Международному коммунистическому юношескому дню. Напечатано в газете под рубрикой «За международную солидарность рабочей и крестьянской молодежи».

Две Москвы (стр. 176). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», м. 1926, № 210, 12 сентября; Сочинения, т. 5.

Печатается по тексту «Известий».

Строка 11. Китайской стены покосившийся гриб. «Китайской стеной» был в то время обнесен один из центральных районов Москвы, так называемый «Китай-город».

Строка 18. Главбум – Главное управление бумажной промышленности.

Строка 26. «Моссельпром» – Московское объединение предприятий по переработке продукции сельскохозяйственной промышленности.

Строки 59–60. Великая стройка уже начата. – После XIV съезда партии (декабрь 1925 года), определившего курс на социалистическую индустриализацию страны, началось осуществление грандиозного плана строительных работ.

Строки 63–64. ...там почта...– В 1926 году в Москве строилось здание Центрального телеграфа.

Строки 65–66. ...здесь Ленинский институт. – Институт Ленина при ЦК ВКП(б); теперь – часть Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (здание на Советской площади).

Строки 80–84. ...плотники с небоскреба «Известий» плюются вниз, на Страстной монастырь. – В 1926 году рядом с б. Страстным монастырем (позже снесенным) достраивалось здание «Известий» – одно из самых высоких среди сооружавшихся в то время в Москве.

Строки 89–92. И кажется: центр-ядро прорвалó Садовых кольцо и Коровьих валов. – Центр Москвы окружен кольцом Садовых улиц; Коровий вал является частью этого кольца, большинство же прочих «валов» составляет другое кольцо, соединяющее между собой заставы.

Строки 100–101. Завод «Зари» и «Розы». – Имеются в виду завод «Заря коммунизма» и фабрика им. Розы Люксембург в Москве.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Строка 110. Фордзониться. – Речь идет о тракторах американской фирмы «Форд и сын» («Ford and son» – отсюда «фордзон»).

Строки 116–118. ...бросая со Спасской гимн боевой. – В то время куранты-часы на Спасской башне Кремля в 12 часов ночи исполняли «Интернационал».

Хулиган (Республика наша в опасности...) (стр. 180). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 216, 19 сентября; Сочинения, т. 5.

Строка 15. ...рыло мандрилье...– Мандрил – порода обезьян.

Хулиган (Ливень докладов...) (стр. 184). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 10, сентябрь.

Впервые прочитано 30 сентября 1926 года в Политехническом музее на диспуте о хулиганстве. Маяковский коснулся в своем выступлении «вопроса о хулиганстве» «постольку, поскольку он отражается в искусстве», и заявил:

«Нужно видеть, где хулиганство переходит в другие виды преступления. Хулиганство – именно бесцельное озорство. Не нужно выступать резкими моралистами, нужно изживать хулиганство культурными и административными мерами, развертыванием работы клубов...» («Известия ЦИК», М. 1926, № 227, 2 октября).

По свидетельству другой газеты, Маяковский призывал в своем выступлении также побольше заниматься боксом, «чтобы каждый мог дать отпор любому хулигану» («Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 231, 1 октября).

Строка 7. «Левенбрей» – марка пива.

В мировом масштабе (стр. 187). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 222, 26 сентября (под заглавием «Хулиганы в мировом масштабе»); Сочинения, т. 5.

О фактах, легших в основу стихотворения, Маяковский говорил также на диспуте о хулиганстве 30 сентября. (см. примечание* к предыдущему стихотворению).

Строки 1–2. Пишу про хулиганов, как будто нанятый. – См. стихотворения «Хулиган (Республика наша в опасности...)» (стр. 180) и «Хулиган (Ливень докладов...)» (стр. 184).

Строка 14. Зеверинг, Карл (р. 1875) – социал-демократ, в то время министр внутренних дел Пруссии. По приказу Зеверинга 21 сентября 1926 года в Бреславле (теперь Вроцлав, Польша) была расстреляна демонстрация безработных.

Строки 24–27. ...хулиган-погромщик, нападающий на комсомол в Новосибирске! – 5 сентября 1926 года в Новосибирске группа хулиганов напала на комсомольцев, собиравшихся принять участие в демонстрации в честь Международного юношеского дня.

Строки 28–30. В Чемберлене тоже не заметно лени...– Чемберлен, Остин (1863–1937) – английский реакционный политический деятель, ярый враг Советского Союза и национально-освободительного движения в Китае, в 1924–1929 годах министр иностранных дел Великобритании.

Строка 38. Ваньсянь – крупный речной порт в Китае. 5 сентября 1926 года английские суда варварски обстреляли Ваньсянь, в результате бомбардировки погибли сотни людей, а городу был причинен значительный ущерб.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Строки 44–45. 40 ленинградских хулиганов. – в 1926 году в Ленинграде судили
группу хулиганов, изнасиловавших девушку.

Строка 53. Чжан Цзо-лин – см. примечание к стих. «Московский Китай» (стр. 499).

Строки 62–64. Маршал расшибает двери клубные...– Осенью 1926 года по приказу Чжан Цзо-лина китайская полиция произвела в Харбине налет на здание клуба советских граждан – служащих Китайско-Восточной железной дороги.

Строка 95. Мандаринство – см. примечание к стихотворению «Московский Китай» (стр. 500).

Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» (стр. 190). Черновой автограф в записной книжке 1926 г. (июль – сентябрь), № 37 (БММ); журн. «Новый мир», М. 1926, № 12, декабрь.

Печатается по тексту «Нового мира».

Написано в результате поездки Маяковского в Одессу в июне 1926 года; закончено не позже 20 сентября 1926 года. (В этот день было прочитано на вечере в Политехническом музее.)

Лев Толстой и Ваня Дылдин (стр. 192). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 11, сентябрь; Сочинения, т. 5.

В журнале напечатано с двумя рисунками Маяковского, иллюстрирующими текст.

Строки 73–76. Говорит, учтиво стоя: Убежденьями – Толстой я. – Л. Н. Толстой проповедовал непротивление злу насилием и, как следствие этого, – отказ от военной службы.

Строка 101. Чжанцзолиния – см. примечание к стихотворению «Московский Китай» (стр. 499).

Строка 102. Пилсудский, Юзеф (1867–1935) – польский реакционный политический деятель, ярый враг Советского Союза, фактический диктатор Польши в 1918–1923 и 1926–1935 годах.

Строки 104–105. А Лондон чемберленится...– Чемберлен – см. примечания к стихотворению «В мировом масштабе» (стр. 507). Осенью 1926 года английские реакционеры вели в парламенте ожесточенную кампанию против Советского Союза, требуя разрыва дипломатических отношений.

Мечта поэта (стр. 166). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 228, 3 октября; Сочинения, т. 5.

«Праздник урожая» (стр. 200). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 230, 6 октября; Сочинения, т. 5.

Напечатано в «Известиях» под рубрикой: «Праздник урожая – показ культурных побед деревни».

Строки 1–4. Раньше праздновался разный Кирилл да Мефодий. – Кирилл и Мефодий – древнеславянские просветители IX в., причислены церковью к лику святых.

Строки 18–19. Одно из наших больших начал...– в 1925 году было решено отмечать окончание осенних полевых работ «праздником урожая». В средней полосе России праздник был приурочен к середине октября.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строка 58. Фордзон – см. примечания к стихотворению «Две Москвы» (стр. 506).

Искусственные люди (стр. 203). «Красная газета», вечерний выпуск, л. 1926, № 238, 9 октября (под заглавием: «Механические люди»); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 234, 10 октября; Сочинения, т. 5.

Строка 9. Какой нагруженный Гужон...– Имеется в виду металлообрабатывающий завод б. Гужона в Москве (теперь «Серп и Молот»).

Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому (стр. 206). Черновой автограф в записной книжке 1926 г., № 36 (БММ); журн. «Новый Леф», М. 1927, № 1, январь; Сочинения, т. 5.

В настоящем издании в текст 5-го тома Сочинений внесены исправления: в строке 61 вместо «чистописания ремесла» – «чистописаниев ремёсла»; в строке 73 вместо «нет и тления» – «нет и тленья» (по черновому автографу); в строках 155–158 вместо «прозаики сели пред вами на парте» – «прозаики сели пред вами на парте б» (по черновому автографу и «Новому Лефу»).

Написано в августе – сентябре 1926 года. В середине сентября Маяковский говорил на организационном собрании сотрудников «Нового Лефа», что собирается дать стихотворение в первый номер журнала.

Впервые прочитано в Киеве 18 октября 1926 года. Тематически перекликается с некоторыми положениями статьи «Читатель!», напечатанной в том же номере журнала (см. т. 12 наст. изд.).

Строки 1–6. Алексей Максимович, как помню, между нами что-то вышло вроде драки или ссоры. – Дружеские отношения между Маяковским и Горьким, возникшие вскоре после их знакомства (1915 г.), спустя несколько лет были нарушены. Причины ссоры до сих пор остались не вполне выясненными.

Строки 10–11. ...взяли вас международные рессоры. – Горький уехал в 1921 году лечиться за границу.

Строки 26–29. Думаете – с Капри, с горки вам видней? – В 1926 году Горький жил в Неаполе и в Сорренто. На Капри он жил до революции (1906–1913).

Строки 43–44. Продают «Цемент» со всех лотков. – «Цемент» – роман Ф. В. Гладкова, изданный в 1925 году. Вокруг романа развернулась полемика. В статье «Подождем обвинять поэтов» Маяковский дал отрицательную оценку роману (см. т. 12 наст. изд.).

Строки 56–59. ...говорят, что вы открыли мощи этого... Калининкова. – Калинин И. Ф. – автор трехтомного полупорнографического романа о монастырской жизни – «Мощи».

Строки 83–87. А рядом молотобойцев апапестам учит профессор Шенгели. – Анапест – трехсложная стопа, в которой вслед за двумя неударными слогами располагается один ударный. Шенгели, Г. А. (1894–1956) – переводчик, автор книги «Как писать стихи». Маяковский в статье «Как делать стихи?» резко критиковал его отношение к вопросам литературной техники (см. т. 12 наст. изд., а также стих. «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели» в т. 8 наст. изд.).

Строки 122–126. Мы не ласкаем ни глаза, ни слуха. Мы – это Леф...– Эти строки перекликаются со следующими строками в статье «Читатель!», открывающей № 1 журнала «Новый Леф» (1927, январь): «Леф – не знает ни ласкания уха, ни глаза – и искусство отображения жизни заменяет работой жизнестроения» (см. т. 12 наст.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский (позднее изд.).

Леф (Левый фронт искусств) – литературная группа, возникшая в 1923 году. Маяковский, возглавлявший Леф, в 1928 году вышел из этой группы. Впоследствии он говорил:

«Леф» – это эстетическая группа, которая приняла нашу борьбу как факт, как таковой, и сделала из революционной литературы замкнутое в себе новое эстетическое предприятие» (выступление на конференции МАПП 8 февраля 1930 года; см. т. 12 наст. изд.).

Строки 161–162. Или жить Вам, как живет Шаляпин...– Шаляпин, Ф. И. (1873–1938) – выдающийся русский певец; в 1918 году получил звание Народного артиста республики. Уехал в 1921 году на гастроли за границу и не вернулся (см. также стих. «Господин «народный артист» в т. 8 наст. изд.).

Строки 177, 182. «Парящий сокол» и «ползущие ужи» – аллегорические образы из «Песни о соколе» Горького.

Строки 204–208. ...разве не лучше, как Феликс Эдмундович, сердце отдать временам на разрыв. – В обращении ЦК и ЦКК ВКП(б) к партии и ко всем трудящимся по поводу смерти Ф. Э. Дзержинского говорится:

«Скоропостижно скончался от разрыва сердца товарищ Дзержинский, гроза буржуазии, верный рыцарь пролетариата, благороднейший борец коммунистической революции... Его больное, вконец перетруженное сердце отказалось работать, и смерть сразила его мгновенно. Славная смерть на передовом посту!» («Правда», М. 1926, 21 июля).

Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем! (стр. 213). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 241, 19 октября; «Красная газета», вечерний выпуск, л. 1926, № 246, 19 октября (под заглавием «О выигрышном займе», в сокращенном виде – строки 1–16, 45–56, 67–96, 102–119, 125–130); Сочинения, т. 5.

Строки 1–4. Смешно и нелепо заботиться поэту о счастье нэпов. – Одной из задач займа было привлечение к финансированию нужд социалистического строительства также тех средств, которые находились в руках у частных лиц – «нэпманов» или «нэпов».

Мои прогулки сквозь улицы и переулки (стр. 217). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 12, октябрь.

Написано по материалам рабкоров газеты «Рабочая Москва».

Строка 1. На Четвертых Лихоборах. – Имеется в виду одна из станций Московской окружной железной дороги.

Продолжение прогулок из улицы в переулок (стр. 221). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 13, октябрь.

Написано по материалам рабкоров газеты «Рабочая Москва». Напечатано в журнале со следующим примечанием вместо подписи: «Видели: Свой и Без подписи. Воспел: Вл. Маяковский».

В 1926 году по инициативе и при участии Маяковского по материалам рабкоров газеты «Рабочая Москва» было написано еще одно стихотворение: «Стихи и картинки эти вот про стрелочников и лесопильный завод» (см. в разделе «Приложения», стр. 391).

Строки 2–4. Ко всем к вам доходит «Рабочая Москва». – Журнал «За 7 дней» являлся приложением к газете «Рабочая Москва».

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строки 14–15. А на Генеральной, у Проводниковского дома...– Имеется в виду завод «Проводник» на б. Генеральной улице (теперь – Электрозаводская).

Строки 23–26. Зёмли слухами полны: Гамбург – фабрика луны. – У Гоголя в «Записках сумасшедшего» Поприщин говорит: «Луна делается в Гамбурге...»

Строка 74. РКИ – Рабоче-Крестьянская инспекция (орган государственного контроля в 1920 годах).

Тип (стр. 225). Журн. «Крокодил», М. 1926, № 38, октябрь (под заглавием «Три хулигана»); Сочинения, т. 5.

В настоящем издании в текст 5-го тома Сочинений внесено исправление опечатки: в строке 105 вместо «деревня» – «деревья».

Судя по заглавию в журнале и по тому, что в журнальном варианте после строки 7 следовали не вошедшие в окончательный текст строки (см. Варианты и разночтения):

из мордоротной плеяды их
я выбираю троих
– по-видимому, Маяковский предполагал вывести в последующих стихах еще два типа хулигана. Замысел этот остался неосуществленным.

Строки 58–62, 64, 98–106 дословно совпадают с рядом строк стихотворения «Хулиган (Ливень докладов...)», см. стр. 184).

Строка 38. Политграмма Бердникова. – Имеется в виду «Курс политграммы» А. Бердникова и Ф. Светлова.

Строки 45–46. А сбоку пишет с него либединский. – либединский, Ю. Н. (р. 1898) – советский писатель.

Строки 48–49. ...стихи с него сочиняет Жаров. – Жаров – см. примечания к стихотворению «Свидетельствую» (стр. 481).

Строка 57. Левенбрей – см. примечания к стихотворению «Хулиган» (стр. 506).

Строка 75. Карпантье и Демпси – чемпионы бокса.

Строки 95, 97. Корнеев и Горшанов – пивоваренная фирма в дореволюционной Москве.

Долг Украине (стр. 229). Газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 252, 31 октября; Сочинения, т. 5.

Строки 1–4. Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи! – Цитата из «Майской ночи» Н. В. Гоголя.

Строка 29. Чаплин – имеется в виду выдающийся современный киноактер и режиссер Чарли Чаплин (р. 1889).

Строка 33. Дуглас – см. примечания к стихотворению «Беспризорщина» (стр. 505).

Строка 62. Мова (украинск.) – речь.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Строки 73–74. «Чуешь, сурмы заграли, час расплаты настав»... – Первые строки
припева «Интернационала» на украинском языке.

Октябрь 1917–1926 (стр. 232). Журн. «Красная панорама», л. 1926, № 45, 5 ноября
(под заглавием: «Октябрь 25/X – 7/XI»); журн. «Молодая гвардия», м. 1926, № 11,
ноябрь; «Мы и прадеды»; Сочинения, т. 5.

Не юбилейте! (стр. 235). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ.
«Известия ЦИК», м. 1926, № 258, 7 ноября; Сочинения, т. 5.

Строка 99. ...почище японских землетрясений. – Имеется в виду ряд катастрофических
землетрясений в Японии в 1923–1925 годах.

Строка 103. Англия бастующих шахт. – В Англии происходила в 1926 году забастовка
шахтеров.

Строка 108. Кантон – портовый город в Китае, крупнейший центр революционного и
национально-освободительного движения.

Стоящим на посту (стр. 240). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ.
«Известия ЦИК», м. 1926, № 262, 12 ноября; Сочинения, т. 5.

Написано в связи с девятилетием советской милиции.

Еврей (стр. 244). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия
ЦИК», м. 1926, № 265, 16 ноября.

Печатается по тексту «Известий».

Впервые прочитано 17 ноября 1926 года в Колонном зале Дома союзов на вечере
«Писатели народов СССР – Озету» (Озет – Общество содействия землеустройству
евреев-трудящихся).

По свидетельству Л. Ю. Брик, Маяковский «помог Озету устроить гигантский
писательский вечер, сбор с которого пошел целиком на еврейские колонии. Для
этого вечера он написал стихотворение «Еврей» и прочел его там с огромным
успехом» («Знамя», м. 1941, № 4, стр. 231).

Строка 7. Ильинка – улица в Москве (теперь – улица Куйбышева). До революции на
Ильинке находилась биржа.

Строка 9. Караты. – Карат – единица веса драгоценных камней.

Строки 13–15. А тут им дают Крым! – С целью содействия евреям, решившим заняться
сельским хозяйством, было создано несколько земледельческих колоний в степных
районах Крыма.

Строки 26–29. И до сегодня над Западным краем слышатся отзвуки стонов и рёва. –
Западным краем в царской России называли несколько губерний Украины, Литвы,
Белоруссии и Польши. К востоку от этих губерний проходила так называемая «черта
оседлости» – евреи не имели права жить за пределами Западного края.

Строки 38–40. И липнет пух из перин Белостока...– Белосток – город в царской
России (теперь в Польше). 1–3 июня 1906 года царское правительство
спровоцировало там еврейский погром, во время которого было убито 70 и ранено 80
человек.

Строка 48. Война – имеется в виду первая мировая война (1914–1918).

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строки 53–54. Потом демократы во весь свой мах...– Большинство контрреволюционных группировок на Украине именовало себя «демократическими».

Строка 56. Петлюра, С. В. (1877–1926) – один из главарей буржуазно–националистической контрреволюции на Украине в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Строка 58. Махновщина – от фамилии Махно, Н. И. (1884–1934) – главаря контрреволюционной кулацкой армии на Украине.

Строки 63–66. И было в ихних Мюр–Мерилизах гнилых сельдей на неполный рубль. – Мюр и Мерилиз – англичане, владельцы крупнейшего до революции универсального магазина в Москве (теперь в этом и соседнем зданиях помещается универмаг Мосторга).

О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки (стр. 248). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 294, 19 декабря (под заглавием «Как некоторые втирают очки имеющим циковские значки»).

Печатается по тексту «Известий».

Строка 76. Сухарева башня – старинное здание на б. Сухаревской (теперь Колхозной) площади в Москве. Впоследствии снесено.

Наш паровоз, стрелой лети...(стр. 252). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 296, 22 декабря.

Печатается по тексту «Известий».

Название стихотворения – слегка видоизмененная первая строка припева песни «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка» (слова Ф. Канатова).

Строки 69–74. Должно, с Ленинграда картинный музей везут заодно с библиотекой Публичной. – Речь идет об Эрмитаже и Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова–Щедрина в Ленинграде – крупнейших хранилищах произведений искусств и литературы в нашей стране.

Рождественские пожелания и подарки (стр. 255). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 309, 24 декабря (в сокращенном виде – строки 30–39, 51–76 и 83–105); газ. «Известия ЦИК», М. 1926, № 299, 25 декабря.

Печатается по тексту «Известий».

Строки 36–38. Рабочим – миллионы стойких Куков...– Кук, Артур джемс (1884–1931) – генеральный секретарь Федерации английских горнорабочих, в 1926 году возглавил мужественную забастовку горняков, продолжавшуюся несколько месяцев. В конце 1926 года посетил Советский Союз. Однако впоследствии выступал за примирение классовых интересов.

Строка 47. 14 кантонцев. – Кантон – см. примечания к стихотворению «Не юбилейте!» (стр. 513). Осенью 1926 года власти английской концессии в Тяньцзине арестовали 14 кантонских революционеров, скрывавшихся от полиции на территории концессий.

Строка 50. Чжан Цзо–лин – см. примечание к стихотворению «Московский Китай» (стр. 499).

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строка 56. Бриан, Аристид (1862–1932) – реакционный французский государственный деятель, в 1925–1932 годах – министр иностранных дел Франции.

Строка 58. Чемберлен – см. примечание к стих. «В мировом масштабе» (стр. 507).

Встреча Чемберлена с Брианом произошла 3 декабря 1926 года в Париже. В ущерб национальным интересам Франции Англия добилась во время этой встречи согласия французского правительства на вооружение Германии.

Строки 60–61. Каждой республике – три Волховстроя. – 19 декабря 1926 года состоялось торжественное открытие одного из первенцев советской электрификации – гидроэлектростанции на реке Волхов, под Ленинградом. Двумя неделями раньше советское правительство приняло решение о строительстве Днепрогэса.

Наше новогодие (стр. 258). Авторизованная машинописная копия (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1927, № 1, 1 января. Печатается по тексту «Известий».

Строки 5–9. А для нас новогодие – подступ к празднованию Октября. – В 1927 году исполнялось десятилетие со дня Великой Октябрьской социалистической революции.

Строки 60–65. У крестьян уже готовы хлеба́ всем, кто переписью переписан? – 17 декабря 1926 года в Советском Союзе происходила первая после революции перепись населения.

Реклама
Что делать? (стр. 261). Журн. «Знание – сила», М. 1926, № 12 (в приложении к номеру).

Очерки

Мое открытие Америки (стр. 265). Журн. «Красная новь», М. 1926, № 1, январь (первая часть книги «Мексика»); газ. «Коммунист», Харьков, 1926, № 21, 23 января (очерк «Детройт»); газ. «Киевский пролетарий», Киев, 1926, № 24, 31 января (очерк «Чикаго»); журн. «Новый мир», М. 1926, № 2, февраль (вторая часть книги «Нью-Йорк»); журн. «Красная новь», М. 1926, № 2, февраль (третья часть книги «Америка»); журн. «Красная нива», М. 1926, № 6, 7 февраля (очерк «Моя встреча с Диего де Ривера»); газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, № 43, 19 февраля (очерк «Я люблю Нью-Йорк»); отдельное издание; Сочинения, т. 5.

Очерк «Моя встреча с Диего де Ривера» был опубликован в журнале вместе со статьей Я. Т. (Тугендхольда) «Диего де Ривера, художник мексиканского пролетариата» и иллюстрирован репродукциями с фресок, выполненных де Ривера на здании Министерства просвещения Мексики: 1. Литье. 2. Завод. 3. Похороны рабочего. 4. Сбор плодов. 5. Вождь мексиканского аграрного движения, убитый в 1916 году. Репродукции были подарены художником Маяковскому во время пребывания поэта в Мехико.

Отдельное издание было иллюстрировано фотографиями, привезенными Маяковским из Мексики: 1. В кактусах. 2. Диего Ривера – Обучение под охраной вооруженного народа (репродукция). 3. Памятник Сервантесу в Мехико. 4. Товарищ Морено. 5. Пейзаж Мексики. 6. Бок Нью-Йорка. 7. Бок Питсбурга. 8. Угол бойни. 9. Чикаго. Общий вид Арморовских боен.

Стр. 281. Строки 15–16 печатаются по тексту отдельного издания: «соборы, вроде брата Нотр-Дама – кафедраль на площади Сокола, до маленькой церковки...» вместо: «соборы, вроде брата Нотр-Дама, от кафедраль на площади Сокола до маленькой церковки...»

Стр. 292. Строка 16 печатается по тексту отдельного издания: «иммиграционным полицейским» вместо: «эмиграционным полицейским».

Стр. 294. Строка 23 печатается по тексту журн. «Новый мир»: «до середины доведут» вместо «до середины доведут».

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Стр. 295. Строка 3 печатается по тексту журн. «Новый мир»: «облечись в башмаки» вместо «облечшись в башмаки».

Стр. 297. Строка 35 печатается по тексту отдельного издания: «неэкономимое электричество» вместо «неэкономное электричество».

Стр. 300. Строки 34–35 печатаются по тексту газ. «Бакинский рабочий»: «бубликоделательная машина» вместо «булкоделательная машина».

Стр. 300. Строки 38–39 печатаются по тексту журн. «Новый мир»: «непрерывно белые» вместо «непрерывно белый».

Стр. 304. Строка 1 печатается по тексту отдельного издания: «машинный и человеческий поток» вместо «машинный и человеческий поток».

Стр. 312. Строки 16–17 печатается по тексту отдельного издания: «я вынул из кармана доллара на три центов» вместо «я вынул из кармана мелочь на три цента».

Стр. 331. Строка 9 и далее печатается по тексту журн. «Огонек» (М. 1926, № 11, 14 марта): «Сандбург» вместо «Самбор».

Стр. 332. Строка 14 печатается по тексту журн. «Красная новь»: «Что это за город Чикаго?» вместо «Чем же это город Чикаго?»

Стр. 333. Строки 9–10 печатаются по тексту газ. «Киевский пролетарий»: «мухи с луж и жидкой грязи» вместо «мухи с луга и жидкой грязи».

Стр. 340. Строка 1 печатается по тексту журн. «Красная новь»: «краны сажают кузов» вместо «краны сажают в кузов».

Стр. 340. Строки 26–27 печатаются по тексту газ. «Коммунист»: «если плевать надо вам – покупайте плевательницы сами» вместо «если плевать – надо вам покупать плевательницы самим».

Стр. 342. Строки 17–18 печатаются по тексту журн. «Красная новь»: «закончились с пристанью Соутонфери» вместо «закончились пристанью».

Стр. 343. Строки 31–32 печатаются по тексту отдельного издания: «запльвшей древней психики» вместо «запльвшей древней психики».

На основе последней части книги Маяковский позднее написал два самостоятельных очерка: «Американское кое-что» и «Свинобой мира», которые публикуются отдельно в данном томе (стр. 349, 353).

Книга очерков «Мое открытие Америки» была начата и, повидимому, в значительной мере написана непосредственно во время путешествия Маяковского. Так, в интервью с поэтом, опубликованном 10 июля 1925 года в мексиканской газете «Эксцельсиор», читаем: «Маяковский предполагает написать книгу о Мексике. Он сказал, что уже приступил к работе» (см. В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 234).

Интересный материал, свидетельствующий о том, что уже в начале пребывания в США у поэта вызревали основные идеи книги, содержится в записи беседы Маяковского с американским писателем Майклом Голдом, опубликованной 9 августа 1925 года в ньюйоркской газете «Уорлд» (см. т. 13 наст. изд.).

Возвратившись 22 ноября 1925 года в Москву, поэт 5 декабря заключил договор с Госиздатом об издании книги «Поездка в Мексику и Америку», обязавшись представить рукопись через месяц, 5 января 1926 года. Позднее Маяковский обратился в издательство с просьбой об отсрочке, и рукопись была сдана 25 января 1926 года.

Таким образом, 24 января 1926 года можно считать датой завершения работы над книгой «Мое открытие Америки». (Первая часть книги – «Мексика» – была закончена, по всей вероятности, еще в декабре 1925 года, поскольку она появилась в январском номере журнала «Красная новь» за 1926 год.)

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
В творческой истории книги «Мое открытие Америки» имела место своеобразная «устная стадия». На нескольких своих литературных вечерах Маяковский делал доклады о поездке. Из сохранившихся афиш можно заключить, что в этих докладах поэт раскрывал перед слушателями идеи и темы своей будущей книги.

Приводим выдержку из афиши вечера Маяковского, состоявшегося 6 декабря 1925 года в Политехническом музее (Москва):

1. Доклад: «Мое открытие Америки». – Испания, Атлантический океан, Гавана, Вера-Круц, Мексика, Нью-Йорк, Чикаго, Париж. Темы: Американцы ли американцы? Гавана, виски, сахар и сигары. Индейцы, гачупины и гринго. Тропический лес. Урожай фуража и президентов. Бой быков. Странные министры. Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ 33! Москва в Польше. Первое звездное знамя от Ларедо до Нью-Йорка. По земле, под землей и по небу. Мораль и удочерение. Иллюстрация к Марксу. Одесса-отец. Змеиные яйца в Москве. Негры, джаз и чарльстон. Басни о Форде, Чикаго, 150 000 000 и бойни».

Другие факты и образы из создаваемой поэтом книги отразились в докладе, сделанном им в том же Политехническом музее 19 декабря 1925 года. В афише указаны следующие «темы» этого доклада, названного поэтом «Дирижер трех Америк (США)»:

«Бог доллар – доллар дух святой. Кино – Чаплин, золотая горячка, горничная в 15 тысяч в неделю. Ньюйоркский поэтический конотоп. Фотомонтаж князя Бориса. Принцесса Сирилл. Змеиные яйца в Москве. Неподкупность продажных газет. Форд, как он есть. Американские рабкоры о Форде. Приключения мистера Браунинга. Какая Америка интересней – моя или всамделишная. Горький и Короленко об Америке и США».

Подобные доклады Маяковский делал до завершения своей книги не менее пяти раз, и они, без сомнения, явились для него определенной формой творческой работы над очерками. Характерно, например, что некоторые «темы», указанные в приведенных выше выдержках из афиш, не нашли отражения в книге.

Стр. 265. Моя последняя дорога. – См. примечания к стихотворениям (стр. 466).

Стр. 265. ...под тобой, быть может, Атлантида. – Существует предположение, что в Атлантическом океане некогда был громадный остров «Атлантида», исчезнувший в результате геологических изменений.

Стр. 266. ...великие люди: Балиев да Шаляпин. – Балиев, Н. Ф. – руководитель и конферансье театра-кабаре «Летучая мышь» в Москве. В 1920-х годах эмигрировал за границу, гастролировал по Америке. Шаляпин – см. примечание к стих. «Письмо писателя...» (стр. 510).

Стр. 266. «В Марокко все спокойно.» – Маяковский иронизирует над лживой информацией о восстании против испано-французских колонизаторов, происходившем в 1925 году в Марокко.

Стр. 267. Коммивояжер – разъездной представитель торговой фирмы; ремингтон – система пишущей машинки.

Стр. 267. Покер – карточная игра; маджонг – китайская игра, напоминающая домино.

Стр. 267. Тотализатор – игра на деньги на конских состязаниях.

Стр. 267. Плевна (Плевен) – город в Болгарии; во время войны 1877–1878 годов русские войска под Плевной взяли в плен турецкую армию.

Стр. 268. Гавана – см. примечание к стих. «Блек энд уайт».

Стр. 269. Трезвые Соединенные Штаты. – В США в то время была запрещена торговля спиртными напитками.

Стр. 270. Лимитед (англ.) – разновидность капиталистического треста.

Стр. 270. Десятиэтажный Форд, Клей и Бок – речь идет о представительствах крупных капиталистических фирм США в Гаване.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Стр. 270. Прадо, Ведадо, коларио, фламинго – см. примечания к стих. «Блек энд уайт».

Стр. 270. ...кладбище бесчисленных Гомецов и Лопецов. – Гомец и Лопец – широко распространенные в Мексике фамилии.

Стр. 271. «Ду ю спик инглиш?» (англ.) – «Говорите ли вы по-английски?»; «Парлата эспаньола?» – искаженная испанская фраза «Говорите ли вы по-испански?» («Абла эспаньол?»); «Парле ву франсе?» (франц.) – «Говорите ли вы по-французски?»

Стр. 271. «Ай эм рѣша!» (по-английски – правильно: «Ай эм рашен») – «Я русский!»

Стр. 271. Флорида – полуостров на юго-востоке США.

Стр. 273. Кин сав – неточно переданное испанское выражение «Quien sabe» (Кто знает).

Стр. 273. Махновщина – здесь в смысле «анархия», «беспорядок» (см. примечание к стих. «Еврей»).

Стр. 274. Диего де Ривейра встретил меня на вокзале. – Диего де Ривера (1886–1957) – выдающийся мексиканский художник-монументалист. По поводу приезда Маяковского в Мехико журнал «Анторча» писал: «Утром, когда он приехал из Вера-Круц в Мехико-сити, его встречали на вокзале известный мексиканский художник Диего де Ривера со своей помощницей – Анайей. Еще в порту ему посоветовали купить билет в международный вагон. Он купил. Анайя, от наблюдательного взгляда которой ничто не может укрыться, воскликнула, когда Маяковский вышел из вагона:

– Смотрите, дон Диего, смотрите! У него билет в международный вагон, а он выходит из вагона второго класса...

Художник сказал: «Если Маяковский будет путешествовать по Мексике, то он поедет только во втором классе, чтобы увидеть нас такими, какие мы есть» (В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника. Государственное издательство художественной литературы, М. 1956, стр. 233).

Стр. 275. Хулио Хуренито – герой романа И. Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито...» (1922) – лицо вымышленное.

Стр. 275. Ацтеки – см. примечание к стих. «Мексика» (стр. 478).

Стр. 275. Корабли генерала Эрнандо Кортеса – см. очерк Маяковского «Мексика» (стр. 347).

Стр. 276. Кайес, Плутарко Эльяс – президент Мексики в 1924–1928 годах.

Стр. 276. Гвадалахара – город на юго-востоке Мексики.

Стр. 277. ...делегат Крестинтерна товарищ Гальван. – Крестинтерн – сокращенное название Крестьянского Интернационала – международной организации того времени. Гальван Урсуло был делегатом Мексики на первом конгрессе крестинтерна в Москве (октябрь 1923 года).

Стр. 277. Вапповцы (от слова ВАПП) и мапповцы (от слова МАПП) – члены Всесоюзной и Московской ассоциаций пролетарских писателей.

Стр. 277. Верже – дорогой сорт бумаги.

Стр. 277. Павлова, Анна Павловна (1881–1931) – выдающаяся русская балерина. С 1914 года жила за границей.

Стр. 278. «Батаклан» (франц.) – здесь: низкосортное варьете, кафе.

Стр. 278. Торо (исп.) – бык.

Стр. 278. Ройльс (точнее: «Ройль-Ройльс») – английская марка дорогого

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский и
автомобиля.

Стр. 279 Торо (исп.) – здесь: в смысле арена для боя быков.

Стр. 280. ...король Альфонс испанский. – Альфонс XIII, царствовавший в 1886–1931 годах.

Стр. 280. Диэц (точнее, Диас), Порфирио – президент Мексики в 1877–1880 и 1884–1911 годах.

Стр. 281. Недолгого царя Итурбиды. – Итурбиде, Агустин (1783–1824), реакционный политический деятель Мексики. В 1822 году объявил себя императором; спустя год был свергнут и вскоре расстрелян.

Стр. 281. Нотр-Дам – Собор Парижской богородицы.

Стр. 281. Площадь Сокола – см. примечание к стих. «Богородица» (стр. 479).

Стр. 281. Гиды – экскурсоводы; Куки – здесь справочники знаменитой туристической конторы Кука.

Стр. 282. Сухаревка – Сухаревский рынок, существовавший в Москве.

Стр. 282. 12 сантимов – см. примечание к стих. «Мексика».

Стр. 282. Генерал Боливар, Симон (1783–1830) – один из героев национально-освободительного движения в Южной Америке.

Стр. 282. Ястребиный Коготь – см. примечание к стих. «Мексика» (стр. 477),

скальп – см. примечание к стих. «Свидетельствую» (стр. 481).

Стр. 283. ...нашего грузового полка. – Полк – телега для перевозки громоздких предметов.

Стр. 284. ...праздник 14 июля – французский национальный праздник – день взятия народом тюрьмы Бастилии в 1789 году.

Стр. 286. Гомперс, Сэмюэль – реакционный профсоюзный деятель США, был с 1882 по 1924 год председателем Американской федерации труда.

Стр. 287. Лассо – см. примечание к стих. «Мексика» (стр. 477).

Стр. 288. Ларедо – см. примечание к стих. «Мексика – Нью-Йорк» (стр. 479).

Стр. 291. Хайкис – генеральный секретарь советского полномочного представительства в Мексике в то время.

Стр. 291. Визу дали. – Хайкис впоследствии вспоминал: «Маяковскому удалось получить визу в САСШ, убедив консульство в том, что он просто рекламный работник Моссельпрома и «Резинотреста» (см. «Литературная газета», М. 1934, № 26, 4 марта).

Стр. 293. Бон гарсон (франц.) – хороший парень.

Стр. 293. Одоль – марка зубного порошка.

Стр. 296. Пульмановский вагон – особый тип вагона, получивший название от фамилии Пульмана – владельца крупных вагоностроительных заводов в США.

Стр. 296. Сан-Антонио – город на юге США.

Стр. 297. Шенандоу – крупный американский дирижабль, потерпевший катастрофу 3 сентября 1925 года во время урагана.

Стр. 299. ...гоморный и содомный Нью-Йорк. – Выражение «Содом и Гоморра» (от названий мифических библейских городов) стало нарицательным для обозначения

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
крайнего беспорядка, разврата, суматохи и т. д.

Стр. 299. Русская Канада – в Канаде много выходцев из России.

Стр. 300. В одном из фельетонов «Правды»...– Имеются в виду путевые заметки И. Поморского «Как мы приехали в Нью-Йорк» («Правда», М. 1925, № 206, 10 сентября).

Стр. 302. никель (американизм) – пятицентовая монета.

Стр. 303. С войны за освобождение. – Имеется в виду война за независимость США от Англии (1775–1783).

Стр. 305. Элевейтер – см. примечание к стих. «Бродвей» (стр. 480).

Стр. 306. Ай-добль-добль ю (по-английски I. W. W.) – сокращенное название профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» (Industrial workers of the world).

Стр. 306. Генерала – усмирителя Ирландии. – В 1916 году в Ирландии вспыхнуло восстание, жестоко подавленное английскими войсками.

Стр. 306. Голдапы – от амер. «hold up» – грабить.

Стр. 307. Айскрим (англ.) – мороженое.

Стр. 307. Чарлстон – модный в 1920-х годах салонный танец.

Стр. 307. Собвей (англ.) – метро.

Стр. 308. Генерал Грант, Улисс Симпсон (1822–1885) – национальный герой США. Командовал войсками северян во время гражданской войны 1861–1865 годов; позднее – президент США.

Стр. 309. Голиаф – легендарный библейский великан.

Стр. 309. Файф-о-клок (англ.) – чаепитие в 5 часов вечера.

Стр. 310. Плебс (лат.) – простонародье.

Стр. 310. Рахманинов, С. В. (1873–1943) – выдающийся русский композитор и пианист, последний период жизни провел в США.

Стр. 310. Канализационные акции – то есть акции компаний, владеющих канализационной сетью.

Стр. 310. Демос (греч.) – здесь – то же, что плебс.

Стр. 311. Вандербильт – один из крупнейших миллиардеров США.

Стр. 312. Аттабой – от английского выражения «That's a boy» («Вот это парень!»).

Стр. 313. Ковбой (американизм) – конный пастух.

Стр. 313. Мустанг – см. примечание к стих. «Мексика» (стр. 477).

Стр. 313. Бычок – здесь: изображение на долларе.

Стр. 313. Линкольн, Авраам (1809–1865) – выдающийся государственный деятель США.

Стр. 316. Пакен и Анан – владельцы роскошных ателье одежды и обуви в Париже.

Стр. 316. Обезьяний процесс. – Это название получил сфабрикованный в 1925 году реакционерами судебный процесс против американского учителя Скопса, который пытался ввести преподавание основ дарвинизма в школе.

Стр. 316. Монмартр – район в Париже, где сосредоточено много увеселительных заведений.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
Стр. 317. Бутлегер – см. примечание к стих. «Американские русские» (стр. 486).

Стр. 319. ...ночи осени 1920–1921 года. – В это время промышленность США переживала полосу острого кризиса.

Стр. 319. При мне революционные портные... повели... борьбу...– По свидетельству одного из участников описываемых здесь событий, Маяковский «интересовался каждой деталью этой борьбы. Он часто ходил на собрания рабочих...выступал перед ними с докладами на литературные темы и читал свои стихи. Во время исторической демонстрации дамских портных...он целый день провел на улице» (Шахно Эпштейн, Встречи с Владимиром Маяковским, журн. «Червоний шлях», Харьков, 1930, № 5–6, стр. 149).

Стр. 320. Саклатвала, Шапурджи (1874–1936) – индеец, член ЦК Английской коммунистической партии, депутат парламента.

Стр. 322. Мне необходимо было срочно после лекции в Чикаго выехать ночью на лекцию в Филадельфию. – Маяковский выступал с лекциями в Чикаго 2 и 20 октября, а в Филадельфии – 5 и 23 октября. Здесь речь идет о лекции в Филадельфии 23 октября 1925 года.

Стр. 325. Тридцать лет назад В. Г. Короленко...– Короленко посетил США в 1893 году. Маяковский по памяти передает здесь описание Нью-Йорка из повести «Без языка».

Стр. 325. Лет пятнадцать назад Максим Горький...– М. Горький был в США в 1906 году. Здесь имеется в виду его памфлет «Город Желтого Дьявола».

Стр. 326. Дело Ванцетти. – Ванцетти, Бартоломео и Сакко, Никкола – американские революционные рабочие, приговоренные в 1920 году к смертной казни по ложному обвинению в убийстве. Несмотря на протесты мировой общественности, они были казнены в 1927 году после длительного тюремного заключения.

Стр. 326. Ку-Клукс-Клан – организация американских фашистов (примечание Маяковского в отдельном издании).

Стр. 326. вельком (англ.) – добро пожаловать.

Стр. 326. Сто тысяч масонов...– Масонство – религиозно-этическое движение, распространенное во многих капиталистических странах.

Стр. 327. Шавли (Шауляй) – местечко в б. Ковенской губ. (ныне – город в Литовской ССР).

Стр. 328. Язык Вавилонского столпотворения. – По библейской легенде, бог, разгневанный дерзким замыслом вавилонян возвести башню (столп) высотой до неба, «смешал языки», и строители перестали понимать друг друга.

Стр. 328. ник Картер – см. примечание к стих. «Вызов» (стр. 484).

Стр. 328. Клетчатые ковбои киностудии Кулешова – киноартисты, учившиеся у советского кинорежиссера Л. В. Кулешова (р. 1899) и носившие модные в то время клетчатые «ковбойские» рубашки.

Стр. 329. ...премию... имени величайшего негритянского поэта А. С. Пушкина. – Прадед Пушкина принадлежал к черной расе.

Стр. 330. Карнеги, Эндью (1836–1919) – американский миллиардер. «Институт Карнеги», находящийся в Питсбурге (США) – научно-учебное учреждение на базе обширного музея.

Стр. 331. Карл Сандбург (или Сэндберг) – выдающийся демократический поэт США (р. 1878). Маяковский почти полностью приводит его стихотворение «Чикаго».

Стр. 334. ...его однофамилец Вудро. – Речь идет о Вудро Вильсоне, президенте США в 1913–1921 годах.

Стр. 335. ...в Чикаго идут к могильной плите первых повешенныхреволюционеров. –

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский п
«Во время своего пребывания в Чикаго тов. Маяковский посетил самое святое место
в Чикаго – могилу повешенных в 1887 году рабочих лидеров» (газ. «Новый мир»,
Нью-Йорк, 1925, 29 октября).

Стр. 336. Мичиган – озеро, на берегу которого расположен г. Чикаго.

Стр. 336. Детройт. – Маяковский выступал в Детройте 30 сентября и 18 октября.

Стр. 337. Пресловутая Кирилица – жена Кирилла Романова – одного из
«претендентов» на русский престол после казни Николая II.

«Принц» Борис – брат Кирилла.

Стр. 337. Родченко, А. М. (1891–1956) – советский художник, выдающийся мастер
фотомонтажа; друг и соратник Маяковского.

Стр. 338. Его книга, изданная в Ленинграде. – Г. Форд, Моя работа и жизнь, П.,
1923.

Стр. 341. Френчлайн (англ.) – французская (пароходная) линия.

Стр. 342. Замахнулась... американская баба-свобода... – См. примечание к стих.
«Порядочный гражданин» (стр. 483).

Стр. 343. Регардэ (франц.) – смотрите.

Стр. 343. Фордзоны – см. примечание к стих. «Две Москвы» (стр. 506).

Амторг – акционерное общество, осуществлявшее в то время торговые операции между
СССР и США.

Стр. 344. Бусы – автобусы.

Стр. 344. Депортация – высылка из страны. Широко применяется в США для борьбы с
прогрессивными деятелями.

Стр. 345. Хороший, типа Уэллса, роман «Борьба двух светов». – Речь идет о
знаменитом научно-фантастическом романе Герберта Уэллса, в котором изображено
нападение марсиан на землю.

Мексика (стр. 347). Журн. «Огонек», М. 1926, № 1, 3 января.

Напечатано в качестве предисловия к стихотворению «Мексика», опубликованному в
этом же номере журнала. Иллюстрировано фотографиями, привезенными Маяковским из
Мексики: 1) Американский флаг, вывешиваемый в Мексике на доме неплательщика за
квартиру («американский», очевидно, напечатано ошибочно – см. текст очерка); 2)
Бой быков в Мехико; 3) Мексиканский коммунист Морено с Вл. Маяковским; 4) Тов.
Карио, мексиканский коммунист; 5) Мексиканский пейзаж; 6) Памятник Сервантесу в
Чапульталепеке (Мехико).

Ряд пояснений к этому очерку см. в тексте очерков «Мое открытие Америки» и в
примечаниях* к ним.

Американское кое-что (стр. 349). Журн. «Красная нива», М. 1926, № 10, 7 марта.

Напечатано вместе с фотографией: «Вл. Маяковский на одной из улиц Нью-Йорка».

Очерк во многом совпадает с началом третьей части книги «Мое открытие Америки»
(см. стр. 320).

Свинобой мира (стр. 353). Журн. «Огонек», М. 1926, № 11, 14 марта.

Очерк представляет переработку очерка «Чикаго» из книги «Мое открытие Америки»
(см. стр. 330).

Америка в Баку (стр. 357). Журн. «Огонек», М. 1926, № 15, 11 апреля.

Написано в результате поездки в Баку во второй половине февраля 1926 года.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Было напечатано в журнале с тремя фотографиями из альбома, подаренного Маяковскому в Баку: 1) Вид черного города; 2) Групповой прибор, заменяющий 20 нефтяных вышек с желонками; 3) Раманынский рабочий поселок в Баку. Надпись на альбоме: «Пролетарскому поэту В. Маяковскому от признательных нефтерботников и Азнефти 22 февраля 1926 г.» (БММ).

О поездке в Баку 1926 года Маяковский вспоминает также в статье «Рожденные столицы» (см. т. 12 наст. изд.). Впечатления от поездки отразились в стих. «Баку» (т. 8) и в киносценарии «Инженер д'Арси» (т. 11 наст. изд.).

Стр. 357. ...восемнадцать лет назад. Издали. – В 1906 году Маяковский переехал из Грузии в Москву. Вспоминая эту поездку, он пишет в своей автобиографии «Я сам»: «Дорога. Лучше всего – Баку. Вышки, цистерны, лучшие духи – нефть...» (см. т. 1 наст. изд.).

Стр. 357. Второй раз... в 13-м. – Маяковский выступал в Баку 29 марта 1914 года, а не в 1913 году.

Как я ее рассмешил (стр. 360). Журн. «Огонек», М. 1926, № 29, 18 июля.

Стр. 360. Серсо – игра с тонким, легким обручем, который подбрасывают и ловят специальной палочкой.

Стр. 361. Бурлюк, Д. Д. (р. 1882) – художник и поэт, друг Маяковского, с 1922 года живет в США.

Стр. 362. ...не заметил Москвы и почти что прямо подъезжал к Краснодару. – См. примечание к стих. «Краснодар» (стр. 489*).

Другие редакции

Мелкая философия на глубоких местах (стр. 367). Два беловых автографа (БММ); «Красная газета», вечерний выпуск, л. 1926, № 117, 20 мая.

Представляет вторую, позднейшую редакцию одноименного стихотворения. Перерабатывая это стихотворение, Маяковский выбросил одну из строф (пятую) и добавил две новых строфы, а также примечание. Однако в томе 5 Собрания сочинений, сданном в Госиздат 12 ноября 1926 года, Маяковский оставил без изменений первую редакцию стихотворения.

Строка 24. Обрастание. – В середине 1920-х годов, в период нэпа, когда в советском обществе получили некоторое развитие буржуазные элементы, слово «обрастание» употреблялось по отношению к людям, стремившимся к накоплению предметов быта и роскоши.

Приложение

Коллективное

Первый первомай (стр. 373). Отдельное издание.

Написано Н. Н. Асеевым при участии Маяковского.

Строки 15–16. Американская Федерация труда (АФТ) – крупнейшее профсоюзное объединение США, существует с 1881 г.

Строки 43–48. ...рабочие снова без колебания за павших поднялись два года спустя. – Отмечая героизм рабочих Чикаго, Американская Федерация труда приняла в 1888 году решение устраивать ежегодно, в день 1-го мая, демонстрации и забастовки.

Строки 75–78. в Париже за год до этого срока был созван международный конгресс. – 14–20 июля 1889 года в Париже состоялся I конгресс II Интернационала.

Строка 104. Лавров, П. Л. (1823–1900) – один из идеологов народничества.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский

Строки 180–182. Везде шуцмана, жандармы, констэбли...– Шуцман (немецк.) и констэбль (англ.) – полицейский.

Строки 196–197. В Германии – праздник сведен на нет. – Стремясь выхолостить боевое содержание первомайского праздника, германские социал-демократы (а за ними и оппортунисты других стран) перенесли его на первое воскресенье мая – нерабочий день.

Строки 271–272. ...говор про русский действенный метод...– Революция 1905 года в России оказала большое влияние на международное рабочее движение; первомайские забастовки и демонстрации в различных странах в 1906 году носили боевой характер.

Частушки для книгонош (стр. 386). Беловой автограф рукой С. И. Кирсанова (БММ).

Написано С. И. Кирсановым при участии Маяковского.

Впервые опубликовано: журн. «Литературное обозрение», М. 1936, № 6.

Строки 138–139. ять, фита, ижица – буквы русского алфавита, упраздненные после революции.

Стихи и картинки эти вот про стрелочников и лесопильный завод (стр. 391). Журн. «За 7 дней», М. 1926, № 14, январь.

Написано С. И. Кирсановым при участии Маяковского.

Напечатано в журнале со следующим примечанием: «Воспели Кирсанов и Маяковский. Видели два рабкора – 554 да 524».

Иллюстрации

В. Маяковский. Фото, 1925 г.

Черновой автограф стихотворения «Бродвей». (Записная книжка 1925, № 33.)

Беловой автограф стихотворения «Сергею Есенину». 1926.

Рисунки Маяковского к стихотворению «Лев Толстой и Ваня Дылдин» в журнале «За 7 дней». 1926, № 11.

Обложка первого издания очерков «Мое открытие Америки». 1926.

Рисунок Маяковского, сделанный в Мексике. (Записная книжка 1925, № 33.)

Маяковский и Морено. Фото. Мексика. 1925.

Выходные данные
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ

Полное собрание сочинений. Том 7.

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
Редактор тома А. Февральский.

Редактор К. Малышева.

Оформление художника Б. Воронцового.

Художественный редактор Г. Клодт.

Технический редактор Г. Архангельская.

Корректор Г. Сурис.

Сдано в набор 24/V 1957 г. Подписано к печати 4/X 1957 г.

Бумага 84 × 108 1/32 – 16,75 печ. л. 27,47 усл. печ. л. 25,43 уч. – изд. л. + 7
вклеек = 25,78 л.

Тираж 190 000 экз.

Заказ № 537.

Цена 11 р.

Гослитиздат.

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского
Совнархоза.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Примечания

1

«No!» – нет! (англ.)

2

«Jes!» – да! (англ.)

3

«Notre-Dame [de Paris]» – Собор Парижской богородицы.

4

«The Filadelfia Inquirer» – «Филадельфийский вестник» (англ.).

5

«Opportunity» – «Современность» (англ.).

6

Buch street bridge – мост улицы Баш (англ.).

7

Мост улицы Баш (англ.).

8

Дайте мне, пожалуйста, стакан чаю.

9

нений в тринадцати томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925–1926. Владимир Владимирович Маяковский
Не без оснований опасаясь проверки своих рукописей, которая могла дать повод к
запрещению въезда в США (см. очерки «Мое открытие Америки»), Маяковский
предварительно зачеркнул «опасные» места в текстах уже написанных им
стихотворений о путешествии, а именно: слово «Иисусе» в антирелигиозном
стихотворении «6 монахинь» (строка 101); относящиеся к Америке слова «закрыл,
слегка почистил» и «опять открыл вторично» в стих. «Христофор Колумб» (строки
261–265); слова «надо обращаться в Коминтерн, в Москву» в стих. «Блек энд уайт»
(строки 140–142); имена мексиканских революционеров Запаты, Гальвана, Морено,
Карю в стих. «Мексика» (строки 275–279). В тексте последнего стихотворения
зачеркнут также ряд слов в строфах о революционной борьбе мексиканского народа:
слова «сытый», «запирает», «борьбе», «камарада» (строки 248–261) и «багровое
знамя» (строка 288). Впоследствии поэт восстановил все зачеркнутые места (в
записной книжке 1925 года, № 33).

10

В письме Маяковского говорится по этому поводу: «Шлю стихи и беспокою тебя
страшными просьбами:

11

При составлении примечаний к этому стихотворению и к ряду других стихотворений
американского цикла («Мелкая философия на глубоких местах», «Мексика», «Барышня
и Вульворт», «100%», «Бруклинский мост» и «Кемп «Нит гедайге»»), а так же к
очеркам «Мое открытие Америки» были использованы материалы, предложенные С. С.
Кэмрадом.

12

В действительности Христофор Колумб – сын генуэзского ремесленника.

13

См. первоначальный вариант строки 6 (стр. 406).

14 Государственное издательство. – Ред.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskiyvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!